

В. Попов-Попов

Чё делать?

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Владислав Михайлович Попов

Чё делать?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34453122

SelfPub; 2018

Аннотация

Стас Атасов приехал на открытие торгового центра «Новый свет» и бесследно растворился среди товаров и покупателей. Начальник охраны Патроныч, он же бывший участковый Антон Петрович Мотыль, пытается разгадать загадку, но быстро устает. Зато энтузиазмом горит продавщица Лиза Курицына. Тем временем в торговый центр прибывает несколько персонажей: запойный игрок Василий Горюхин, вор Костя Таракан и Андрей Афанасьевич Мизулькин, который ботинки хотел купить. Они будут сталкиваться, как бильярдные шары, менять свои траектории, а также цели и задачи, и даже взгляды на жизнь и будущее. Содержит нецензурную брань.

В. Попов-Попов
ЧЁ ДЕЛАТЬ?
роман

1

Пустырь был огромный, в 2-3 футбольных поля. Он бесстыдно развалился, как грязный бомж на остановке, почти прямо в центре города. С одной стороны он упирался в улицу имени пятьдесят пятой Конной армии, с другой – во вторую Фабричную. Возмущенный Ильич махал ему чугунной ладошкой, как будто пытался прогнать. Замыкал окружение пустыря частный сектор. Частный сектор плавно переходил в гаражи, гаражи лепились вдоль железной дороги, железная дорога бежала вдоль речки, речка впадала в Волгу, а Волга в Каспийское море. Поколения городских властей и архитекторов бились с пустырем, но все в пустую. В начале 80-х на его месте решили построить новый микрорайон из панельных девятиэтажек. Когда первые две коробки выросли до четырех-пяти этажей, они начали коситься, трещать по швам и куда-то проваливаться. Под пустырем оказались какие-то пустоты, по которым текли подземные воды, а где они не текли, лежали какие-то ненадежные зыбучие пески. В общем, строить было нельзя. Коробки остались стоять на память о первой неудачной попытке покорения пустыря. Потом в городе появились мэры. Один из них решил разбить на пусты-

ре сад. Ряд засохших саженцев долго напоминал об этом благородном, но тоже неудачном порыве. Зато на пустыре прижился книжный рынок. Потрепанные интеллигенты продавали друг другу свои библиотеки, патлатые, стареющие юноши менялись пластинками, юноши посвежее и попрыщавее продавали видеокассеты, а на самых задворках рынка тихой сапой пробивалась порнуха. Затем появились диски, рынок стал шумнее, молодежнее. Букинисты постепенно исчезли как вид, остался только крикливый дядя Юрик. Пласты толкал одинокий битломан, пока ему не разбили и пласты, и очки как у Леннона. На рынок стала навещаться милиция с проверками, чтобы набрать себе побольше новых фильмов. Говорят, потом два сержанта стали кинокритиками. Рынок продолжал по инерции называться книжным, пока молодежь с дисками не была выдвлена с натопанной площадки торговцами-автомобилистами. С этого момента он стал называться Железкой. Сюда приезжали за деталями даже из самого Тольятти. Популярность сыграла плохую шутку с Железкой. Доходное торговое место было куплено могущественной, по слухам столичной, фирмой. Друг за другом исчезли автомобилисты, саженцы, недостроенные панельные коробки и, наконец, дядя Юрик. Экскаваторы разворотили пустырь, как тузик грядку, потом нагрянули стаи камазов с бетономешалками, потом вырос огромный железобетонный скелет, как будто на пустыре откопали какое-то циклопическое доисторическое чудовище. Оно стало обрастать стеклянной чешу-

ей, и через год засияло, заиграло красками; а на морде-фасаде появилась вывеска размером с десять окрестных гаражей – торговый центр «Новый свет». Остатки пустыря были залиты толстым слоем бетона.

2

Золотой голос страны пропал примерно через полчаса после выступления. Ладно бы просто пропал, но он пропал вместе со своим хозяином, певцом Стасом. В 15 00 торжественно разрезали ленточку, толкнули речь, в 15 20 местная танцевальная группа открыла праздничный концерт по случаю открытия «Нового света». Открытие было чисто символическим, центр заперли, чтобы собравшаяся толпа не разнесла его шикарные внутренности. Последним должен был выступать сам Стас. В 19.00 его внесли на эстраду, в 19.17 вынесли, в 21.45 у него был рейс обратно в Москву, но самолет улетел без звезды. Администратор Леночка, она же в этой малобюджетной поездке специалист по мейк апу, поступала в импровизированную гримерку звезды, как обычно, через полчаса. Потом еще раз. Потом, не дождавшись ответа, вошла. Стасика не было перед зеркалом, его задорный костюмчик из джинсов со стразами и рваной футболочки валялся сиротливо на полу. Леночка была озабочена. Через 5 минут она была расстроена, еще через 15 минут она бегала в панике, бледная как смерть. К тому времени генеральный директор «Нового света» опрокинул тост за успех предприятия, три тоста за каждый этаж центра, тост за тор-

говлю, тост за город, тост – за партнеров, за поставщиков, за подрядчиков, за строителей, а так же за начальника департамента землепользования, начальника департамента водоснабжения, главу РОВД, ГУВД, ГИБДД, за мэра и за себя самого. Поэтому он не сразу понял, о чем речь, когда ему сообщили о пропаже. Он успел еще выпить за родину и за жену, когда до него дошел смысл сказанного. Он не протрезвел, как обычно пишут в романах. Просто разбил бутылку об охранника, сообщившего новость. Потом куда-то рванулся, но упал и забылся тревожным сном. За него не спал его заместитель по общим вопросам. «Спокойствие, только спокойствие», – подумал он и заорал в трубку на охрану:

– Прое...али пид...СА, где, млядь, вы были? Сношались? На зоне будете у меня сношаться ...

Через пять минут размышлений вслух о судьбах охранников добавил спокойнее:

– Проверить все, на х, заблокировать все входы и выходы, пройти по периметру, осмотреть окна, самых тупых расставить по этажам. Докладывать все и стоять пока не дам отбой. Кто, мля, уснет на, разбужу и удавлю на х.

– Те чЁ, помочь? – лениво и покровительственно предложил заму бывший коллега, ныне начальник ГУВД.

– Не, сами справимся.

– ПАняатно. Ну чЁ, банкет окончен?

3

Лиза смотрела на трансформера, а видела Стаса. Он ле-

жал раненый в углу подвала, бледный и красивый. Стразы поблескивали в луче света, который лился из тусклого окошка. Лиза подошла и деловито начала перевязывать рану. Стасик встрепенулся. Молчите, – сказала она строго, – вам нельзя говорить, у вас опасная рана, – и забинтовала ему обнаженный, поцарапанный бицепс. Кумир благодарно посмотрел на нее. Прошелся взглядом по ее светлым волосам, серым глазам с длинными ресницами, пухлым губам, щекам, бюсту 3 размера и спустился ниже по фигуре. Он полюбил ее сразу. Лиза поняла это по его глазам. Признаться вслух Стас не мог, ведь она сама попросила его молчать. «Я спасу вас, не бойтесь». И она спасала его от всех врагов, жертвуя собой в последний момент. А потом они жили долго и счастливо, но это уже было в таком тумане, что не разглядеть. Поэтому она опять мечтательно вернулась в подвал к раненому Стасу.

«Лиза, ты не представляешь себе, сколько у меня врагов. Брось меня», – заговорил Стас, несмотря на запрет. Он сразу перешел на «ты», потому что начал испытывать к девушке не только влечение, но и безграничное доверие. «Но один друг у вас точно есть», – грудь Лизы начала вздыматься от волнения, – «это я...»

– Ты чоо, Лизка? Лиискаа! Корова ты пергидрольная, че застыла? Очнись, красавица! В школе могла ворон считать, а здесь давай работай. Поставь трансформера на место, коробки подвинь сюда, медведей на нижнюю, чтоб мелкотня видела, да осторожней ты, я за них деньги платила. Да че ж

ты все роняешь? Поколение дебилов, только чупа-чупсы сосать можете. Я тя для чего на работу взяла? Что б помогала мне, а не товар портила. Сломаешь мне игрушки, я тя обратно на улицу выкину, поняла?

– Поняла, поняла, тетя Свет. «Крыса старая, старуха-процентщица» – гордо ответила про себя Лиза и поставила на полку упавшего викинга с большим топором.

Светлана Михайловна немного лукавила, когда ругала нерадивую помощницу за сломанные игрушки. Товар она закупала в Москве, то есть не совсем в Москве, а на задворках люберецкого рынка. Брала у китайцев неликвид с дефектами и сама их по мере сил и фантазии исправляла. Драконы, динозавры, рыцари, хоббиты, робокопы, самолеты, автомобильчики, солдатики – все менялись запчастями и поражали воображение сочетаниями. Иногда у терминатора была голова Барби, только бритая, потому что так мужественней. Сама Барби часто попадала на полку с проволокой вместо ног, а протезы скрывал самодельный сарафан. Однажды Гарри Поттер держал вместо волшебной палочки автомат и его очень быстро купили. Совесть Светлану Михайловну не мучила. Что супермен, что бакуган, что автобот – ей было все равно. Дебильные игрушки для дебилов тупых, – так она говорила, потому что раньше была учительницей на хорошем счету. В «Новый свет» Светлану Михайловну взяли благодаря племяннику. Женек работал охранником и дорос до начальника смены. Через него она занесла конверт куда на-

до, то есть Антон Петровичу. Подарила еще пакетик игрушек, но пакетик вернули, сказали, что трансвеститы-инвалиды (это был Терминатор в розовом платье, без ног) пятилетним девочкам не игрушки.

4

Женек не спал всю ночь, был помятый, как фантик от съеденной конфеты, злой, как черт или подросток, которому надо встать в школу. «Гандон Патроныч всю ночь гонял, искали там этого... Мы такие стоим, обалдели прям. Орет, на, как пострадавший. Всех кроет. Мы сначала ваще не врубались, че этот придурок хочет. Я ему такой: «Спокойно, – говорю, – давай по порядку». Оказалось, звезда московская слиняла куда-то или грохнули. Концы вводу, тела нет. Говорю: «Нормально, ща сделаем все как положено».

– Женек, а Женек.

– Че?

– Пушкин через плечо. Кончай свою поэму, достал, сколько можно одно и тоже с утра слушать. Я вас в школе наслушалась, дебилов.

– Я, может, не тебе рассказываю, а Лизке. Патроныч, ваще, сказал всем свои складские помещения проверить на предмет нахождения улик и следов. Так что, тетя Свет, двигай, может, найдешь там этого москаля. Или, – Женек понизил голос и повернул стриженную голову к Лизе, – труп его, расчлененный.

Лиза отвернулась, ей было неприятно, что о Стасе Атасове говорили в таком тоне:

–Ирония здесь неуместна. Тем более Светлана Михайловна, мне уже все рассказала.

Женек вдруг спал с лица, и Лиза даже испугалась, что ответила слишком сурово. Она испугалась еще больше, аж, ойкнула со страху, дернувшись всем телом и колыхнув грудью, когда за спиной раздался тихий, но очень страшный, сиплый голос:

– Жопа. Я тебя с продавщицами послал заигрывать? Где твоя смена?

Бледный Женек не смел шелохнуться и оправдаться, и, вообще, забыл обидеться.

– Пшел, на склад, проверь и доложишь.

– Есть.

Начальник смены, отличник по физкультуре и НВП, три месяца в секции бокса, два – в самбо, дворовый козырь, когда-то размазавший самого Димона-каратиста из 8-го А», собрал остатки пацанского достоинства и попробовал не побежать.

–Ну, живааа, – рявкнул страшный Патроныч, и Женек побежал.

– Лизонька, дорогая, на ключи, покажи наше помещение, – проворковала Светлана Михайловна и сделала царский жест рукой, рефлекторно войдя в образ фем фаталь при виде зама.

Лиза еле догнала Женька у эскалатора.

– Подожди.

Она слегка запыхалась, потом замешкалась, раздумывая: если встать ниже охранника, он уставится в декольте, если выше, то в ноги, а у нее колготки лопнули. Но расстроенный Женек отвернулся, подставив для осмотра затылок и пылающие уши. Дальше они шли молча. Пересекли очередь за бургерами, потом очередь в кино, и наконец, очередь в туалет; открыли дверь с табличкой «служебные помещения». Шум толпы резко сменился тишиной, только лампы жужжали и шаги гулко разносились по коридору. Здесь не было ни души. Через пару минут этого одиночного плаванья в Лизе стала накапливаться какая-то смутная тревога, перед каждым поворотом сердце билось чаще, она чего-то ждала, сама не зная чего. Когда она вставляла ключ в замок, то даже не сразу попала.

– Дай, я – протянул руку помощи Женек, который не проникся мистической атмосферой коридора. – Замок поставили, елки, скрепкой открыть можно. Светлана твоя чем думает?

– Да тут товару, раз, два, и обчелся.

– Эх, вы, надо ж не только о своем барахле думать, – начал повторять лекцию босса Женек и параллельно открывать дверь. – Хлипкая какая. А если террористы бомбу подложат, а? Че молчишь, нечем крыть?

Лиза застыла и онемела, уставившись вглубь открывше-

гося склада. Бородатый террорист с бомбой, красными цифрами, мельтешащими на таймере, черная вдова, укутанная в саван, обмотанная взрывчаткой с глазами злого зомби испугали бы ее, конечно, больше, но удивили бы меньше, чем то, что она увидела.

– Ну че, статУя, – Женек обошел продавщицу, которая не могла шелохнуться, – вроде все нормально, на месте. Охранник прошелся мимо полок, сгреб оттуда барби, перевернул ее пластиковым задом вверх, согнул ноги и в неприличной позе мойщицы полов поставил обратно. – – Закрываем лавочку. Ща доложу Патронычу и на обед отпрошусь. Ну, погнаги.

– Да, пойдем, – как-то вяло ответила Лиза, с трудом переставляя ватные ноги. «Сказать этому дураку или не сказать? Как он вообще ничего не заметил? А что он должен заметить? Стоят куклы в ряд, все как новенькие, целехонькие. Глазки, ножки, ручки на месте. Все нормально!!!!» – Нормально, – врывалось у Лизы.

– ЧЁ? – дернулся Женек.

– Ничо, – и Лиза снова ушла в себя.

Мысль, как подводная лодка, всплыла на поверхность реальности, дала залп и обратно на дно. «Что нормально-то? У нас нормально – ЭТО НЕ-НОР-МАЛЬ-НО! Что случилось? Кто играл в мои игрушки и починил их все!? Это ж надо! 4 здоровых мешка бракованного игрушечного мусора, расчлененных кукол, разбитых машинок превратить в... В,

черт знает что. Все целы, невредимы, без изъяна, как в магазине! Эти Барби еще вряд поставлены, причем голые. Точно! Маньяк. ОООО, вот ты, Лизка, попала! Так сказать или не сказать?» Она посмотрела на охранника оценивающе, на его уши, на татуировку то ли тигра, то ли волка, на руки, играющие ключами в штанах, подумала, подумала и передумала. «Не, не поймет».

5

– Умора! Смотри, вот это дуэт идет!

– Ха, Слон и эта, как ее, Моська.

– О, май гад, чё она нацепила? Это че за мешок в виде юбки? А чем она свои баллоны прикрыла? А че там нарисовано? А туфли смотри. А на голове че. Слониха, она ж если упадет, то ушастого просто раздавит, ха.

Две головы (хвост и челка, хвост и челка) выглядывали из за лысого манекена с приколотым объявлением SALE и тыкали пальцем через витрину в проходящих Лизу с Женьком. Вдруг обе головы синхронно повернулись и заговорили хором:

– Здравствуйте, проходите, пожалуйста.

Та, что была с хвостиком, челкой, в футболке поло, черных джинсах, с бэйджиком «менеджер АННА» зло взглянула на соседку с хвостиком, челкой, в футболке поло, черных джинсах, но с бэйджиком просто « Анна». Просто Анна запнулась и стала поправлять джинсы, которые тоже были черные и затем футболку, которая тоже была поло на пластико-

вой лысой женщине. Менеджер АННА продолжала:

– У нас новая коллекция и скидки по случаю открытия магазина. Смотрите и обращайтесь, мы всегда сможем вам подобрать что-нибудь подходящее.

– Подберите мне, знаете что, джинсы какие-нибудь.

– Легко. У вас какой размер?

– Да я не знаю.

– Дайте ка на вас взглянуть, тааак. Я на глаз могу размер определить. Менеджер АННА тепло и преданно посмотрела на покупателя. – Вы по адресу обратились. У нас европейская марка, все сшито на таких стройных, как вы.

Клиент неуверенно втянул живот.

– Пойдемте сюда, вот у нас ширина ... – менеджер АННА споткнулась на полуслове и дальше начала суетливо перебирать джинсы в одной стопочке, потом в другой...

– Аня, а где 53-ьи... ?

– Померяйте пока это.

Менеджер Анна не глядя дала пару джинсов и жестом послала покупателя по направлению к примерочной.

– Аня, ты офигела? Перешла на полушепот менеджер АННА. – Ты товар че не разложила, быстро дуй за джинсами для этого хомяка на склад.

– Ань. Я раскладывала. Я раскладывала, говорю тебе. Ты че? Все че там было, я принесла, я ж не дура какая те. Поищи лучше на полке.

– Ты че, менЯ что ли за дуру принимаешь, Аня. Я че, по-

твоему, не могу нужный размер джинсов того, это ...определить?

– Аня никого я ни за че не принимаю, нету товара больше, че ты на меня наезжаешь.

– Девушка, эти узковаты, кажется.

– Что вы, это так носят, такой тренд последнее время, – не поворачиваясь и не отводя гипнотического взгляда от просто Анны, ответила менеджер АННА.

Хомяк открыл занавеску, ширинка у тренда явно не застегивалась.

– Ну, давайте я вам другой фасон и размер принесу. Вот примерьте это.

Четыре пары должны были задержать клиента в примерочной еще минут на десять.

– А кто товар принимал, Аня, а? Ты смотрела в квитанции, когда Эльдар приезжал? Аня, ты че лажаешь с первого дня?

– Какие, Анечка, квитанции? Я товар вчера не принимала. Ты забыла все на свете со своим Стасом.

– Это, – донеслось из за штор, – вот эти великоваты, можно такие же, но поменьше, а? Эй! Ау, АУуу! Есть тут кто-нибудь?

– Хотите, ремень? Сейчас все так носят. Вон, Стас вчера на открытии так и носил, прям такие же джинсы точь-в-точь, – предложила менеджер Анна и тут же переключилась на другой разговор. – Аня, а кто по твоему принимал товар?

Я что ли?

– Аня, я не знаю, че ты привязалась, я же на концерте как и ты была.

– Мне бы все-таки, поменьше.

– Померьте следующие пока, сейчас мы поищем. – А ключи у тебя откуда?

– Откуда, откуда, от сюда. Не помню... у кассы, кажется, лежали.

– Девушки, эти тоже не подходят, они какие-то со стразами.

– Всем нравятся почему-то, а вам не нравятся. – Как так у кассы? Они ж в сейфе должны лежать.

– Просто, мне кажется, это женские...

– Давайте, я у вас эти заберу, а другие принесу. Да ради бога не стесняйтесь, чего я не видела...

– Да кто же туда их положил?

– Я думала, ты положила. Ты ж после концерта с Эльдаром хотела...

– Че ты несешь? Я с Эльдаром. Ничё я с ним не хотела. По себе людей не судят. Это ты же с ним мечтала тет-а тет после открытия ...

– Каааакой Эльдар, не пудри мне мозги. Я тебе кто?

– А я тебе кто? –

– Барышни, а я долго без штанов буду стоять?

– Да кто вас заставляет, сколько уже меряете, как девочка, не знаю прям.

– Да вы же мне сами...

– В чем дело, кто тут клиента обижает? За хамство штрафану по полной программе. Это вам не на толкучке левые шмотки толкать.

Грузный, седой гражданин с барсеткой прошел с суровым выражением лица, не глядя на продавщиц, прямо к примерочной. По-хозяйски, откинув татуированной рукой шторку, он стал утешать клиента, который, опешив, замер без штанов:

– Возьмите, уважаемый, любые джинсы, вторые бесплатно.

Потом подумал и добавил:

– Трусы тоже бесплатно.

– Теперь давай с тобой поговорим, Анечка.

– Эльдар, извини, я не...

– Ты не хотела, понимаю, – грустно, вкладывая какой-то другой смысл, произнес Эльдар, и повел ее в отдел нижнего белья.

– У нас тут накладка с товаром. Вот я и сорвалась.

– Сорвалась, Анечка, сорвалась. Это точно. Что это вчера такое случилось, а? Вроде договорились. А ты, оказывается, не хотела, потом сорвалась.

Эльдар погладил женские трусики.

– Я чем-то тебя обидел? Фрукты приготовил, вино, и, вдруг бац, после концерта нет Анечки. Что там такое случилось на этом концерте? Ты кого-то встретила?

– Ты что, Эльдар, никого я не встретила, у меня просто это, в общем женские неприятности, – потупила глаза менеджер АННА – пришлось уйти...

– Понятно, дорогая моя, понятно.

Эльдар встал.

– Запакуй это и отдай. Свои ошибки надо исправлять, дорогая.

Проходя мимо просто Ани, он бросил через плечо:

– А ты про оклад менеджера забудь, я продавщиц два раза не жду.

– Ну. Эльдар, ну, че ты!

Ани расстроено посмотрели ему в след. Менеджер Анна расстроилась, потому что изменила своему правилу: лучше синица в руке, чем журавль в небе. «Дура» – подумала Анна про себя. «А че дура-то? – ответила тут же себе Анна. «Тебе сам Стас свой телефон на твоей футболке написал! Какой к черту Эльдар, с его магазином, когда такое наклеывается. Нет, все равно – дура. Надо было сразу звонить. А теперь, где он?»

«Где он?» – тоже мысленно спросила кого-то « просто Аня», ностальгически поглядывая на медную пуговичку от джинсов, на которой неизвестный турецкий мастер выгравировал надпись «madeinItaly», двуликого Януса в пятиугольнике знака качества и надпись «знак качества». «Просто Аня» грустно улыбнулась самой себе и затем повернулась к хомяку, который смущенно мялся у кассы:

– Ну? Чё берем на такую халяву?

– Вот, – он, краснея, протянул пару джинсов: те, что были узкие и те, что были со стразами. – И это тоже, – очень неуверенно, не глядя на продавщицу, положил на стойку еще пару вещей.

– Ого, это вы себе?

«А все же странно, куда делись джинсы его размера?» – синхронно подумали обе Ани.

6

Душа у Вики пела. Она пела: Чики, чмоки, ам– ам,

Губы тянуца к губам!

Чика Вика, мурмур,

Кекс– секс, амур, амур.

Мы сплелись ногами,

Что же между нами?

Пока душа у Вики пела, сама Вика стояла в очереди за бургером. Есть не хотелось, но Вика любила все клевое, а бургер был клевый. И сам «Новый свет» был божественно клевый, даже клевее бургера. Вика напускала на себя скучающий, всезнающий вид, но невольно несколько раз запрокидывала голову и открывала юный рот, любясь высоченной стеклянной крышей, через которую светило солнце. «Как это возвышает», – думала Вика. Потом посмотрела под ноги и увидела пятно грязи на новеньких кроссовках, – «как это унижает», – вздохнула она, вспомнив грязный двор, вонючий подъезд, комнату, которую она делила с

бабушкой и пустой шкаф. Вика отвернулась от мрачных видений. Шик и блеск витрин, чистота и скрипучесть мраморных полов приводили ее в экстаз, даже неработающий бассейн с фонтаном был прекрасен. Каскад эскалаторов ее просто гипнотизировал. Да что там, эскалатор, люди на эскалаторе радовали. Они были нарядно одеты, с их лиц исчезла привычная угрюмость и озабоченность. Вика смотрела во круг восхищенными глазами, как раньше ударник сельского труда смотрел на белые павильоны ВДНХ. Это было обещание большой и красивой жизни. «Эх, я б здесь жила. Ну то есть, работала бы», – подумала, а потом подумала и поправила себя Вика. «Как же здесь кле...»

– Касса свободная. Здрате, что будем заказывать? Вика улыбнулась пареньку в форме и тут же обомлела:

– Ты? Саня, это ты?

– Нет, на фиг, не я.

–

А кто?

Саня не нашелся что ответить. Он выглядел озабоченным, смущенным и озлобленным одновременно.

– Что заказывать будем, – сказал он, глядя куда-то в сторону.

– Ба, ты же в Москву уехал, в институт ...

– Заказывай эти чертовы... – Саня покосился на соседа, – или вали.

– Ладно, ладно, Санек, мне бигбигер, не, бигбумер, не,

просто бумбургер и колу.

Ошарашенная Вика пошла к столику, села, развернула долгожданный сверток, поднесла ко рту булку, но забыла откусить, переваривая произошедшее. «Санек, отличник, надежда школы... Вот те раз. Вот уж работка, врагу не пожелаешь, не хотела бы я быть на его месте», -запротиворечила сама себе Вика. Она даже слегка обиделась, обломал Санек мечты, что можно покорить Москву, эх, обломал. Но до конца обидеться Вика не успела. Прямо в ее сторону шла Лизка Курицына. «Ба, и эта здесь». Вика за несколько секунд провела ревизию бывшей одноклассницы и вынесла вердикт: Эх, Лизка, в своем репертуаре: одета в абы чё, перед носом ничего не видит, взгляд потерянный. Оба! А это чё за рембо ушастый рядом?

—

Лизка! Привет. Нет ответа. – Лиискааа! Да вы чо, сговорились все хамить мне сёдня, – рассердилась про себя Вика.

Она вскочила и замахала рукой:

– Лизооон! К доске! Ком пре ву! От знакомых позывных Курицына очнулась как когда-то в школе.

–Вика. Се ту! Ух, привет. –Вы, Женя, идите– церемонно, кося под Светлану Михайловну в минуты вежливых припадков, послала охранника Лиза.

Светская беседа не задалась с самого начала. Лизка не похвалила явно новые кроссовки Вики, и пока вспоминали, кто из однокашников куда поступил, дважды посмотрела на ча-

сы. Даже супер новость, что в 10 метрах работает Санек, ее не взволновала.

–Что-то не так? – попыталась заглянуть в душу к однокласснице Вика.

– Слушай, Викуся, мне в магазин надо. – прикрыла дверь в свой богатый мир Лиза.

–Таааак. У тебя чё-то с этим охранником, да?? Ну да ведь? Ну? Я сразу все поняла, как вас увидела, – Вика решила взять быка за рога, точнее корову за вымя.

–Ты залетела? Да? Залетела? Ну скажи, не бойся. Мне можно. Мы ж когда-то были подругами. – «Что-то не помню», – удивилась про себя Лиза, но в слух удивилась совсем другому:

–

Ты о чем, Вика? Ну, ты даешь. С этим ? что бы Я с этим? Неее. Какой муветон.

Лиза посмотрела в горящие глаза одноклассницы и вдруг поняла, с кем она может поделиться своей тайной:

– Я отпрошусь на обед и назад, мне надо тебе кое-что рассказать. Только поклянись никому не слова.

–

Же, же ... о, вспомнила, Же ву жьёр! Чтоб у меня целлюлит на жопе вскочил, чтоб я в джинсы не влезла. Короче, я – могила.

Лиза покинула место встречи, терзаемая сомнениями: «Засмеет – не засмеет, поверит – не поверит. Да и вообще,

что я ей расскажу?»

«Что ж она такого расскажет?» – подумала Вика и съела задумчиво бумбургер. Сытым взглядом, свысока, с высоты второго этажа, она окинула толпу, которая мельтешила внизу, запеленговала нелепую фигуру одноклассницы и проследила за ней, пока та не скрылась за поворотом. И тут начались странности. Знакомая фигура неожиданно снова появилась из за угла и пошла решительно в противоположную сторону.

–

С тобой, Курицына, не соскучишься.

Курицына как будто услышала Вику, повернулась к ней, замахала руками, на что-то показывая, затем бросилась вперед, рассекая толпу, как ледокол «Ленин» ледяные торосы.

7

Темные силы зла в лице Кости Таракана неотвратимо приближались к торговому центру «Новый свет». Нехорошая улыбка играла на его лице от предвкушения грядущей наживы. Он плотоядно поглядывал на большие набитые пакеты в руках усталых, изможденных шопингом обывателей. Костя был вор. Стаж не большой, но уже отмеченный государством памятной путевкой. В голове его рисовалась шикарная картина: он входит в комнату и небрежно кидает Ляле под ноги меха, джинсы и деньги. «Примите и распишитесь», – скажет он, красиво прислонившись к косяку, как Андрей Миронов в кино «12 стульев». Не, не так он скажет, а вот как:

«Костян обещал жизнь в шоколаде, Костян слова на ветер не бросает». Не, лучше без рисовки: «На, Ляля, держи». Или просто : «Держи». Или еще проще: «На!» Или можно, ваще, молча кинуть барахло, так даже красноречивей. Костя щедро и в разных позах делился добычей, которой становилось все больше и больше, пока не увидел охранников у входа. «Это че за хрень?» Он нащупал в кармане заточенную отвертку, которую приберегал для Васьки грузчика. Васька на прошлой неделе врезал Косте в глаз у пивнушки. Это требовало отмщения. Отомстить не вышло, Васька запил и куда-то пропал, а отвертка осталась. И теперь Костян должен спалиться из за этого козла?! Ща обыщут и привет. Врешь, не возьмешь. Костя повернул назад. Перешел улицу, завернул за гаражи, бросил отвертку в кусты и двинулся обратно к торговому центру. Подошел ко входу, увидел охранников и вскрикнул про себя: «Это ж охранники!» Если б он знал слово «эврика», он бы так и сказал. Но он не знал, поэтому выразился короче: «Пля!» Это ж не менты, не обыщут. «Сначала права поимей», – сказал Костян охраннику прямо в глаза, но не вслух. После этого он гордо повернул назад, нырнул за гаражи и полез в кусты за отверткой. Отвертки не было. «Спиз...ли! Кругом ворье», – настроение испортилось.

Хмурые мысли о тотальном воровстве мешали сосредоточиться: «Я, ломанный в рот, – честный вор, у меня, пля, мастерство, на х. Я рискую, еп. А эти суки тырят позорно. Западло. Ой, западло». Занятый горькими мыслями мастер

художественного отъема ценностей не заметил, каким образом оказался в глубине торгового центра. Демонически оглядевшись и хрустнув пальцами, Костя Таракан принялся за работу. Навстречу ему выплыл из двери какого-то магазина вальяжный гражданин. Ему вдогонку неслось: «Эльдар, ну ты че? ну, Эльдар, ты куда?» Внутренний карман его пиджака беспечно оттопыривался, борсетка ненадежно застряла в подмышках. Мой клиент – решил Таракан и двинулся вперед. Дистанция стремительно сокращалась. Еще чуть-чуть и кошелек сменит хозяина. Хищный взгляд Таракана обшаривал фигуру клиента и вдруг натолкнулся на руки. Это были тяжелые руки бывшего боксера-тяжеловеса или борца средней весовой категории или штангиста или вообще терминатора. Более того, на этих руках зловеще синела тюремная татуировка. Предчувствуя недоброе, охотник за кошельками поднял глаза и уперся во взгляд, от которого захотелось съежиться и куда-нибудь незаметно слинять. Таракан даже не пытался выдержать этот взгляд, а быстро отвернулся и постарался увильнуть от столкновения, минуту назад столь желанного. Но не успел. Железное плечо врезалось в него и разметало по полу. Авария разбудила в Таракане зверя. Он рвал и метал. Догонял обидчика и четкими движениями всаживал кулаки ему в брюхо и рожу, тот оседал и Таракан добивал его контрольным пинком в голову. Зверь остыл и вернулся в жалкое тело Таракана, которое стояло на карачках и мотало головой. Сердобольная старушка подняла кепарик

пострадавшего вора, и, бормоча что-то сочувственное, положила ее себе в сумку. «Эх, милоч, осторожней надо быть», - сказала она, прячась за спины любопытных. «Там же заначка моя, пля. Да что ж такое? Че деется?! Рабочего человека обижают. Держи вора!» – срываясь на фальцет заголосил Таракан и ринулся за беспринципной пенсионеркой.

Погоня. Какой детектив обходится без нее? Один бежит, другой догоняет. Таков непреложный закон жанра. Детектив без погони – это как жизнь без любви. Новое, незнакомое чувство нахлынуло на Таракана. Азарт охотника, упоение гончей собаки. Он вдруг понял, почему мальчишки становятся ментами.

Таракан привык убежать. Гнаться за похитителем он не привык. Это его подвело. Ему не хватило хладнокровия, которое приходит только с опытом. Слепленный жаждой истины и справедливости, он не видел ничего и никого, кроме улепетывающей бабульки, а зря. Из тех же стеклянных дверей, из которых вышел человек, грубо уронивший Костю на пол, появился другой субъект. Не такой внушительный, не такой решительный, с фирменным пакетом в руках. Таракан врезался в него и снова оказался в положении сидя. Сбитый им пешеход пытался трусливо уползти с места происшествия.

– Вы, кажется, что-то забыли, – раздалось ехидное замечание из толпы. На полу, между субъектом и Тараканом лежал пакет, из которого вывалились джинсы со стразами и...

стринги. Стразы предательски блестели и отбрасывали зайчики на веселые стринги.

– Это не мое, – промолвил покрасневший субъект, и пнул содержимое пакета в сторону неудачливого вора. Таракан рефлекторно взял, что дают, и, не замечая ухмылок окружающих продолжил погоню.

Погоня продолжалась ровно 14 секунд. Рекордсмен Бен Джонсон, употреблявший анаболические стероиды, пробежал за это время 200 метров с барьерами. Но Костя не употреблял допинг, точнее употреблял, но не такой. Поэтому он за 14 секунд преодолел расстояние 8 метров 32 см. От Бена Джонсона бабка бы не ушла, от Кости ушла. Но не потому что он бегал хуже Бена Джонсона, а потому что столкнулся с судьбой. Строчки из знакомого шансона пронеслись у него в голове: «Эх, судьба-судьбинушка, ментовская дубинушка...». Смысл этих слов он понял только сейчас. Дальше слова звучать перестали и вместо них в голове у Кости зазвучало: «Траляля, ляляля, ляля ляляляля ляляЛЯ!». Прямо перед Тараканом стоял сам Патроныч. Кошмар короткой тараканьей жизни, ужас, преследовавший его на узике с мигалкой. Выбитый зуб и шрам от ментовской ременной бляхи на заднице остались Таракану на память о профилактике правонарушений участкового Антона Петровича Мотыля. Мотыль так и говорил, когда ловил Таракана: «Ты меня еще вспомнишь добрым словом, поверь мне». После нескольких профилактических процедур в участке Костя

сбежал от участкового в колонию, взяв на себя кражу одного колеса для автомобиля Запорожец.

Через секунду спринтер Бен Джонсон был посрамлен.

Патроныч смотрел на Таракана и думал, откуда эта тварь дрожащая с мешком в руке ему знакома. Когда тварь побежала, он лениво сказал по рации приметы, приказал поймать, обработать для профилактики и пошел по своим делам. Точнее по делу. Певец, черт его дери, так и не объявился.

Что делать? Что делать, что делать? Мозг Таракана лихорадочно работал, пока тело металось по коридорам. Увидев на горизонте двоих в униформе, Таракан свернул в первую попавшуюся дверь, затем во вторую и оказался в кабинке с унитазом. «Загнали, все – капец», – Костян в сердцах бросил на пол пакет. И тут он понял, что еще не все, и еще не капец. Он решительно снял свою засаленную куртку, старую олимпийку и спортивные штаны с лампасами. Затем достал из пакета джинсы, поморщился увидев стразы, и стал надевать. Джинсы, пля, не натягивались. Мешали просторные семейные трусы. «Ё!» – вырвалось у Кости, и в следующую секунду трусы полетели в мусорную корзину. Совсем без трусов было неловко. Костя выудил из пакета стринги и, стараясь не смотреть на этот позор, напялил их на себя. Зато молния на джинсах застегнулась молниеносно. Порывшись в пакете, нашел какую-то рваную футболку с непонятной надписью «kissme». Затем осторожно вылез из кабинки, посмотрел

в зеркало: «Пацаны не одобряют. Ляля ...Ляля, не знаю», – качнул жидкое мыло и прилизал волосы. «Ну и на кого ты теперь похож?» – спросил свое отражение Костян. «П...др какой-то!» – весело ответило отражение мужественному Костяну. Однако на кое-кого он был действительно похож. Ну, совсем чуть-чуть. Почти не заметно. Так с большой натяжкой.

Таракан заметал следы, петлял, прятался в магазинах, что бы проверить, нет ли слежки. Слежки не было. В одном из магазинов на него уставились какие-то тетки. Он огляделся и понял, что следя за коридором, теребит лифчик в магазине нижнего белья. Не мой день, пора на выход, – подумал Костя и с вызовом посмотрел на теток. Тетки вызов приняли и так призывно посмотрели в ответ, что смущение вытолкнуло беглого вора наружу, как пробку из бутылки шампанского. В бутылке кипели нешуточные страсти.

– Красавчик! На Преснякова похож.

– На какого Преснякова? Я тя умаляю. Он же вылитый Траволта!

– Какой еще Траволта? Да, вы обе слепые что-ли, это ж Абдулов. Только в молодости.

–Ну, мать, ты даешь. Скажешь тоже. Да Юра это Шатунов, или этот, как его, Стасик. Идя по коридору, замаскированный Костян с удивлением стал ловить на себе заинтересованные дамские взгляды.

Таракан и не догадывался, насколько это не его день. На

рынке, который был когда-то на месте торгового центра, он знал все входы и выходы. Мог с завязанными глазами войти и выйти и еще раз войти. Первые пять минут Таракан шел и не догадывался о проблеме. Когда он в третий раз прошел мимо магазина пахнущего мылом, то задумался. Следующие пять минут он шел, читая указатели. Указателей было море. Они указывали Косте как найти магазины: «Мастер спорта», «Шесть карманов», «Пять стаканов», «Уют», «Интим», «Дрим тим», «Фарфор», «Рокфор» и еще 632 заведения не считая заведений быстрого питания, ресторанов и туалетов. Стрелочки на выход не было. Все торговые центры в мире, даже самые маленькие, устроены по образу и подобию дворца Лабиринта. Прежде чем увидеть свет в конце тоннеля, ты должен пройти через максимальное количество магазинов. Ты думаешь, что ты Тесей, если выбрался на улицу, но глядя на кучу ненужных предметов в руках, понимаешь, что вышел через задницу закусившего тобой Минотавра. Косте было наплевать на символическое прочтение устройства торгового центра. Он был в отчаянии. «Какое, пляаааать, восточное крыло, – чуть не плача вопрошал потерявшийся вор, – у меня, что компас есть? Какой такой корпус «Бруклин», что это за ...хрень? Где я? Ну почему, – сурово критиковал Костя Костю, – почему, ты, долбо..б, не подумал о пути отхода?» Совсем потеряв голову, он бросился за помощью к людям. Люди были добры к Косте и пытались помочь: «Значит так, сначала пойдете прямо, до «Всея Семьи», затем напра-

во, затем налево...» Костя шел, куда послали, потом спрашивал дорогу снова, и ему предлагали пойти налево и вверх или назад. С каждым новым советом он запутывался все больше и больше. Как субъективно восприятие этого мира людьми! Но Костя не знал как оно субъективно, он не учился в институте, не проходил курс ФИЛОСОФИИ, хотя смутно догадывался о пользе высшего образования. «Все, спрашиваю последний раз. Не выйдет, пойду, куда глаза глядят».

– А где здесь выход», – как можно вежливее спросил Костя у какой-то рыжей особи, неопределенного пожилого возраста, стоящей в пол-оборота.

– А «пожалуйста», когда спрашиваешь, говорить уже не надА? –еще не совсем повернувшись начала на повышенных тонах рыжая женщина. – Кто вас таких воспитал-то?

Говорящая голова завершила поворот и уставилась презрительно на человека, который не знает слово «пожалуйста». Костян потерял дар речи, а мог бы совершенно спокойно ответить: «Да вы и воспитали, Светлан Михална».

– Ба, это ты, Тараканов! Как вырос! Понастругают дебилов тупых, а ты их воспитывай. А нарядился то как! Как геи в телевизоре. Вот и читай вам в школе про Марата Казея и Валерия Чкалова.

Костя опустил очи к кроссовкам, как когда-то в первом классе.

– Во что ты превратился? Вон Лопехин ларек свой держит, мужик настоящий...

– Светка – пипетка! –вырвалось у Кости из репертуара 3 класса.

Светлана Михайловна лет пять не слышала живой ученической речи и слегка опешила от тараканьего демарша. Но опыт не пропьешь, бывших учителей не бывает, Светлана пошла в контратаку:

– Ах, ты, клоп вонючий, да кто ты такой, да я тебя в бараний рог... да я тебя порву как тетрадку... – Светлана сосет у крана! – выпалил Таракан страшное ругательство 6 класса издания.

Он сам не ожидал от себя такого. Как писать «пол-яблока», сколько будет квадратный корень из суммы кубов, как выглядит учебник по биологии, и, даже, год своего выпуска – не помнил, а это помнил. Это было секретное, глубоко законспирированное ругательство. Никто и никогда в лицо класснухе такого не говорил. Этот боевой клич поднимал настрой на заднем крыльце школы, одновременно будоражил воображение. Ничего не сказала на это бывшая классная руководительница Таракана. Молча, покрываясь какими-то пятнами гнева, она отступила к своему магазину, взяла самую нарядную куклу с витрины и пригладила ей волосы. «Вот это выдержка! Я горжусь тобой, Светлана Михайловна!» – сказал бы великий советский педагог Антон Макаренко, если бы видел эту сцену.

– Ну, что ж, я тебя породила, я тебя ... – и не закончив цитату из классика, последовательница Макаренко, без объ-

явления войны, наотмашь, врезала по тараканьей голове. Голова отвалилась. Светлана Михайловна провела еще серию ударов, пока в руке у нее не остались только ноги куклы. Голова Таракана осталась на плечах, пострадали только его прическа и самолюбие. Разъяренный заслуженный педагог района ринулась провести последний дидактический прием на удушение.

– НЕЕЕЕЕТ! – раздался отчаянный крик.

Лиза Курицына замерла как вкопанная. Страшная картина открылась ей из за поворота. Ее кумир медленно поднимает голову куклы, как палачи во времена французской революции поднимали отрубленные головы аристократок. Бледное злое лицо его скрыто растрепанными волосами, на футболке следы крови, стразы на джинсах хищно блестят, надпись «kissme» выглядит страшным девизом маньяка. Лиза поняла все! «Боже, маньяк – это СТАААС!»

– Но почему Ты ? – вырвался из ее груди стон, полный горя. Таракан воспользовался замешательством и дал деру, предварительно пнув кукольную голову по-вратарски в сторону учительницы.

– Ты его знаешь? – спросила все еще красная от битвы Светлана Михайловна.

– Кто ж его не знает, – ответила Лиза. Она подумала упасть без чувств, но передумала и бросилась вдогонку. «Может, он еще не совсем падший человек, может, ему можно помочь?»

– Надо поговорить.

Вика от неожиданности пролила драгоценную колу:

– Блин! Ты че пугаешь? – Не «че», а «что». Извини. Я не хотел. Мне надо с тобой поговорить.

– О чем, Саня, о бумбургерах ?

– Обо мне.

–

Клевая тема. Но я, блин, спешу. Орвуар. Проголодаюсь, загляну. Вика двинулась к эскалатору, но Саня не отставал.

– Ты думаешь, я опустил, пошел пирожки продавать, вместо института? Испугался, что там конкурс высокий? Если хочешь знать ...

Вика, в принципе, хотела узнать, что случилось, но рефлексивно съязвила: – Исповеди принимаю по вторникам, после обеда. Шурик, давай в следующий раз. Тут такое творится... Вика не закончила, решив не делиться секретом с таким лузером. Александра Петровского, сына глав врача, отличника и красавца никто в классе Шуриком не называл. Пацаны и учителя обращались уважительно только по фамилии, девчонки звали Сашей и заглядывали в глаза. Теперь Саша сам заглядывал в глаза Вике, называл ее Викой, а не просто Ключевой, как в школе: – Ты должна понять, Вика. Я ведь не просто... извините, разрешите пройти... я хочу сам всего добиться.

Тут он отвлекся на несколько секунд: «Клевая косуха,

«степен вульф», солидная марка, суровый рокер-стайл без пафоса». Саня представил себя на харлее, красиво вжикнул молнией на куртке, лягнул педаль газа, и умчался за горизонт, как молодой Микки Рурк. «Ну, вот, поступлю я в медицинский и что?» – спрашивал он себя, рассекая воздух под рев мотора. «Что тебе там делать, парень?» – спросил Микки Рурк Саню, догнав его на своем супербайке. «Будешь снова сидеть за партой, слушать преподавов, потом снова к отцу в больницу, и снова его слушать. И так каждый день до старости. Пропахнешь пилюлями. Тоска». Саня очнулся и повторил слова Микки Рурка бегущей Вике. Однокашница пропустила тираду мимо ушей, напряженно разглядывая окрестности в поисках подруги. Лизы нигде не было, зато в витрине Вика увидела свою мечту №1. Норковая шуба моментально отвлекла ее от текущих дел. Вот Вика такая выходит из лимузина где-то далеко не здесь, поглаживает нежный мех, все такие смотрят на нее в восхищении... и тут, бац! Какой-то затрапезный хмырь плеснул на шубу красную краску: «Вы убиваете животных! Да здравствуют дикие норки, бобры, лисички, горностаи, соболя и прочие хорьки!» Вика в шубе чуть не заплакала, но реальная Вика не дала себе расстроиться и переключилась на мечту №2. Вот она такая выходит из АУДИ. На ней дубленка такая белая. Над головой горит неоновая надпись «Москва». Это или кинотеатр, где идет премьера ее фильма, или ресторан, где ей назначил свидание, ну, не олигарх, но солидный парень. Само собой дело

происходит в городе-герое Москве. Тут какая-то мырма на Хамере пронесится мимо, и вся дубленка в соленой московской грязи. Вика в дубленке белеет от злости, и ее заменяет мечта №3.

Веселая компания красивых молодых студентов сидит в Макдональдсе, шутит на какие-то умные темы. Само собой дело происходит в Москве, ну или в Питере. Самая умная и красивая – Вика. Она – дизайнер одежды успешный. В таком модном пуховичке коротком, темно-синем, чтобы в случае чего грязь была не так заметна. На Вику восторженно смотрят ее знакомые и иногда поглядывают на полоску ее голого живота. Все потягивают колу. Вдруг к ней наклоняется какой-то уборщик в форменной одежде и говорит: «Москва подождет. Есть дела и по важнее». Это Саня. Даже здесь достал со своими нотациями. И тут Вика взрывается. И та, что в пуховичке, дизайнер, и реальная, та, что в перешитом мамином пальто:

– Да, отвали ты. У меня, понимаешь, подруга пропала, а тут ты со своими муками профориентации.

– Как пропала? Саня сделал заинтересованное лицо, хотя, под лицом его крылась одна только вежливость и ни какого интереса.

– А вот так. Взяла и пропала. Я сразу все поняла. Взгляд мечтательный-мечтательный, как будто втюрилась в кого. Рядом качок какой-то с татуировкой. А, главное, потолстела, припухла чуток.

– Как припухла?

– Ну, залетела. Чего непонятного.

– Ты ж говоришь, она пропала.

– Да. Но сначала появилась тут.

– А кто? – Как кто? Да Лизка.

–Какая Лизка? – Вика аж опешила от такой непонятливости. – Как какая? Ну, Курицына. Глаза Сани были пусты, ни какой искры воспоминаний.

– Ну, «Курица, « Подушка, не помнишь? Саня покачал головой. Блонда такая крашенная, большеразмерная. Ее Губиной дразнили, когда она по Андрею Губину с ума сходила. У него песня была «Лиза», так Курица все мечтала, что он для нее поет. Саня не помнил, но робко кивнул.

– О,мон дье, да, на второй парте, справа, с Бахчой сидела.

–АААА! Это, который в колодец провалился, а его физрук вытащил? Как же, колоритная фигура, – обрадовался Саня. Но теперь Вика удивленно смотрела на бывшего одноклассника:

– В какой колодец?

– Что? Это не он? – Саня вздохнул, – В общем, Бахчу помню, Курицу не помню.

Александр Петровский не привык, когда им пренебрегают, но в последнее время им пренебрегали. С тех пор как он не пошел в институт, а пошел работать. Сам себя он стал уважать больше, но другие, почему то – меньше. Даже девушки стали прохладнее относиться. Вот и Ключева как-то без бы-

лого трепета разговаривает. Сане захотелось понравиться, но до сознания этот примитивный порыв дошел в более благородном виде: «Надо девушке помочь».

– Ладно, давай найдем твою курицу в этом сарае, – покровительственно предложил он вслух.

– Раз. Два, три, четыре, пять, мы идем искать! – развеселилась Вика.

Сначала они сосредоточенно осматривали аллеи центра, но затем Вика стала искать Лизу в магазинах. Она тщательно обыскала магазин шуб «Венера в мехах», ларек итальянской моды «Дель мода», где за ними гонялась тетя со словами: «это самый свежий Милан!», магазин финской одежды «Олень», индийской одежды «Слон», магазины : «Риал америкэн стайл», Риал бритиш стайл», польского трикотажа «Блузон», курток «Бизон», обуви « Крокодил», униформы для рокеров «Кожа да кости». Каждый новый магазин она обыскивала все тщательней и тщательней, все дольше и дольше. Но Лизы нигде не было. «Странно, где она?» – говорила Вика Саше, и как бы в задумчивости перебирала на вешалке очередной товар. Потом она перестала риторически спрашивать: «где Лиза?», а потом и произносить слово «странно».

Поиски затягивались. Саня чувствовал себя глупо, но вяло плелся за однокашницей. Вика вспомнила о нем, когда в джинсовом магазине к красавцу подлетели две продавщицы в обтягивающих черных брюках и футболках. Они предложили Сане помочь с примеркой и потянули его в кабинку.

Вика очнулась и ревниво потянула его на выход:

– Ты что, нам некогда. Нам Лизку надо искать. Мало ли что с ней случиться может. Она, знаешь, какая подавленная была.

– Может, она вешается сейчас где-нибудь в сортире от неразделенной любви, – неожиданно для себя ляпнул Саша.

Вика осуждающе посмотрела на него:

– Грубо, Петровский. Но справедливо. Бегом в тубзик.

– Не в тубзик, а в туалет, – в Петровском снова проснулся отличник, а Микки Рурк уснул.

9

Лиза была в сортире. Сортир был мужской. Она не вешалась, а сидела на корточках у крайней кабинки. Кабинка была закрыта. Из за двери доносилось тяжелое дыхание. Соседние писуары тихо журчали, и были похожи на фонтаны слез в Бахчисарае, воспетые Пушкиным. Когда Вика входила в «Венеру в мехах», Лиза стояла перед дверью с рисунком из кружочка и треугольника с острым углом вниз. Абстрактному мужскому символу кто-то подрисовал черточку, символ стал конкретным. Когда Вика искала следы Лизы на мутоновой шубе, Лиза решила войти. Мужик, который устался на нее с открытым ртом и ширинкой она твердо сказала: «Я не к вам». Мужик вышел. Сортир опустел, но Лиза знала, что не совсем. Где-то рядом затаился Стас. Чтобы загнанный в угол певец-маньяк не совершил какую-нибудь

глупость, вроде убийства Лизы, Лиза громко сказала: «Не бойтесь, я вас не выдам. Я просто поговорить». В ответ ни звука. Охотница за маньяками сделала один нерешительный шаг, потом второй, потом наклонилась посмотреть, не видно ли ног под дверцами кабинок. Ног не было. Забрался на унитаз – догадалась Лиза. Сердце шумело так, что не было слышно собственных шагов. Грудь вздымалась так, что вот-вот лопнет бюстгальтер. Во рту пересохло так, что ... В общем, пересохло и все. Страх сгущался, накапливался, и заполнял мужскую уборную. Лиза сделал еще один шаг, и вошла в этот страх, как в туман. В возбужденном мозгу мелькнули картинки: «Ежик в тумане» и «Кларисса Старлинг идет к Ганнибалу Лектору». Лиза подошла к предполагаемому убежищу маньяка и решительно вступила в контакт.

– Я понимаю вас. Поверьте. Понимаю-понимаю, да. У меня тоже есть страшные мысли, которые меня пугают. (Лизе вспомнились узкие, короткие шорты, порванные на пикантных местах, марки «tease» из соседнего магазина «Солнечный берег», такие как у Памеллы Андерсон.) Что-то темное поднимается из глубины души, ты сопротивляешься этому, но сил все меньше и меньше. И очень важно, чтобы кто-то в этот момент помог сознанию бороться с этим. Я ведь все поняла. Вы там, в подвале, с куклами, как бы предупреждали, что может произойти. Что еще чуть-чуть и на месте кукол могут быть реальные люди. Как бы звали на помощь.

«О, зона рОдная, что же это? Че она мелет? Какие куклы,

какой подвал?» – Таракан растерянно шарил в памяти.

– Я ничего не брал, никаких кукол, – угрюмо крикнул он из за дверцы, – зачем они мне?

– Да, да. Конечно. Зачем вам куклы, – поддакивала Лиза маньяку, а про себя думала: «Конечно, тебе живых подавай». «Причем тебя, дура! – сказал Лизе внутренний голос, – Вали отсюда, пока не поздно!» Лиза не послушала внутренний голос, подошла к кабинке и присела рядом. «Что еще сказать такого жизнеутверждающего?» Мыслей не было. В голове вертелось только: «Ну, что сказать, ну что сказать. Устроены так люди...»

– Точно! Как я сразу не догадалась. Вам надо спеть! Излить душу. Написать песню о своих чувствах. Освободиться от них. Таракан чуть не рухнул со своего пьедестала: «Что мне сделать?»

– Я читала в журнале, что многих писателей, художников, поэтов, певцов обуревали страшные, преступные мысли. Но они рассказывали об этом, выпускали, так сказать, пар, и все. Напишите, например, балладу. Причем вы же будите писать со знанием дела. Это придаст подлинности.

Лизу понесло:

– Это будет такая мрачная баллада. Сначала тревожные аккорды синтезатора, а потом откровенная исповедь черного сердца и... кульминация с барабанами, с гитарным запилом! Да всем башню снесет! – в экстазе восклицала Лиза. – Все будут в шоке! Вас ждет успех. Вы станете русским Ником

Кейвом! Джимом Морисоном! А я, а я... Я вам буду помогать, буду вашим продюсером.

Таракан увлекся, поднатужился и попробовал что-нибудь сочинить. В голове, спотыкаясь, побежали первые строчки. «Раз пошел на дело я и ...э, верный кореш. ЭЭЭ, че дальше? Братъ решили мы пивной ларек. Выхватил я смело ... Че, мля, я выхватил? Финку? Отмычку? стакан? Кореш – мореш – пореш. Че-то не складывается. Раз пошел на дело я и верный кореш. Братъ решили мы пивной ларек. Выпили мы смело! Траля ляляля ... и рванули быстро на утек!» Таракан обрадовался своему таланту. Но мысли о пиве напомнили ему, что он давно хотел отлить. Новорожденный поэт-песенник заерзал на стульчаке и начал нервничать. Нужда росла, перестала быть малой. Мысли о карьере шансонье утекли, как вода в унитаз. Терпение лопнуло. Таракан спрыгнул с насеста и с воплем «Ууу, мля, больше не могу!» решительно вжикнул молнией на ширинке. Стринги были слишком малы. Замок зацепился за теплое, нежное и пленник туалетной кабинки заорал от боли. От страха Лиза упала на пол. «Вот оно как происходит. Вжикнет молния на штанах и ты – изнасилованное тело. Потом хрясь по голове – и ты лежишь в мужском сортире холодная, как кукла. Ну, все, пока, дура, – попрощался внутренний голос с бедной Лизой, – нашла на свою попу последнее приключение». Она с надеждой подумала об обмороке, который спасет ее от боли и предсмертных унижений. А пока, в ожидании обморока она поползла

на карачках к выходу.

– ААА! Помогите! – неслось ей в зад. «Заманивает», – решила Лиза и перешла на резвый аллюр, так и не встав на ноги.

10

«Воторолла!» – от восхищения Женек забыл, зачем пришел. Ни у кого из его знакомых не было мобильного телефона. И у Женька тоже не было. У Женька был пейджер. Выдали на работе, сказали: «Будешь всегда на связи, отключишь – убьем». Правда, к сети так и не подключили. Патроныч небрежно нажал на кнопку, небрежно поднес агрегат к уху и небрежно сказал: «Алле». Затем оживился: «Здорово, Катерина Васильевна, здорово. Как жизнь? Уголовный кодекс не нарушаешь? Ну, потихоньку, так потихоньку. Хе-хе. Не арестую. Не арестую. Я ты не слышал. А я не при исполнении. Согласно статье 43 УПК я имею право не отвечать на ваши провокационные вопросы, Катерина Васильевна. Просьба? Ну, давай. Пишу, пишу. Что-что хапнула? 320 долларов, так. Сколька, сколька? 35 долларов штука? Елы, вот это да! ЧЁ?! И за это 30баксов!? Оборзели! Ну и че надо та? Аааа. Слышь, Кать, некода мне, дел по горло. Ну, ну ладно не ной, не ной. Не ной, говорю. Ща разберемся. Решу, решу. Не ной, перезвоню, через... так... – Патроныч, вдруг посмотрел на Женька с интересом, – через час перезвоню. Все отбой».

– Так, Копыто, чё пришел, у нас что, дел никаких нет?

– Я не Копыто, а КАпытов. На обед хочу смотаться.

– После смены смотаешься. Задача у меня для тебя есть, серьезная, Копыто.

«Вот он – шанс -то!» Женька охватила сложная гамма чувств. Благодарность за доверие, решимость своротить горы, страх облажаться, – вот такая гамма охватила Женька.

– Это те, не продавщиц на складе тискать.

– Я не тискал.

– Не тискал ну и дурак. Там есть, что по... Так, – осадил себя Патроныч, – лирика потом. В общем, мозги включи. Слухай сюды.

Женек слушал, и лицо его скучнело прямо на глазах.

– В магазине покупательница купила купальники и трусы на 320 долларов. Купальники стоили по 35 баксов штука. А трусы – тридцатку. Ты понял, 30 баксов за трусы! Вопрос: сколько трусов и купальников купила эта дура? Ты понял, какие задачки в школе детям задают? 6 класс! А им такие уравнения из высшей, мля, математики про трусы. Внучка вся в слезах. Так что садись, тут и решай. Через час доложишь, что тут по чем. А мне некогда, пойду проблемы решать.

И ушел.

Патроныч шел и напряженно думал: «Так. Что мы имеем? Пропал, мля, этот пид..рас певучий. Так. Что еще мы имеем?» Патроныч еще сильнее напряг серые клеточки: «Ммм, он пропал... Он пропал. Он ...ээ...пропал». Патроныч рас-

слабил серые клеточки. Потом снова напряг, так что вместе с серыми клеточками напряглись лоб и мышцы пресса: «Пропал он ...вчера. Вчера пропал. Пропал вчера...Вчера. Вот. Пропал». От раздумий напряглись бицепсы. Вдруг серые клеточки выдали: «Патроныч! А давай восстановим хронологию событий!» «Ну давай», – неохотно ответил Патроныч серым клеточкам. Вчерашний вечер вспоминать было неприятно. Неприятно было вспоминать, как Серегин обмывал свежие звездочки и новую должность начальника ГУВД. «Вот хитрожопый, – подумал про бывшего коллегу бывший участковый Антон Петрович Мотыль, – не сам проставился, а на чужом банкете отметил. Как был жлоб, так и остался». Неприятно было вспоминать как Серегин пил водку, а потом требовал запить ее чем-нибудь мягким, душистым и запивал какой-то Метаксой. А он, Антон Петрович Мотыль, не запивал, да и не пил вообще. Стоял и следил за порядком. Неприятно было вспоминать. А ведь было время, которое вспоминать приятно. Когда он, Антон Петрович Мотыль пил водку и запивал ее душистым...э... Не запивал он никогда водку, не такой он человек, чтоб водку запивать. «Антон Мотыль водку не ЗАПИВАЕТ!» А Серегин тогда не пил и не запивал, потому что Патроныч отправил его, салагу, на дежурство. Воспоминания вошли в приятное русло и плавно потекли ... Куда собственно текут воспоминания? Куда впадают? в какое-нибудь темное море внутри головы. Неважно. Вспомнилось Патронычу, как он стоял в очереди за водкой,

а когда его очередь подошла, оказалось, что осталась только одна бутылка, да и не водки, а вина «Улыбка». Патроныч мысленно улыбнулся, хотя шел с непроницаемым каменным лицом. «Вот была вещь, щас такого нету, вкуснотища. Как там Надька сказала, «сладкое, как поцелуй любви». Тьфу. Какая Надя. Неее. Не к Надьке он с «Улыбкой» в общагу ходил. К Нинке, точно!» «К Нинке с «Улыбкой»? Не смей меня», – заспорил по-стариковски Патроныч с самим собой, – «никто к Нинке с вином не ходил, ей ерша хватало. Чпок стакан об колено и залпом, пока эта горячая смесь шипит». «Мальчики! – все приговаривала Нинка, – пью, как губка, может, выжмет кто?» – и смеялась. А выжимать-то некому. Все уже по углам пьяные в пыль валялись. Не угнаться за Нинкой было. Откуда ж «поцелуй любви-то?» – поскреб голову в поисках ответа бывший друг Нинки и муж Нади. «К Наде с шампанским ходил, и не в общагу, а домой». «С каким шампанским, маразматик!» «Не маразматик, а склеротик». «Шампанское только на свадьбе было. А домой к Надьке с водкой ходил, будущему тестю ставил. «Зубровка» была, как сейчас помню. ПРИЯТНО ВСПОМНИТЬ. ДА. Откуда ж «поцелуй любви» все таки?»

Он еще раз мысленно представил бутылку вина «Улыбка» и надеялся, что на бутылку клюнет какое-нибудь воспоминание, как на наживку. Но ничего больше не клюнуло.

А не смог Патроныч вспомнить вот какую историю. Дело было так. Начиналось все романтично как у Пушкина: Тиха

украинская ночь. Прозрачен воздух. Звезды блещут. А дальше все пошло не по классику. Луна не сияла. Замка гетмановского не было, а был санаторий. Но и его не было видно, потому что молодой младший лейтенант Антон Мотыль с Зоей Степановной Пункт, 23 лет от роду, медсестрой санатория имени Григория Котовского, ушли далеко по берегу Черного моря. Сначала им встречались шумные компании, потом воркующие пары, а дальше из окрестных кустов вылезали лишь смущенные одиночки, с выражением облегчения на лице. Настроение было самое романтическое. И чем темнее становилось, тем – романтичнее и романтичнее. Младший лейтенант, приобняв медсестру, читал бессмертные стихи: «Я вас любил. Пойдемте ж в поле...» Рука Антона осторожно, как разведчик, кралась к попе спутницы. Вдруг Зоя повернулась и с хитрой улыбкой сделала Антону предложение:

– А давай те, Антон, искупаемся! – затем понизила голос, – нагишом.

– Как... как-это? – начал заикаться Антон, потому что дыхание перехватило.

– Го-лы-ми. Голыми, – зашептала заговорщицки Зоя, и расстегнула пуговицу на платье.

– Нас никто не увидит, – и расстегнула вторую. Волнение охватило Антона, в штанах стало тесно. Он не мог оторвать глаз от дразнящего, еле различимого девичьего бедра.

– Д-давай-т-те, - не смея поверить своему счастью, согласился Антон. Когда рубашка и платье упали на песок, воз-

никла нерешительная пауза.

– Ну, что же вы? Не бойтесь, – еще волнительней зашептала соблазнительница. Но он Антон чего-то боялся и оглядывался.

– Хорошо, я – первая. И к платью полетела верхняя часть купальника. Антону стало стыдно собственной трусости, и он начал стаскивать брюки. Брюки не стаскивались. Он отвернулся и рывком стянул их.

– Теперь твоя очередь, – зашептал дрожащий от возбуждения нудист-новичок. Зоя не колебалась, повернулась головой спиной к Антону. Трусы поехали вниз, девушка при этом изящно нагнулась. Антон почувствовал, что любит Зою.

Ничего из этого эротического прошлого не помнил Патроныч, но проходя мимо магазина нижнего белья, испытал смутное беспокойство. Там стояли голые манекены, а какой-то тип смазливой наружности бесстыдно разглядывал тонкие дамские трусы. Патроныч брезгливо отвел глаза.

Мелькая в темноте незагорелой попой, Зоя, то охая на камнях, то хихикая, заспешила к морю. Через пару метров ночь спрятала от Антона его смутный объект желания. Понесся всплеск и голос: «Ну, идите же сюда. Море – тепло». Антон отпил из прихваченной початой бутылки вина, решительно снял трусы и побежал навстречу разврату. Бежать по камням было неудобно, но боль не остановила младшего лейтенанта. Невидимая Зоя призывно плескалась в глубине теплых волн. Размахивая руками и головой в сти-

ле любительский кроль, возбужденный милиционер поплыл, ориентируясь на шум. Зоя услышала погоню, засмеялась и пустилась на утек: – Догоняй, кавалер!

«Догоню», – подумал Антон и замахал руками в два раза быстрее. Не догнал. Смех Зои все так же раздавался с какого-то безопасного для ее девичей чести расстояния.

– Сдавайся, – крикнул Антон, запыхавшись, – все равно догоню. От лейтенанта Мотыля еще никто не уходил, – добавил себе звания для значительности все еще младший лейтенант.

Погоня продолжилась. Всплески Зои приближались, смех утих. Скоро Антон услышал ее дыхание. – За неподчинение представителю закона следует суровое наказание, – пошутит, сплевывая соленую воду влюбленный преследователь. Зоя молчала, затем резко вздохнула и исчезла под водой, обдав Антона брызгами. – Ах, ты, щучья дочь! – растерялся Антон. Через несколько секунд щучья дочь вынырнула и начала его дразнить:

– Ну, что же ты? Плыви сюда. Я тебя жду, скучаю.

Антон молча рванул в ее сторону, как пограничный катер «Стремительный» в погоне за нарушителем советской границы из фильма «Рассекая волны». Но Зоя снова ушла под воду прямо перед носом, как диверсантская подводная лодка. Так повторилось еще раза три, пока Антон не понял, что над ним издеваются.

– Чё-та мне надоели эти салочки, я это, к берегу, – оби-

делся в темноту Антон. И поплыл медленно, ожидая, что его или догонят, или окликнут.

– Ну и ладно, греби, лейтенант. А я еще поплаваю. Неожиданный облом поставил влюбленного пловца в тупик: «Ну, и что теперь делать? Уплыть с гордо поднятой головой, или плюнуть на гордость и попытаться счастья еще раз? Авось даст».

– Давай, давай. Иди суши весла, – раздалось из темноты.

– Тебя подождать? – робко, с надеждой спросил Антон. В ответ получил равнодушное «как хочешь». Выйдя на берег, Антон почувствовал, что разлюбил Зою. «Все, больше никаких салочек с русалочками, в номер и спать». В голове созрела месть обломщице: «Закину ка ее платье подальше. ПУСТЬ ПЛАВАЕТ ХОТЬ ДО УТРА». Злая, недобрая улыбка появилась на лице младшего лейтенанта, совсем не подходящая советскому милиционеру.

Через пару минут от улыбки не осталось и следа. «А где одежда – то?» «А одежда-то где? Где, млять, эта чертова одежда? Да где ж она?» Темнота в раз перестала быть романтической. Паника охватила младшего лейтенанта. Голый Антон заметался по пляжу, периодически опускаясь на карачки, и шаря по песку руками. Впереди, в двух шагах, что-то забелело. Ну слава богу, нашел. Но нашел он лишь большой валун. Слезы наворачивались на глазах. «Идиот, так тебе и надо. Дон Хуан, твою мать. Во влип. Во влип, аа? Кто увидит, умрет со смеху. Но темнота скрывала позор советско-

го милиционера, раздетого не по уставу. «Давай, придурок, вспоминай, может, там рядом куст какой-нибудь рос», – командовал себе младший лейтенант Мотыль. Но тот, кому он командовал, только мысленно разводил руками. «Соберись, тряпка. Помнишь как в романе «Сын полка» дело было? Ты думаешь, что идешь прямо, а по правде, плавно поворачиваешь по дуге в право, потому что ты правша. Ты – правша? Раз правша, значит, плыл, загребая в право. То есть вышел на берег где-то там». И Антон пошел куда-то туда. Он наклонялся как можно ниже, пытаясь разглядеть, что у него под ногами. Но под ногами были только песок и камни. Вдруг послышались какие-то пьяные голоса. Антон обмер от страха, застыв на месте, как застигнутый врасплох домушник или форточник, или медвежатник даже. «Зашухерили. Канать надо», – заботал по фене испуганный милиционер. Затем он согнулся в три погибели и крадучись полез в воду. Он бы пополз по-пластунски, но боялся поцарапаться. Голоса стали отчетливы: «Неее, я дальше не пиду, я боюсь. Вдрух от тудова хто выскочит? Ну, перестань, хихи. Ну, перестань, я казала. Ну ты, чорт, куды лезешь-то. Ой, щёкотно. Ой, хаха!» Разговор постепенно умолк и перерос в сосредоточенное сопение. «Вот ведь, все как у людей», – позавидовал Антон. Вдруг где-то рядом зашумела вода и зазвучал звонкий голос Зои:

– Эй, лейтенант, ты где? В засаде?

Лейтенант в засаде чуть не захлебнулся. В той стороне, где сопели и кряхтели, раздался визг, затем пьяный мужской

бас:

– Ну че на. Кто здесь борзый, такой. Иди сюда на. Не слышу на. Че молчишь на? Тогда получи на! Рядом с Антоном в воду упало что-то тяжелое. Камнями кидается, понял Антон и рванул на глубину. Это была его ошибка. Он обнаружил себя. Тут же в сторону всплесков началось прицельное бомбометание. Снаряды ложились все ближе и ближе к отступающему милиционеру. Он уже нырял в спасительные волны, когда один из кирпичей попал ему под лопатку. Раненый крикнул: «Ой!» – и ушел под воду. Когда он вынырнул, опасность миновала: – Галя, ну куда ты? Галечка, постой. Ну, Галушка моя, Галушечка, подожди, –бас и шаги спешно удалялись.

«Что за кошмар? Неужели это со мной происходит? Ну, когда-то же это кончится?» Но кошмар не рассеивался. Пришлось снова вести мучительный бесполезный в потьмах поиск трусов, штанов, рубашки и специально купленных для отпуска кожаных сандалий. И еще бутылки вина. Безрезультатно. В отчаянии Антон на ощупь нашел какой-то чахлый куст и стал рвать ветки, чтобы сделать себе первобытную юбку, как у аборигенов тропической африки из журнала «Вокруг света». Прикрытие оказалось фиговым. Тогда он начал думать, как прокрасться в санаторий голым, но незамеченным. Вариант марш-броска по пляжу, через центральный вход, он отмел сразу. Мимо костров с компаниями отдыхающих незаметно не проскочишь. Тем более, наверху шумит

дискотека. Остается вариант с риском для жизни. Он мысленно вскарабкался вверх по обрывистому берегу, мысленно перешел колхозный сад, мысленно перелез первый деревенский забор, прокрался среди тыкв, зарослей раскидистых южных помидор, сорвал душистый сочный огурец, откусил, начал перелезать следующее ограждение, и вдруг забрехала одна собака, вторая, загорелось одно окно, второе. На крыльцо вышла баба Дуня, что молоко отдыхающим продавала, на другое – тетя Мотя, что втихаря толкала самогон, и, наконец, из своей покосившейся халупы вылез дед Пахом, который ничем не торговал, но отдыхающих знал в лицо. Собаки несутся на Антона, баба Дуня кричит: «Ща милицию вызову!», тетя Мотя кричит: «Не надо милицию!», а дед Пахом молча поднимает свою старую двустволку. «Не, это тоже не вариант», – решил Антон. Осталось тупо ждать рассвета.

– Я так хочу, чтобы лето не кончалось. Что б оно за мною мчалось. За мною вслед. Лето, ах, лето! Лето теплое будь со мной.. Ла—ла-ла-лала. Лала лай ла лалалай.

Песня Аллы Пугачевой приближалась, а вместе с ней и Зоя. «Ей хоть бы хны, ей хоть бы хны», – вскипел Антон и бросил язвительно:

– Зоя, а вы не хотите одеть...ся..., -и замер в который раз, но на этот раз от удивления. Зоя вошла в зону видимости, поправляя платье.

– Что вы сказали, лейтенант? – она оглядела своего бывшего кавалера:

было у Антона фуражки с кокардой, погон со звездочками, ремня с бляхой, -вообще ничего милицейского не было, он все равно сурово произнес:

– Лейтенант Мотыль, ваши документы.

Алкаш поперхнулся и упал: чур тебя, чур тебя. Но голый мент не исчез, а заорал благим матом: – Штаны отдавай, под суд у меня пойдешь, в Сибири сгною.

– Ты, не кипятись начальник, – признал власть выпивший гражданин. – Держи свои кальсоны, я так, тока, фасон посмотрел. Шо у нас менты на досуге носят. Нигде от вас не скрыться, крысиное племя.

Антон с достоинством отряхнул брюки, не спеша оделся, взял под руку Зою и пошел в санаторий. Сзади зазвучал припев: «Слааааадкий, как пацалу́й любвииии ! Слаааааадкий, как пацалу́й любвиии!» Шли молча, расстались немногословно. Поцелуев не было. Зайдя в номер, Антон достал чемодан, из чемодана достал припасенный для начальника пятизвездочный коньяк и выпил его весь, не закусывая. На следующий день он уехал домой.

Постепенно память услужливо запрятала эту историю в недоступные архивы. Но с тех пор у Патроныча появились странные привычки. Он никогда не ходил по своей воле на пляж, и терпеть не мог мерить одежду в магазине. Поэтому все на нем или висело мешком, как на вешалке, или было малО. Да, еще Патроныч не любил песен. Неважно – народные или инородные песни – не любил их Патроныч и все.

Но особенно раздражали его романс, шансон и популярные шлягеры.

Как назло, только Патроныч хорошенько задумался над исчезновением певца, и в голову ему пришла хорошая мысль: «А ведь звезда пропала не просто так...», вдруг вокруг зашумело, раздался мерзкий электронный визг неотрегулированного микрофона, и пошло поехало.

– А теперь ты, Маша!

И нежный детский голосок картаво запел песенку про котенка: «Мулка, ты мой муленочек. Мулка, ты мой котеночек. Мулка, Малуся Климова, плости любимоваа!!»

Патроныча перекосило от ненависти. Размалеванный клоун похвалил Машу, подарил шарик с рекламой магазина платьев «Фея и Золушка» и сунул микрофон под нос следующему ребенку. Патроныч решил убраться подальше в место потише. Не тут-то было. Рядом раздался вой сирены, которая оказалась красным ревущим покупателем дошкольного возраста. Судя по тому, как он надрывался, это был вопрос жизни и смерти.

– АААААААА! Яааа шаарик хачу. Шарик. Шааааааааарик! Дай мне шарик!

Любитель шариков тянул руки к маме.

– Ну, Толик, иди спой песенку, и клоун даст тебе шарик, – попыталась по-доброму решить вопрос мама.

– Нееееет. Не хочу песенку, хочу шарик. Дааааай шарик.

Детеныш захрипел, стал пунцовым, повалился на пол и

начал бастовать руками и ногами против вселенской несправедливости. Мама сделала строгое лицо:

– Вон видишь дядю-охранника? Сейчас он тебя заберет, если не прекратишь кричать. Правда, дядя-охранник? Патроныч промолчал, выискивая пути отхода.

– Ага! Дядя-охранник сказал «да», – соврала в педагогических целях мама, – Сейчас он тебя заберет.

Мама поволокла орущего Толика в сторону растерянного дяди-охранника. А когда доволокла, Толик понял, что отступить некуда, назвал маму «дурой» и стал пинать дядю. Зато он забыл про шарик. Беспорядок, с которым Патроныч боролся всю сознательную жизнь, теперь атаковал его со всех сторон. Клоун кричал басом: «В очередь мамины дети, в очередь!» Потом плюнул и стал разучивать с хором правильных детишек гимн торгового центра. Неправильные дети гуртом атаковали воздушный, надувной замок. Неправильный Толик пинался и пытался отнять рацию. Мамаша крутилась вокруг с воплями: «Ну сделайте с ним что-нибудь» и «Осторожно, не сделайте ему что-нибудь». В довершении зазвонил телефон. Одной рукой отпихивая жадного до чужих вещей Толика, Патроныч второй рукой пытался достать футляр с телефоном из кармана брюк, а потом телефон из футляра. Телефон упал на пол и через мгновение оказался у Толика.

– Отдай телефон, щенок! – заорал Патроныч, выйдя из себя.

– Не смейте так орать на моего мальчика! – заорала мама-

ша и тоже вышла из себя. Только Толик не вышел из себя, потому что и так был давно снаружи. Дядина игрушка пиликала, дребезжала и вибрировала, от чего становилось щекотно. Толик самозабвенно нажимал на все кнопочки, пока игрушка не заговорила человеческим голосом: «Мотыль на, ты – тормоз. Ты свой ТТ из кобуры чё, так же быстро досташь?» Толик не понял вопроса и бросил трубку. На пол.

Антон Петрович любил детей. У него была внучка Катя и еще одна внучка Катя, по младше. Две внучки Кати. Но сейчас Антон Петрович был готов поднять руку на ребенка и, может быть, убить его вот этой вот своей рукой. Даже если бы обе Кати встали перед ним на колени, обратили к нему свои прекрасные, заплаканные глаза и молили Антона Петровича: «Дедушка, мы молим тебя, не убивай Толика», – Антон Петрович все равно бы его убил. Но ему стало резко некогда. Он увидел пару жадных глаз, следивших за его прекрасной «Вотороллой». Да что там пару! Две пары. Нет, пять пар жадных глаз смотрели, куда закатится телефон. Действовать надо было без промедления. С воплем «Не трожь колхозное добро» Патроныч нырнул щучкой за своей собственностью, как волейболист за мячиком. Много раз Патроныч видел по телевизору «Крым-217», как в трудную для команды минуту игрок самоотверженно прыгает, отбивает, казалось бы мертвый мяч прямо у самого пола, потом мягко падает на грудь и скользит по площадке как по воде под рев восторженных трибун. Еще в полете Патроныч успел подумать: «Мля, Ан-

тон, ты че делаешь?» Но было поздно, на знаке вопроса он с грохотом рухнул вниз. Ни какого мягкого приземления и красивого скольжения по инерции не произошло. До телефона осталось еще метра три. Патроныч, стараясь не кряхтеть и не стонать от ушибов, встал и дошел до телефона нетвердой походкой.

– Мотыль у аппарата. Да нет, все нормально.

Однако за спиной Антона Петровича Мотыля было нормально далеко не все. За спиной Антона Петровича проходил бой рыжей продавщицы вооруженной куклой с каким-то высокомодным субъектом. Но Антон Петрович не видел и не слышал, что происходит. Одно ухо у него было занято неприятным разговором с шефом, а второе после падения слышало только звон колоколов и шум моря.

11

От удара тупым, тяжелым предметом по голове мужчина средних лет и плотной комплекции пришел в себя. Во сне за ним гнался Феликс Эдмундович Дзержинский. Огромный чекист гремел по асфальту чугунными ногами и кричал: «Дай миллион! Дай миллион!» Он держал в левой руке пароход имени себя, а в правой – револьвер. «Странно, – подумал мужчина, – почему он держит револьвер за дуло?» Пароход почему то не вызвал у него удивления.

– Потому что пули на тебя жалко, контра, – закричал железный Феликс, который всегда видел контру насквозь.

– Он читает мои мысли, – испугался мужчина.

– Да, я читаю твои мысли, – ответил памятник.

– Боже, за что?

– За долги твои тяжкие, – ответил за бога Дзержинский,

– Да я отдам. Отдам. Давно хотел отдать.

– Конечно, отдашь. Мне все отдают.

Чугунный чекист приближался. Каждый шаг его был как землетрясение. Сердце беглеца то пыталось выскочить из груди, как птичка из клетки, то замирало, как заяц в кустах. Бежать было бессмысленно. Мужчина сдался и съежился. Дзержинский медленно поднял для удара пароход и заслонил солнце. Стало темно. Мужчина зажмурился. Стало еще темнее.

От удара тупым, тяжелым предметом по голове он пришел в себя.

– Ну чё, мелочь? Гони мелочь. Чей-то подловатый смешок угодливо оценил каламбур. Мужчина открыл глаза: Дзержинский исчез, зато передним стояли Васька и Колька из соседнего двора. «Лучше б уж Дзержинский», – подумал мужчина.

– Ну чё, пацан? Долго стоять будем?

– Отдай мой пароходик, – раздался жалостливый голос не мужа, но мальчика. Мужчина понял, что это его голос, что ему 7 лет.

– Деньги гони. Карманы выворачивай. Тогда получишь свою деревяшку.

Слезы навернулись на глаза, рука сама полезла в карман за

мелочью, вытащила 20 копеек и протянула рекетирам.

– То-то. Смотри, в следующий раз 50 копеек принесешь, – сказал Васька.

– А то мы тебе шорты обоссим, понял, – сказал Колька.

– Держи свое корыто, – сказал Васька и бросил пароход.

Пароход врезался в голову.

От удара тупым, тяжелым предметом по голове мужчина средних лет и плотной комплекции пришел в себя.

Сначала он понял, что у него болит голова. Потом понял, что он без штанов. Потом, что он лежит в какой-то комнате. Потом, что перед ним стоит кто-то, машет звонящим телефоном и что-то кричит. Человек собрал волю в кулак, сфокусировал внимание, напряг слух и попробовал понять, что говорит это громкое существо. «Очнулся, алкаш, несчастный. Возьми трубку. Трубку, говорю, возьми, алкоголик. Тебе звонят, трубку возьми. Труб-ку. Труб-ку. Труб-ку чер-тову возь-ми!» Громкое существо делало ударение на каждом слогое, а для доходчивости делало ударение трубкой по голове мужчины.

– Пить, – слабым голосом и просящим тоном, способным вызвать слезы у любой женщины-матери, произнес мужчина без штанов.

– Пить? Ты пить хочешь? – с непонятной яростью отвечало странное белое лицо в каком-то красном тюрбане. – Я тебе сейчас дам попить!

Сначала в сторону мужчины полетел телефон. После

столкновения со стеной, он перестал звонить. Затем ваза муранского стекла с цветами. Ваза попала в голову мужчины, но головная боль не прошла. «Захватили! Сцапали!», – вспыхнула в голове мысль после удара о вазу. «Конкуренты? Кто? бицевские? запанские? Неужели питерские?» Он покосился на тюрбан: «Может, чечены?» Тюрбан вдруг всхлипнул, потом еще раз, потом тихо захныкал, потом громко зарыдал: «Сволочь! Сволочь ты. Что ты со мною сделал? Я отдала тебе лучшие годы жизни. Алкаш. Больной. Тебе лишь бы надраться». «Не чечены, точно», – понял больной и решил задать наводящий вопрос. – Где я ?

Тюрбан зарыдал еще сильнее: «Ты все мозги пропил. Буряк – ты больной подонок! Может, ты и меня не узнаешь?» Мужчина по фамилии Буряк покосился на лицо в чем-то белом, на красное полотенце вокруг головы и решил потянуть время:

– Почему, узнаю. Чтобы прекратить расспросы он повторил жалостливым голосом:

– Пить.

Тюрбан вышел. В больной голове вяло вертелись имена: Анька, Санька, Манька, Танька, Тонька, Дунька, Женька, Фенька, Раиса Александровна...

– Вот смотри, подонок. Вместо воды умирающий от жажды подонок увидел маленькую книжку. – Смотри, подонок, что написано, подонок. «Кристина Анатольевна Буряк» написано. Я – жена твоя, подонок. Вот штамп в паспорте. Это

– наша квартира. А ты, Буряк, – подонок!

Кристина Анатольевна Буряк убрала паспорт в карман халата, сняла полотенце с головы и гордо трянула гривой рыжих волос, крашенных краской «Блонда калор. Квин оф зе найт», с оттенком «Жгучий каштан».

Вдруг раздались вступительные аккорды «полета валькирий». Муж Кристины Анатольевны Буряк неуверенно полез за телефоном, пытаясь уползти от неприятной семейной сцены. «Ямамото Стурлусон» лежал в какой-то луже. Его серый пластиковый корпус треснул, но он все равно работал. Когда нужная кнопка была найдена, трубка заговорила:

– Здравствуйте, могу я поговорить с ээ Буряком Феликсом Эдмундовичем?

– Нуу, – скорее с сомнением, чем с согласием ответил мужчина трубке.

– Вам удобно говорить?

Говорить было неудобно, боль эхом разносилась по голове от каждого звука. Но рыжая женщина в комнате явно хотела продолжить атаку. Поэтому мужчина вяло отвернулся к стене и сказал скорее с согласием, чем с сомнением:

– Ну.

Далее произошел непринужденный разговор, из которого мужчина понял, что он, не только Феликс Эдмундович Буряк – но и мудака, провинциальный гопник, и ведет себя не как бизнесмен. Его, мудака, гопника и небизнесмена ждет ужасное будущее в виде грубого сексуального насилия и за-

хоронения в лесу. А его торговый центр распилят на доли и распродадут продавцам помидорами. Феликс Эдмундович пытался возразить и даже произнес: «Эээ...», но его прервали. Он узнал, что неприятности с летальным исходом на лесной полянке ждут его, если Стасик не вернется в Москву к концерту в «Олимпийском». Мужчина смирился, что его зовут так странно «Феликс Эдмундович», но хотел спросить, кто такой Стасик и чем Стасик дорог этой кровожадной, визгливой тете с той стороны трубки. Он спросил: «Аааа?». Но трубку бросили.

Головная боль, нападение рыжей женщины и анонимные угрозы заставили Феликса Эдмундовича заспешить в укрытие. Он неровной походкой заковылял в ванну, захватив на всякий случай вазу. Кристина Анатольевна Буряк с презрением отвернулась от своего мужа и подарила гораздо более нежный взгляд Хулео Иглесиасу в телевизоре «Panavidic» 17 дюймов. Феликс Эдмундович решил принять душ, но принял ванну. Точнее ванна приняла тело Феликса Эдмундовича, который не смог удержать равновесие и упал, потянувшись за мылом. Падая, он уронил стакан с зубными щетками «MickeyMouth», мужскую зубную пасту «Челюсти», безопасную бритву «Гильотен», пену для бритья приличной марки, пену после бритья еще более приличной марки, увлажняющий крем той же более приличной марки, туалетную воду «TzarIvan», туалетную воду «Skinofdictator» и еще... Но остальные предметы упали после того, как локоть

Феликса Эдмундовича снес немецкий смеситель «Vosch», а голова Феликса Эдмундовича ударилась о ванну. Струя ледяной воды из сломанного смесителя ударила в упавшее тело. Все-таки, Феликс Эдмундович принял душ.

«Буряк, ты умер?» – спросил голос из за двери с плохо скрываемой надеждой. Но надежда на безвременную кончину супруга была беспочвенна. Квартиру уже давно украшала не чугунная ванна Череповецкого металлургического комбината, и даже не стальная – от Ижевского завода сплавов, а виниловая испанская марки «хоум элит». Легкое изделие опрокинулось под весом в 115 кг. «Что за жисть!», – подумал живой, но сильно ушибленный муж Кристины Анатольевны. Ваза муранского стекла была разбита.

Ему было на что жаловаться. На заре жисти родная бабушка, пользуясь отсутствием отца и слабостью матери, дала ребенку имя-отчество несгибаемого революционера и главного чекиста. Это максимально испортило существование юного Буряка в школе. Он возненавидел всех, кто хоть что-то знал о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском, и сошелся с теми, кто о Дзержинском не знал. Таких было раз, два и обчелся. Раз – Васька, два – Колька. Оба из соседнего интерната. Они не читали книжек, тем более учебников, пугали учителей и били всех, кто попадал в район бараков. Избили и Феликса. Потом еще раз, потом еще, а потом, когда он сам отдал всю мамину мелочь на хлеб, как бы подружился. Вместе с ними он вышел на тернистую дорогу разбоя. Став постарше,

он придумал себе кличку «Феличита». Дальнейшая криминальная карьера Феликса Эдмундовича Буряка банальна и не заслуживает описания.

Много воды утекло из смесителя, прежде чем падший хозяин торгового центра «Новый свет» решил встать. Получилось только сесть. Он почесал второе «Я» телефоном, отчего высветился последний входящий звонок. Захотелось позвонить и узнать, кто такой Стас. Позвонил и узнал.

– Кто он такой? А ты кто такой? Кто ты такой? А? Ты кто такой, чтоб он у тебя пел? Тем более второй день. Я б тебе и на минуту его не одолжила, понятно. За тебя важные люди поручились. Ты теперь мне за каждый пропущенный концерт платить будешь. А если к концерту в «Олимпийском» не вернешь, будешь ржаветь, Феликс, ты мой, Железный, в лесной канаве. «Каждый раз одно и то же», – с горечью вспомнил всю свою биографию Феликс Эдмундович Буряк. День начался как обычно.

12

История бриллиантов полна жутких преступлений, душевраздирающих драм и непроницаемых тайн. Как купить кольцо с заветным камушком? Для Василия Горюхина то была тайна за семью печатями. «Я не способен купить даже маломальский бриллиантишко!» – то была для него драма. Ну а то, что он скрыл эту тайну от невесты, было самое настоящее преступление. Ему не хватило духа сказать горькую правду

дома, затем не хватило духа по дороге к торговому центру. Когда Василий вслед за невестой ступил на порог «Нового света», дух его испарился вовсе. Он шел в ювелирный, как на Голгофу. Невеста Василия Горюхина была девушка со вкусом и, судя по тому, как долго и подробно говорила с продавщицей, знала в бриллиантах толк. «Если мы не потянем вот это скромное колечко, то можем взять вот это совсем простенькое», – понимающе клала ладошку на руку Василия невеста Василия. Тяжела была ладошка. Груз позора лег на Василия и придавил его.

Сделав титаническое усилие, Василий ласково улыбнулся невесте. Его правое полушарие, отвечающее за образное мышление, уже рисовало ему одну за другой картины: он душит невесту, закалывает ее кинжалом, выхватывает пистолет, стреляет себе в висок, бьет витрины, засовывает бриллианты в карман и уносится на гоночной вишневой девятке в ночь. Одновременно левое полушарие, отвечающее за дедукцию, лихорадочно просчитывало варианты реальных отступлений. Если соглашусь на простенькое кольцо, значит платить сейчас. А денег нет ни на простое, ни на самое простое, ни на проще простого. Если соглашусь на скромное, то можно отложить на пару часов, пообещав сбегать за оставшимися деньгами. Но бежать некуда. Со спокойствием, которому позавидовал бы покойник, Василий обратился к продавщице: «Знаете что... А не могли бы отложить вот это», – и показал на кольцо с ценником в два раза больше, чем у

скромного. «Свадьба же раз в жизни бывает. Гулять, так гулять. В понедельник получу зарплату и сразу к вам», – вдохновенно врал жених. Регулярная зарплата в его учреждении давно была анахронизмом. Вместо нее давали мыло или стиральный порошок, или ничего не давали. Невеста завизжала от восторга и гордо посмотрела на продавщицу. «Лучше бы ты застрелился», – сказала правое полушарие левому.

Окрыленная невеста полетела к свадебным платьям. Она великодушно освободила Василия от повинности присутствовать при примерке. Для этих целей она выбрала подружку. Василий был отпущен на все четыре стороны с условием, что купит себе брюки. Внутренний монолог бредущего неизвестно куда жениха был очень эмоционален, но незатейлив: «Боже мой! Боже мой! Боже мой! О, Боже мой!» И так еще 47 раз, пока в голове среди туч отчаяния не вспыхнул лучик надежды. «Конечно! Это выход! Как я об этом раньше не подумал. Тогда я куплю и кольцо и брюки... Да ладно, что мелочиться, костюм куплю, туфли. Туфли те, саламандеровские. Платье тоже возьму на себя. И свадьба тогда будет не в квартире ее родителей, а в ресторане. Нет, надо быть скромнее, достаточно кафе». Василий вздохнул с облегчением и твердо зашагал к ларьку моментальной лотереи. Широким жестом он высыпал на кассу мелочь и попросил один билет с мускулистым конькобежцем на картинке. Потом подумал, что один билет – это слишком самонадеянно, и купил второй – с гимнасткой.

Василий и раньше испытывал божью доброту на прочность. Но Боже уклонялся от материальной помощи посредством лотереи под разными неизвестными предложениями. Он оказывал ее только посредством родителей и жидкой полочки. Этого Василию казалось недостаточно, поэтому периодически он становился атеистом и даже пару раз покупал билеты, рассчитывая только на чистую математическую вероятность 1:10 в 5-ой степени без всякого божественного вмешательства. Расчеты не оправдались. «Но сейчас другое дело! – взывал Василий, – я поставил все на кон. Положение отчаянное. Исключительное. Что меня спасет? Только милость божья!» Из кармана была извлечена десяти копеечная монета. С новообретенными верой и оптимизмом, раб божий Василий потерял билет. Он тер нежно, как будто боялся поцарапать золотой слиток. Зря боялся, слитка не было. На месте, где должна быть цифра хотя бы с пятью нолями, была надпись из трех букв «УПС!» Без всякой нежности и веры Василий соскреба фолыгу на следующем билете. Изящная гимнастка тоже не принесла удачу, как и могучий конькобежец. Испытатель судьбы обмяк и снова стал разочарованным атеистом: «Нет правды на земле, но правды нет и выше». Ноги понесли атеиста прочь с места катастрофы. Оба полушария отключились, чтобы не расстраивать хозяина мыслями о грядущем кошмаре. Включился автопилот, чтобы тело могло двигаться. Наверно, это мозжечок подключился. А может не мозжечок.

Мимо медленно проплывали предметы первой, второй и третьей необходимости, а так же предметы роскоши. Казалось, они, как в диснеевских мультфильмах, все хором пели: «Ты – лузер! Ты – лузер! Ты – жалкий, жалкий лузер!» «Да, я – лузер», – сокрушенно кивал согласный с ними интеллигент Горюхин. Прохожие тоже знали, что Василий Горюхин – лузер. Сначала его, молча, даже как-то брезгливо убрал с дороги легким движением руки какой-то крутой здоровый детина с татуировками, но в дорогом костюме со стальным переливом. Потом бабулька с пакетиками попросила его подвинуться в грубых выражениях: «Ты, курица вареная, – говорит, – подвинься». Так и сказала. А еще пенсионер называется. Потом на него показывали пальцем две продавщицы из за витрины. Вася прочитал по их губам: «Смотри, вон лузер идет». Вася отошел, а они даже не проводили его взглядом, не удосужили вниманием, так сказать, продолжая смотреть и тыкать пальцем в то место, где его уже не было. Потом полная волоокая девица спросила Васю с каким-то оскорбительным участием в голосе: «С вами все в порядке? Вам помочь?» Потом его толкнул на эскалаторе парень и извинился совсем небрежно.

«Жизнь – говно», – подумал Вася и двинулся искать сортир.

Так Вася снова стал думать.

За огромным залом парфюмерии «Ибн-Роше» была дверь, над которой висела табличка с тремя фигурками муж-

ского рода и одной женского. Странная диспропорция мужского и женского была отмечена Васей, но не заинтересовала его, целиком поглощенного низменными инстинктами своего тела. Он открыл дверь. Вместо вожаемого сортира там был грузовой лифт на парковку. Рядом висел тетрадный лист, прилепленный скотчем. На листке добрая рука написала «туалет на 3 этаже». Вася нажал кнопку. Подождал. Нажал еще раз. Еще подождал. Потом нажал кнопку и приложил ухо к двери лифта. Потом подождал. Потом нажал кнопку и проверил, горит ли она. Кнопка не горела. Потом нажал кнопку медленно, но сильно (может, контакт отошел). Подождал. Изделие завода «Красный подъем» не откликлось. Вася рассердился и ударил кулаком негостеприимный лифт. Испугавшись наделанного шума, оглянулся. За ним, молча и с интересом, наблюдал охранник. Спускавшиеся по лестнице люди тоже смотрели на Васю. Чтобы не видеть эти смеющиеся глаза Вася потупил взор и пошел наверх.

Через 37 секунд подъема взгляд его заметил на ступеньках среди спускающихся ботинок и туфель какой-то блестящий предмет. «Что это может быть?» – задал он сам себе риторический вопрос, потому что уже знал ответ. «Это – бриллиант! Какая-нибудь богатая дура потеряла. Ей все равно не нужно. Бог помог мне самым простым и эффективным способом. Лотерейный выигрыш я бы черт зна... не чертыхайся ты, идиот... я бы неизвестно когда получил. Ура! Аве! Слава!»

Осталось сделать один шаг и подобрать бриллиант с пола. Уже рука вылезла из кармана, как вдруг в Васе встрепенулся скептик и пессимист: «Какой бриллиант? Это стекло бутылочное, дурень. Держи карман шире». Вася прошел растерянно заветную ступеньку, мучаясь выбором. Скептик не унимался: «Заруби себе на носу: бог, если он существует, не помогает материально. Он о твоей душе заботится и все. Геморрой там насылает, чтоб ты страдал и совершенствовался. Для твоих земных потребностей его все равно, что нет. Иди лучше толчок ищи». Вася слушал его и постепенно удалялся от ступеньки, где бриллианты лежат.

«Стоять!» – скомандовал Васе внутренний оптимист и теист, – «Ты сам бежишь от своего счастья. Кредо квиа абсурдум! Это испытание веры».

Вася двинулся назад. Он спустился по лестнице, но камня не увидел. Откровенно шарить по ступенькам было неловко. Скептик ехидно захихикал: «Тебе не стыдно, как нищий в грязи возиться. Докатился. На тебя люди смотрят». Смущение подтолкнуло Васю вниз по лестнице. Он принял вид беспечного прохожего и оставил бриллиант позади. У основания лестницы на него снова с интересом посмотрел охранник.

Оптимист внутри Васи не сдавался и упрямо гнул свою линию: «Бог не приносит дары на блюдечке. Надо пересилить гордыню и мещанскую стыдливость. Иди и воздастся». Вася покорно пошел наверх.

«Ты смешон и жалок», – скептик перешел на личности. «Унтерменш несчастный. Акакий мечтательный. Сам зарабатывать не можешь, осталось только на бога надеяться. Тьфу на тебя».

Вдруг двуличный Горюхин увидел, что какая-то бабка пытается нагнуться как раз на месте залежа драгоценностей. Отбросив все колебания, искатель сокровищ ринулся вперед. Опередив конкурентку и даже слегка толкнув ее, он схватил вожаделенный предмет роскоши и поскакал по лестнице с ревостью напуганной антилопы.

Он посмел оглянуться и оглядеться только перед дверью сортира. Осмотр камня был отложен до безопасного одиночества в тиши туалетной кабинки. Руки дрожали. Точнее одна рука дрожала, а вторая потела, сжимая в кармане находку. «Отсюда ты выйдешь другим человеком!» – торжественно подумал Василий Горюхин про себя, сделал сильный вдох-выдох и открыл дверь в сортир. В следующий момент он открыл рот от неожиданности и удивления. На него во весь опор неслась на четвереньках особь женского пола. Увидев вашины ноги, особь замерла и подняла в испуге голову. Это была та самая барышня, чье сочувствие так не понравилось Горюхину, когда он был удручен результатом лотереи. Пикантная позиция и хорошо обозреваемое декольте кого угодно отвлекли бы от мыслей о бриллианте. Немая сцена была прервана диким воплем из угловой кабины. Девушка вскочила на ноги и бросилась к выходу, крикнув: «Задержите

его, а то он меня убьет. Я слишком много знаю». «Извините», – вежливо сказал потомственный интеллигент и выско-чил первым.

Через пять минут блужданий новое укромное место было найдено – примерочная кабинка джинсового магазина. На вешалке висела пара штанов для маскировки. На лбу Васи блестел пот. На ладони Васи блестел предмет. Блестел катастрофически дёшево. Это была гранёная стекляшка, с дырочкой по середине. Бусинка какая-то. Таковую и потерять не жалко. Мусор. Фигня. Туфта. Лабуда. Хрень. Откуда-то сверху доносились раскаты божественного хохота.

13

Эльдар ушел. Затем ушла менеджер Анна разбираться по поводу исчезнувших джинсов. «Просто Анна» осталась одна наедине со своими мыслями. Потом мысли рассеялись, и Анна осталась просто одна. Это было тяжело и скучно. Поэтому она очень обрадовалась покупателю. Анна была само радушие. Рассказала о скидках по случаю открытия, полюбопытствовала, как ему торговый центр; спросила, какие джинсы предпочитает: классику или что-нибудь пооригинальнее; просветила о новых коллекциях, о будущих тенденциях, о шикарных ливайсах Стаса на вчерашнем концерте, улыбалась широко до неприличия, принимала изящные позы, – в общем, обслуживала клиента по первому разряду и, даже, лучше. Все без толку. К ее досаде он был рассеян, к улыбкам и позам равнодушен. Бесчувственный тип взял, не глядя, па-

ру джинсов и скрылся в примерочной. Через минуту оттуда послышался стон и что-то нечленораздельное. Анна была чутким продавцом, поэтому участливо спросила: «Вам подошел размер?» В ответ услышала: «Да что же это такое? Что мне с этим делать?» Священные заповеди маркетинга неоновыми буквами загорелись в голове Анны: «Продавец должен мягко брать инициативу в свои руки. Покупатель редко знает, чего он хочет. В глубине души клиент надеется, что продавец сам сделает за него выбор». Со словами: «Разрешите, я взгляну», – Анна открыла занавеску. Джинсы висели ненадеванные. Странный клиент сидел с видом больной собаки и на вытянутой лапе держал что-то блестящее.

– Что это? – удивилась Анна и наклонилась поближе.

– Это п...дец, – горько промямлил грустный покупатель.

– Нет, это не п...дец, – Анна узнала украшение.

Всего день назад она за такое могла жизнь отдать. Ну, не то, что бы уж совсем всю жизнь, но, в общем, многим могла бы пожертвовать. Ну, там куртку отдать поносить на пару недель, или там поцеловаться. Ну, уж точно отдала бы все свои журналы «Опля!» за три года. Это была страза с джинсов Стаса. Как писал журнал «Опля!», на эксклюзивных джинсах певца было нашито 85 камней Воровски. Но на гастроли едут джинсы попроще, со стеклянными стразами. Но это не важно. Все равно такие джинсы есть только у Стаса, ну еще у Эроса Иглесиаса-младшего.

– Где вы это нашли? – стараясь выглядеть как можно рав-

нодушнее, спросила Анна.

– Там, на лестнице у парковки. А что это?

– Стрза с брюк, ерунда. А что вас расстроило?

Клиент встал, шмыгнул носом, вдруг затрясся всем телом, ткнулся лицом в плечо ошарашенной Анне и начал орошать ее футболку обильными слезами. ... В правилах маркетинга о таких случаях ничего не говорилось. «Пердун старый, уже 30 лет наверно. А все хнычет как маленький. Как бы чернила на бейджике не расплылись». Аня нерешительно положила руку на голову пердуна и нежно, по-матерински заворковала:

– Ну, успокойтесь, успокойтесь. Как вас зовут?

– Васс-сь– ся.

– Ну, что случилось, Вася?

И Вася рассказал ей все.

14

– А, где Антон Петрович?

– Я за него.

Женек поднял измученное алгеброй лицо и увидел перед собой девушку в черном, с бейджиком «менеджер Анна» на груди. Грудь менеджера Анны заметно волновалась.

– У нас это... проблема, серьезная проблема. Вы не могли бы это... со мной пройти?

– Могу, – ответил Женек, но не встал, а сменил позу на более подходящую для такого случая – важно развалился, расставив ноги. – А чё нада?

– Пойти надо со мной. В складскую зону.

– А зачем? Женек улыбнулся. Ситуация стала доставлять ему удовольствие.

– Взял ноги в руки и бегом за мной! – вдруг взорвалась девушка с бейджиком. – Я тебе не продавщица какая-нибудь, я менеджер, – и ткнула пальцем себе в грудь. – Мы за аренду бешенные бабки платим, а тут какой-то охранник не желает задницу поднять! У нас ЧП на складе. Поднял задницу, кому говорю! Я говорю, поднял задницу! Задницу подЯл! Я сказала.

Женек нахмурился и поднял, что просили.

Когда он впервые примерил форму охранника и посмотрел на себя в зеркало, то почувствовал себя крутым как Шварцнеггер из фильма «Хищник». Ну, если не как Шварц, то хотя бы как Дольф Лундгрэн из боевика «Смерч». Ну если не как Дольф, то уж точно как Майкл Дудикофф из фильма... как он назывался? Там про два клана ниндзя, один клан – убийцы, а другой – тоже убийцы, но с понятиями. А Дудикофф был морпех, а потом оказалось, что он тоже – ниндзя. «Вайомингский ниндзя – 2» называется. У Дудикоффа на плече была татуировка. Но на кассете было записано четыре фильма, поэтому качество не очень. Женек не разглядел, что за татуировка, и решил, что это морской котик. А Пятак из второго подъезда сказал, что это волк. У Пятака видик дома стоял, он фильм несколько раз смотрел. «Точно говорю те, это волк нарисован», – уперся Пятак. У Женька видика дома не было. Ну, волк, так волк. Они пошли к Клешне татуи-

ровки рисовать. Тот согласился за четыре портвейна или за три водки. Пятак бутылку портвейна у отца украл. А Женек обменял проигрыватель «Рекорд» на две водки. Брат очень дорожил своим «Рекордом». Он когда в армию уходил, сказал: «Женек, береги вертушку, как я – родину». Но Женек решил, что брату пока проигрыватель не нужен, а татуировка ему, Женьку, во как нужна. Для авторитета. Клешня умел рисовать кресты и звезды, а еще писать слова «Нюрка», «сука», «не забуду». Но обещал, что волк получится страшный до «усрачки», если у него картинка, образец будет. Пятак из дома притащил детские рассказы Виталия Бианки о зверятах, а Женек взял в библиотеке книжку про Маугли. Ну, не взял, а спер. Стыдно было, здоровый лоб, выпускной на носу, а он книжки для малышей читает. Дома полистал. Понравилось. Само собой, решили рисовать Акелу. Акела был крутой. Клешня раздавил стакан и начал творить. Сначала творил на Женьке. Было больно, но Клешня подбадривал: «Ничего, ничего. Искусство требует жертв». Через час художник начал материться, орал, чтоб Женек не ёрзал. Затем попросил Пятака посчитать количество волчьих зубов. Еще через два часа мучений Клешня сказал: «Портрет окончен. Пора выпить», – и устало завалился с портвейном на диван. Женек попросил зеркало. Клешня нехотя дал какой-то осколок в пол-ладони. Как ни верти, увидеть можно было только часть красного, воспаленного плеча с какими-то синими пунктирами. «Клевая татуха, – похвалил Пятак, а сам к вы-

ходу, – я чо вспомнил, меня дома же ждут. Так что я в следующий раз сделаю», – и слинял.

Дома Женек заперся в ванной, осторожно снял рубашку, взглянул в зеркало и обомлел. «Мама родная!» Клешня не обманул, на плече красовалась страшная зверюга. Но это был точно не волк, а хищник неопределенной породы, словно Акелу долго скрещивали со всем зоопарком, начиная с бандерлога. Причем это был явный инвалид, потому что ему не хватало одной задней лапы. «Ёпэ рэсэтэ! Вот гад! Какой ты художник, тебя в маляры не возьмут», – изливал всю свою обиду жертва художественного эксперимента под журчание воды из крана. Раньше Женек презирал уроки рисования и всегда их прогуливал. Теперь он понял насколько рисование – важный предмет. «Это ж не отмоется. Это ж, как его, мать, клеймо!» В древние времена верили, что тотем и судьба человека неразрывно связаны. Смывая стыдные слезы, Женек чувал что-то похожее: татуировка испортила ему всю оставшуюся жизнь. Теперь главное не показывать ее никому и заставить Пятака молчать. Женек стал скрытен, перестал ходить в бассейн, качался в спортзале, не снимая олимпийки. К боевикам охладел, особенно с Майклом Дудикоффым. Ну, не совсем охладел, так смотрел иногда. Когда Шварц в «Командосе» завалил злобного морпеха с клевай татуировкой, то Женек этому радовался больше обычного. Затыкать Пятака оказалось необязательно, у того своих проблем навалилось выше крыши. Портвейн, который он стащил у отца, ока-

зался какой-то дорогуший, импортный. Пятака отлупили. За кражу отлупили, и за то, что пить начал. Он клялся, что не брал в рот ни капли. Что хотел сделать себе татуировку. Но татуировки у Пятака не было, и ему досталось в нагрузку еще и за то, что врет. Пообещали поставить на учет, если не исправиться. По вечерам Женек смотрел на свое плечо в зеркало. Неопознанная тварь радостно скалила зубы, словно приветствовала своего хозяина. Постепенно Женек перестал ее ненавидеть.

Но все равно никому не показывал.

Через два года она спасла ему жизнь. Брат приехал из армии и захотел отметить возвращение домой шумно, под музыку. Под музыку не получилось. Он сразу понял, кто виноват в пропаже его проигрывателя. Женек пытался убежать, но был схвачен за рубашку. Рубашка лопнула по швам, рукав оторвался. Татуировка предстала во всей красе. Брат, снявший уже солдатский ремень для экзекуции, увидел произведение искусства и чуть не помер со смеху. Смягчился брат, бить не стал, только проверил на месте ли у Женька печень. Апперкотом.

Форма разбудила в женькиной голове старые фантазии о крутизне. Эти тяжелые высокие ботинки, в которых так и тянуло кого-нибудь пнуть, эти военные штаны в маскировочных пятнах как у десантников, этот ремень, эта рация, – заставляли его по несколько раз оглядываться на свое отражение в витринах. Он шел и нравился себе. Даже дурацкая та-

туировка, скрытая наполовину рукавом футболки, выглядела не так по-дурацки.

Но имидж оказался ничто. Фуфло оказался имидж. Теперь Женек шел за девушкой в черном и не нравился себе. Смотрел на свое отражение почти без всякого удовольствия. Как только надел форму, так сразу все, кому не лень, стали им помывать. И ботинки дурацкие, тяжелые такие. Женек вяло шаркал ими под гневные взгляды менеджера Анны. «Ну, быстрее! Быстрее, кому говорю! – говорила она охраннику. «А быстрее нельзя? Ну, ты быстрее можешь?» – подгоняла она снова и снова. Всю прогулку Женек развлекался тем, что разглядывал джинсовый зад менеджера Анны, когда она не оборачивалась. Когда она оборачивалась, он скромно опускал глаза. Путеводная попа вела его по знакомому маршруту. Так они прошли сквозь толпу в кино, потом прорвались сквозь очередь за бургерами, миновали очередь в туалет, и, наконец открыли дверь в служебное помещение. Лампы в коридоре все так же моргали, как и в первый раз, когда он шел с Лизой. Анна больше не бросала гневные взгляды. Она замедлила шаг и старалась идти рядом с охранником. «Вы сейчас такое увидите, такое. Это в голове не укладываться», – перешла на шепот до этого весьма крикливая спутница. «Что-что я увижу? Я не расслышал», – тоже начал шептать Женек. Анна молча подошла к двери, открыла ее и жестом предложила войти. Женек очень осторожно, вытянув шею, заглянул внутрь. Затем откашлялся и решитель-

но шагнул навстречу неизвестному. Неизвестное выглядело как обычная складская конура, забитая мешками с одеждой. На вещи падал свет из небольшого окна. Рядом с окном были полки. На них лежали какие-то распакованные тряпки и стопка джинсов. «Ну, что я вам говорила? Каково? Теперь вы видите? Теперь вы поняли?» – раздался торжественный голос из за двери. Женек еще раз обвел глазами место таинственного происшествия, но никаких следов происшествия не увидел. Ни тебе труп, ни тебе кровавой лужи, ни тебе знака черной кошки на стене, ни тебе брошенного ствола, ножа, фомки, ни тебе взломанного сейфа, ни тебе вообще какого-нибудь сейфа – ничего. «А в чем дело то? Из за чего шухер?» – робко спросил озадаченный охранник. С воплем «Да блин!» виновница шухера влетела в помещение. Первым делом ее привлекла стопка джинсов. Потом окно. Потом она постояла, постояла и ...упала в обморок.

15

«Я вам еще раз говорю, джинсов на полке не было. Они, вообще, должны лежать в магазине. А вместо этого все джинсы были связаны за штанины в веревку. Окно было открыто, а веревка из окна вывешивалась, как будто кто-то хотел вылезти. Понятно?» – менеджер Анна сидела на полу и осторожно трогала шишку на голове. Вызванный по рации Антон Петрович с укоризной смотрел на своего юного подчиненного, как бы говоря ему: «Ты, желторотый, неоперившийся юнец, зачем ты влез в это дело, и втянул в него меня?»

Зачем мне эти проблемы? Мне что, своих не хватает? Теперь вот расхлебывай за тебя».

– Ты матеку решил?– наконец сурово произнес свое первое слово женькин начальник.

–Я это, почти. Почти полностью. Только одно действие осталось. Ну и записать все, – начал оправдываться Женек.

– Алле! Вы слышите, о чем я говорю? – встрепенулась ушибленная Анна, пораженная таким началом расследования. – Я говорю: здесь что-то произошло, а потом кто-то следы замёл! Патроныч поморщился и с ментовской вежливостью спросил:

– У вас что-нибудь пропало? Дверь взломана?

–Нет, вроде.

–А на нет и суда нет. Может это шутка чья-то. Мало ли. У кого ключи есть?

– Это склад на два магазина. Мы и бельё. У нас два ключа. Как у других с ключами – не знаю.

– Ну, вот видите, может, это кто-нибудь из ваших.

– Да какие наши!? – от возмущения Анна резко встала. Однако тотчас схватилась за голову и села обратно. Потом снова встала, но уже медленно. Медленно подошла к шефу безопасности и, понизив тон, глядя в глаза, сказала:

– А может это как-то связано с исчезновением Стаса?

Как будто мешок с картошкой упал на плечи Патроныча при этих словах. Причем этот мешок был чужой. И нести его надо не в свой подвал, а на овощебазу. «Гребанная работа!

И кто сказал, что это халява будет?» – бушевал мысленно Патроныч, хотя про халяву ему никто не говорил. Это он сам себе говорил.

– Давайте следственный эксперимент проведем, – робко предложил Женек в спину своему начальнику. В его голосе одновременно звучали надежда и страх. Страх перед алгеброй и надежда на настоящее расследование. «И ты, Брут?» – с горечью подумал Патроныч и повернулся посмотреть на предателя.

– Смотрите, – Женек молнией метнулся к джинсам, чтобы начальник не успел отказаться от идеи, – мы свяжем эти тряпки вот так... – он затянул первый узел, – а потом веревку свесим из окна.

– Зачем? – уныло спросил Патроныч. Женек замешкался, но ему помогла Анна:

– Затем, чтобы посмотреть, достает веревка до земли или нет?

– Я даже спуститься попробую, – загорелся Женек, – используя технику японских ниндзя. Он представил, как легко и ловко, под восхищенные взоры этой задаваки из магазина, проделывает путь вниз и вверх, даже не запыхавшись. А Патроныч ворчит, но не может скрыть своего одобрения.

– Да не стой ты столбом! Вяжи давай! – прикрикнула на размечтавшегося ниндзю Анна, завязавшая уже два узла. Женек взялся за штаны и тут же присвистнул.

– Смотрите, джинсы порваны. – он растянул штанины в

стороны, показывая прореху прямо по середине. – Странно. На этикетке нарисовано, что даже лошади порвать не смогут.

– Да, странно – менеджер магазина как-то быстро отвела глаза, – может брак. Может тот, кто лез, был очень тяжелым? Мы их последними привяжем. Глядишь, если порвутся окончательно, до земли лететь не так далеко будет.

При этих словах тень сомнения мелькнула в голове храброго специалиста по искусству ниндзя. Веревка становилась все длиннее, Анна все рассудительнее.

– Если веревка достает до земли, значит, кто-то мог по ней спуститься. Например, Стас.

– Или наоборот, кто-то мог забраться, – вдруг взял да и подумал Женек. Например... например.... Фиг знает кто.

– Или никто. Никто не спускался и не поднимался. Такое тоже может быть, – попытался урезонить молодежь Патронич, у которого от стихийного энтузиазма двух салак уже голова начала болеть. Но вот веревка была закончена, привязана к полке и спущена в окно. Анна посмотрела вниз и гордо заявила:

– Ну, что я говорила! Почти до земли.

К окну подтянулись два других участника следственного эксперимента и по очереди высунули головы.

– Кажется метра два не дотягивает, – как-то уже без особого задора сказал Женек.

Патронич подергал веревку, прищурился для точности и выдал расстояние без всяких «кажется»: – Два с половиной

метра. А может, два шестьдесят. Ноги сломаешь – вот и весь эксперимент. Все пошли. Концерт окончен.

Но концерт был не окончен. Женек посмотрел на Анну. Анна посмотрела на Женька. В ее взгляде было столько презрения и насмешки, что гордость забурлила в душе охранника.

– Ладно, – как можно небрежней бросил Женек, – смотайся туда и обратно. Пару раз плюнуть. Он сложил кисти в замок и стал разминаться. – Зырьте мастер-класс.

Качок с пятилетним стажем как бы невзначай поиграл бицепсами и полез в окно. Он оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она. Она обнадеживающе улыбнулась, что б он, не дай бог, не передумал. Наступила самая решительная часть эксперимента. Рука ниндзи-любителя схватилась за верхнюю штанину, потом вторая, потом нога плавно опустилась на узел. Голова исчезла за подоконником.

– Ну, как? Все нормально? – спросила участливо Анна.

– Все отлично. – ответил Женек.

– Тогда давай побыстрей, а то мне в магазин надо.

Досада охватила экспериментатора, но он смолчал и опустился еще на одну штанину вниз. Вдруг раздался треск рвущейся материи, тренированное тело охранника начало плавно спускаться вниз без всяких усилий со своей стороны. Женек посмотрел с ужасом вверх. Джинсы рвались ровно по середине, там, где сходились штанины. Женек рывком пытался дотянуться до места над разрывом, но только усугубил

ситуацию. Шов стал расходиться еще сильнее. Вокруг было не за что зацепиться. Торговый центр в этом месте был покрыт чудными пластиковыми панелями под мрамор «Пафос – ТС-500» фирмы «Элитные полимеры», к которым согласно рекламе даже грязь не пристает, не то, что охранники. «Так, что на моем месте сделал бы ниндзя Майкл Дудикофф?» – задумался Женек.

– Помогите! Помогитееее! Мама! – закричали хором Женек и Майкл Дудикофф внутри ЖеньКА.

Вместо мамы в окне показалась менеджер Анна. Она ментально оценила обстановку и снова упала в обморок. Следующим вместо мамы появился Патроныч.

– Держись, Копыто! Сейчас что-нибудь придумаем! – крикнул Женькин начальник и скрылся из окна.

«Я – не Копыто, я – Капытов. И держаться не за что», – мог возразить Женек, но не возразил, потому что не мог ни о чем думать.

Зато Патроныч начал думать за двоих. Серое вещество в его голове лихорадочно работало, оно кипело, перебирая варианты спасения. «Надо снять пиджак и подать оболтусу. Только у меня пиджака нет, в конторе оставил. Тогда надо что-нибудь еще подать. Ремень? Так и ремня у меня нет. Зачем мне ремень, штаны и так не спадают. Рубашку? Рубашка не выдержит. Или выдержит? Или не выдержит? Может, проверить? Снимать долго. Некогда. Есть же здесь какие-то другие тряпки». Женек снова заорал. Патроныч схва-

тил первую попавшуюся тряпку и свесился с ней через подоконник.

– Что это за хрень?! – взвизгнул ниндзя. На месте Патроныча Анна бы обиделась. Какая же это хрень? Это бюстгальтер последней коллекции фирмы «Забава». Чашечки отлично держат объем груди. Носить можно с платьем, даже если вырез глубокий. Да и без выреза можно. Или с кофточкой в тон. Если верхние пуговицы расстегнуть, то будет очень даже ничего. Но Анна все еще лежала в обмороке. Патроныч посмотрел на деликатную хрень, бросил ее с досады вниз и побежал за следующей. Следующее орудие спасения выглядело по солиднее. Материи в ней было раза в три больше. Женек схватился за нее как за соломинку. Ладно, он не схватился за нее обеими руками, а то летел бы сейчас навстречу бетону, а может быть и лежал бы уже на нем. Но он схватился только одной. Ночная сорочка, настоящая «франция», такая воздушная, с кружевными оборками, немного приталенная, очень такая секси, фактически лиф и юбочка, скрепленные между собой легкими ленточками, не сорочка, а шедевр легкой промышленности взяла и затрещала по изящным швам. Порвались ленточки. Порвались бантики. Не будет никто носить прекрасную ночнушку, не будет никто дразнить в ней своего кавалера, прельщать его, сводить с ума. Погибла сорочка от приложенной грубой силы, от тяжести, от столкновения с суровыми законами физики за 8 класс. Жалко сорочку. Хотя кому жалко? Женьке? Патронычу? В

интервью газете «Вечерний Гидротехник» на вопрос «Жалко ли вам было испорченный товар магазина «Нежность»?» Антон Петрович Мотыль категорично и дословно заявил: «Я уважаю уголовный кодекс, а так же кодекс об административных правонарушениях, но... и УПКа тоже уважаю, но... Кстати, я против новой редакции уголовно-процессуального кодекса. К чему эти сложности, старый был проще и лучше. Он помогал ловить воров и хулиганов. Что с ними, с ворами и хулиганами, цацкаться? А новый? Кому он помогает? Милиции или бандитам? Так это о чем я? А. Я уважаю уголовный кодекс и прочее, но... Мы как бы стоим на страже...э... социа... то есть частной собственности, но когда я увидел переполненные страхом глаза Евгения Копыто, я понял, что человеческая жизнь простого охранника мне дороже».

Когда Патроньч посмотрел в переполненные страхом глаза охранника, он понял, пора идти на решительные меры. И начал метаться по складу в поисках решительных мер. Тем временем джинсы продолжали рваться. Вот уже шов разошелся между задними карманами. Силе тяжести сопротивлялась только ширинка. Женек вспомнил, как в первый раз не смог потерять невинность – заклинило замок на ширинке. Потом он не смог потерять невинность еще несколько раз. Но эти случаи не всплыли у него в памяти, когда он смотрел на рвущиеся джинсы и не рвущуюся ширинку. Женек начал орать благим матом, чтобы привлечь внимание людей внизу. Но какие там люди? Не было никаких людей. Он же не

на фасаде висел, где вход был, а на задней стороне здания. Натолкнувшись на лежащую и такую равнодушную к судьбе охранника Анну, Патроныч понял, что нашел надежное средство для спасения. Он облегченно вздохнул, присел и начал снимать с продавщицы фирменные черные джинсы. «Это они рвутся, если за штанины в разные стороны тянуть. А если схватить за вместе сложенные, то выдержат!» – осенило спасателя. Снять свои брюки ему в голову не пришло, а потом, когда пришло, то не захотелось. Неловко как-то было. «Антон Мотыль брюки просто так не снимает», – решил для себя Патроныч. Но решение пришлось тут же изменить. Джинсы не поддавались. Крепко, как влитые, сидели они на упругих бедрах девушки. Как приклеенные держались, вот что значит фирма! «Ёлки, да что же я мучаюсь с этой курицей! Ладно, хрен с тобой, своими штанами обойдусь».

– Держись, скалолаз, сейчас я тебя вытащу! – обнадеживающе крикнул Патроныч в сторону окна и лихо скинул туфли. Когда брюки зам директора по общим вопросам были спущены до колен, то ли от криков, то ли от некоторой непривычной свободы в области талии, обычно туго стянутой, очнулась менеджер Анна. Увидев свои джинсы расстегнутыми, а брюки Патроныча практически снятыми Анна не удивилась. Все мужики – козлы. И этот старый такой же. Секс ему подавай бесплатный! Патроныч тем временем скакал на одной ноге, пытаясь освободить вторую из брючины. «Реальный козел! Вот гад! Там человек за бортом, а он... Как он

точно момент выбрал, свидетеля насилия нет! А сейчас этот ниндзя из окна брякнется, то и не будет! Все просчитал старый козел!» – Анна ужаснулась коварству зама. Коварный зам наконец-то освободился из своих брюк и повернулся лицом к окну, а задом в семейных трусах к Анне. Не мешкая ни секунды, она со всей силы размашисто ударила ногой насильника. Женек бы оценил этот удар, если бы видел. Настоящий «маваши йоко гири». Но он не видел триумфального удара. Единственное, что он увидел, так это пролетевшие мимо него брюки Патроныча. Анна уже бросилась к двери, когда насильник заорал:

– Ты что делаешь, дура! Крепко головой стукнулась? Как же мы теперь его вытащим!?

Из окна донеслись яростные вопли:

– Сволочи, что вы надо мной издеваетесь? Что я вам сделал? Я же сейчас шмякнусь на смерть! Милиция!!!!Убивают!!

Анна повернулась. Поверженный зам продолжал гневно кричать из положения сидя:

– Сымай, давай, свои портки, коза! Да быстрее ты, давай! Ты чо встала! Сымай,говорю, твою душу! Ох, спину отшибла! У меня же там почки!

Анна поколебалась некоторое время, потом поломалась еще немного, по привычке, и начала раздеваться. «Стриптиз для спасения человека, это ж надо! Кто увидит, обалдеет!» – удивлялась про себя Анна, стаскивая тугие джинсы.

– Тебе помочь, дочка? – ласково предложил Патроныч.

– Сама обойдусь, без помощников. Пока Патроныч наблюдал стриптиз, Женек наблюдал приближение своей гибели. Теперь две половинки джинсов соединяла только узкая полоска вдоль пояса и непоколебимая ширинка. В голове у выпускника школы №15 Евгения Капытова («3» по физике) роились неуместные мысли: «Ускорение свободного падения равняется 9,8 м/сек квадрат. С какой силой я шмякнусь о землю, если масса моя – 83 кг?»

Наконец, Анины черные джинсы были сняты и вывешены за окно. Женек вцепился в них мертвой хваткой. Глаза у него были круглые и ошалевшие, как у котенка, которого мыли в ванной. Не было в этих глазах того ястребиного блеска, какой был у ниндзи Майкла Дудикоффа. Ниндзя Майкл Дудикофф исчез, слинял не понятно куда вместе с ястребиным блеском. Совсем другой Евгений появился над подоконником, жалкий какой-то, как будто вылез этот Евгений прямёхонько из поэмы Александра Сергеевича Пушкина «Медный всадник». Вытаскивать его было сплошное мученье, окно было слишком тесно для двух спасателей. Они пыхтели и ругались. Футболка у спасенного задралась и перед Патронычем и Анной предстала во всей своей красе дурацкая татуировка. Но они не обратили внимания на уродливую зверюгу.

Потом они долго пытались отдышаться. Анна хотела одеться. Но Женек не отпускал ее джинсы. Патроныч с тру-

дом вырвал их у оцепеневшего скалолаза-любителя. Когда Анна надевала свои спасительные джинсы «Дольче Альбано Рамино Пауэрс», Женек увидел у нее на бедре. ... Да, он увидел у нее на бедре татуировку. Он моментально узнал руку мастера. На бледной коже синел то ли катенок Гав, то ли его друг –дворовый щенок. Анна перехватила взгляд и сильно смутилась.

– Зато теперь мы точно знаем, что никто не спускался из окна, – заговорил Патроныч, расхаживая по кладовке в одних трусах и носках. – Даже если кто-то попытался проделать такой фокус, то у него ничего не получилось. А если кто-то грохнулся, то труп бы валялся.

– А если порвались только самые нижние джинсы? Тогда он мог спрыгнуть на землю. Ну, ушибся бы человек, но не насмерть же, – выдвинула контрверсию Анна.

– Пара джинсов из семи порвались. Значит, скорее всего, вся партия такая. Думаю, еще раз проверять не будем. Самые первые джинсы затрещали, и кто-то, половчее нашего скалолаза, успел забраться в окно обратно. Патроныч еще чуть-чуть подумал и добавил, – а, может, вообще никого не было.

Женек их разговор не слушал, он умножал $9,8 \text{ м/сек квадрат}$ на 83 кг . В уме, столбиком.

Повисла пауза, во время которой до Патроныча дошло, что он не совсем одет.

– Я это, ваши джинсы реквизирую во временное пользование? Пока за своими штанами хожу?

– Валяйте, – согласилась Анна.

Патроныч отвязал ливайсы и надел их. Но не совсем. Со-
всем надеть не получилось. Как-то не застегивались джинсы
на теле зама по общим вопросам.

– Ну, чё, скалолаз, придется тебе бежать за моими штана-
ми, – повернулся Патроныч к своему подчиненному. Женек
не сдвинулся с места. – Слышь, кому говорю, ноги в руки и
бегом! Никакой реакции. – Боец, чё, страх потерял? Боец не
повел даже бровью, впервые не обращая никакого внимания
на начальство.

– Он в шоке, – вступилась за охранника Анна.

– Я в шоке, – подтвердил Женек. – Я сама схожу за вашим
ээээ хозяйством.

Через какое-то время Анна появилась внизу и помахала
Патронычу, который нетерпеливо караулил ее в окне. Пер-
вым делом она подобрала бюстгальтер. Затем наклонилась
за брюками и вдруг увидела рядом что-то блестящее. «Таа-
ак», – подумала Анна удивленно. «Так, тааак», – подумала
Анна еще раз, когда наклонилась ниже. Она подняла вещи-
цу, и тут ее осенила блестящая мысль: «Так, так, так, так!
Ах, вот как!!!!»

Вика была разочарована. Не ждала ее Лиза в сортирах,
не вешалась, не рыдала, не тянула к ней, Вике, руки, не па-
дала к Вике на грудь со словами «послушай, подруга, мою

ужасную историю». Пусты были сортиры. Точнее народу было много: заседательниц по кабинкам, красавиц всех возрастов и размеров, сосредоточенно наводящих марафет у зеркала. Но Лизы среди них не было. Вика чувствовала себя обманутой. Тем более в пылу погони пришлось пропустить магазин «Стиляго Понти», а там в витрине такое платье висело, закачаешься. Юбка «годо», корсет с выточкой, вырез большой, лодочкой. Ах. Вика прямо обиделась на Лизу. Она была очень разочарованна. Но еще больше был разочарован Петровский. Он был разочарован в два, нет, в три раза больше Вики. Мало того, что он, как дурак, искал какую-то Лизу в мужских туалетах, но еще, как совсем дурак, один раз позвал ее, когда кабинка была закрыта. В ответ раздалось гомерическое ржание, затем предложение войти посмотреть. В гневе Петровский покинул помещение, громко хлопнув дверью.

– Нет здесь никого, – крикнул он Вике, но Вики тоже не было.

Вся нелепость ситуации открылась ему: «Что я здесь делаю? Зачем я бегаю по магазинам и туалетам? Кому это все нужно? Сейчас приду на работу, а начальник смены, прыщавый сопляк, будет меня отчитывать за прогул, как малолетку. Где эта Ключева, в конце концов?!»

Ключевой нигде не было, и Петровский продолжил думать о себе. «Живу, понимаешь, не своей жизнью. Чьими-то чужими интересами живу. Вроде ушел из под опеки отца, как колобок от дедушки, а все не то. Какое-то я орудие чужой

судьбы. Наверное, я слишком полагаюсь на случай».

Раньше он думал так. Вышел, например, в магазин за хлебом. Идешь себе, идешь. Вдруг обнаруживаешь, что забыл деньги. Приходиться возвращаться. Но, вместо досады в голову закрадывается мысль: а вдруг это судьба? А вдруг все не спроста? Вдруг, если бы я не повернул обратно, то на перекрестке в аварию попал? Или еще лучше: вернулся домой, взял деньги, снова пошел за хлебом, и, вдруг, встретил на своем пути что-нибудь судьбоносное. Например, кошелек. Или главного тренера по теннису. А тот говорит: «Я давно за тобой наблюдаю, Александр, целых 15 минут. У тебя потрясающая координация движений, это заметно по походке. Пошли ко мне в сборную. Заменишь Женю Кафельникова». А если бы не забыл деньги, то ничего судьбоносного не встретил. Или зашел в булочную, а там вооруженное ограбление...! Или идешь по улице, экскаватор что-то роет, проходишь мимо траншеи, и видишь подземный ход. Ты ныряешь в темноту, зажигаешь факел, а там сокровища Мамая, которые он бросил, убегая после побоища. А если бы не забыл деньги, то прошел бы мимо экскаватора до того, как он ход откапал.

Жизнь шла, а никаких судьбоносных случайностей не происходило. Тогда юный Петровский пытался поймать судьбу за хвост самостоятельно. Он специально оставлял деньги дома, когда его посылали в магазин. Выбирал самые запутанные маршруты, прокладывал их через пустыри и

стройки. В общем, давал судьбе шанс. Но она им не воспользовалась. Ничего не случилось. Точнее случилось, но ничего интересного. Его ругали дома, за то, что шатался непонятно где. Пару раз он падал в какие-то канавы, и его ругали за то, что он испачкал штаны, куртку. Один раз сломал руку, но в больнице с ним тоже ничего интересного не произошло. Гипс наложили – только и всего!

Теперь, повзрослев, он начал рассуждать так: «Допустим, встречает он знакомого, ту же Ключеву. – Привет. Вот это да! Какая встреча. Вот это случай! Действительно, встреча случайная. В том смысле, что она незапланированная. Но ведь ты на улице сталкиваешься с сотнями, тысячами неизвестных тебе людей. И эти столкновения тоже случайны. Но ведь ты не кричишь при виде каждого человека: «вот это случай!» Какой же это случай, если тебе все равно, кто мимо прошел. Ты его даже не заметил. Получается, что случай, как это ни странно звучит, появляется только из области чего-то знакомого. То есть ничего нового ждать не приходится». Пессимизм овладел Петровским. Он облокотился на перила и посмотрел вниз. Картина открывалась удручающе скучная и предсказуемая. Толпа деловито сновала по аллеям торгового центра. Потоки перетекали из магазина в магазин. Кто-то выходил довольный и с пакетом, кто-то недовольный – без пакета, кто-то с пакетом, но все равно недовольный. Захотелось плюнуть вниз, как в речку с моста, и посмотреть, что будет. «Да что здесь может произойти? Ничего,» – вслух, непо-

нятно кому сказал Петровский и уныло потащился на работу. Он прошел мимо рокерской куртки, которую заметил в начале randevу с Ключевой, но теперь крутая вещь не вызвала у него бывшего энтузиазма. Для поддержания своего боевого духа он пытался вызвать образ Микки Рурка на мотоцикле, но тот не появлялся, видно занят был чем-то. Мотоцикл ремонтировал. Встреча на работе прошла в ожидаемой манере:

– Перерыв на отдых 20 минут, тебя не было час! Я научу тебя работу любить. После закрытия остаешься мыть плиту, посуду. Все ясно?

– Ясно, – Саня не стал спорить и нырнул в аромат разогретых полуфабрикатов, глутамата натрия, жареного картофельного крахмала.

Два дня до открытия их учили любить работу.

– Меня зовут Филипп. Сегодня я расскажу о нашей компании. Мы – лучшие! Без шуток, мы – лучшие. Итак, что вы знаете о нашей компании?

– Ничего.

– Неправильный ответ. Вы знаете, что мы – лучшие! Повторим со мной: «мы – лучшие».

– Мы – лучшие.

–Еще раз!

– Мы – лучшие!

–Еще! ...Еще! ...А теперь такое упражнение. Посмотрите на этот бургер. Смотрите какая мягкая белая булочка! Какой яркий свежий салат! Этот янтарный сыр! И, наконец,

сочная, аппетитная котлета! Прекрасный бумбургер! Замечательный! А теперь ваша очередь сказать, какой он замечательный!

– Он замечательный.

– Нет! Вы должны сказать своими словами! Дать свое определение, понимаете. Итак, наш бумбургер какой?

– Клевый.

– Хорошо!

– Классный.

– Еще.

– Отпадный!

– Еще!

– Улетный!

– Кайфовый!

– Ништяцкий.

– А теперь ты. Как тебя звать?

– Александр Петровский.

– Саша, порази нас!

– Поразительный.

– Ха-ха! А еще? -Великолепный, грандиозный, чудесный, волшебный, уникальный, – Санек задумался на секунду и продолжил, – божественный, воодушевляющий, питательный, знатный, популярный, очаровательный, милый, – подумал еще секунд 20, – А, может, хватит?

– Хватит, хватит, -как бы искренне рассмеялся менеджер Филипп. – Ты заработал одну призовую звездочку. 10 звезд

дочек – и бумбургер бесплатно.

– 5 касса свободна.

Саня дежурно улыбнулся в толпу, в ответ ему искренне улыбнулась какая-то мелюзга из под стойки. Но мелюзгу вдруг отодвинула взъерошенная пухлая девица.

– Саша? Здравствуй!

«Она меня знает, а я ее? – подумал Петровский и сказал:

– Здравствуй! Что будешь?

– Вас здесь не стояло – завопила мелюзга.

– Я сейчас, мне очень надо, – начала оправдываться пухлая. – Саша, такое дело...

«Лицо знакомое», – удивился Петровский. Толпа заволновалась.

– Девушка, вы заказывать будете или поболтать решили, глазки построить?

– Саш, дай картошку, – пытаюсь утихомирить голодную, раздраженную очередь, сказала все еще незнакомка. Пока он шел за порцией, она успела спросить:

– Ты Вику Ключеву не видел?

И тут до Петровского дошло: «Это пропавшая Курицына». Много нелепых персонажей он встретил, когда переехал в этот городишко и пошел в новую школу, всех не упомнишь.

– С тебя 35 рублей. Видел. Мы с ней тебя искали.

– Ой, я деньги забыла. Толпа забурлила, назревала расправа.

– Давай двигай отсюда! Ее стали оттеснять от стойки.

– Где тебя найти, если что? – спросил Петровский, хотя его учили, что посторонние разговоры с клиентом запрещены.

– Посторонние разговоры запрещены, – тут же возник прыщавый менеджер.

Саня гордо проигнорировал этого приказчика среднего звена и повторил свой вопрос:

– Так где тебя искать?

– В «Динозаврике» 35 «Б» павильон.

– Вали отсюда, корова, а то саму на бумбургер пустим.

– Ща я тебя самого на нагетсы пушу, петух мосластый! – неожиданно по-дворовому заговорил Петровский, – и, ваще, не трожь ее, она беременна.

Вся очередь охнула, тут же превратилась в зрительный зал с амфитеатром и партером. На густо покрасневшую Курицыну устремились жадные взгляды. Ошарашенная Лиза удивленно посмотрела на однокашника: «Ну, Петровский, ты даешь!» Как говорил поэт: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется».

– Попал парень! – загудела публика. Курицына молча удалилась со сцены.

– А он ничего, смазливый, – сказала одна тетя.

– И работающий, – сказала другая.

– Учись, дура, – сказала третья тетя молодой девушке, – как парней надо ловить. Чем она тебя лучше?

– Ну, мам!

К новоявленному отцу, остолбеневшему от такого поворота событий, подошел прыщавый менеджер: «Извини, я не знал, что у тебя проблемы. Думал рапорт написать на твое увольнение, но тебе же семью кормить». Что можно было на это ответить? Петровский не ответил ничего. Он решил забиться в работе. Но это было не просто.

–Ой, что-то на соленое потянуло! Дайте рулетики с соленым огурцом, – хихикая и толкая в бок подружку, просила какая-то дура в красной шапке.

– А мне колу без калорий, а то, понимаешь, растолстею, – подыгрывала ей подруга.

Когда он наливал колу из аппарата, к соседнему кранику подошла Нонна с 3 кассы.

– Сколько уже недель? Ее тошнило?

Все же через полчаса прилив женского внимания стал спадать. Кто-то из свидетелей сцены ушел, кто-то сконцентрировал все внимание на пережевывании пищи, кто-то на переваривании, а кто-то был уже сыт и рассеян. Только-только Петровский вздохнул с облегчением, как услышал за спиной знакомый голос:

– Прикинь, Саш, мне платье не налезло! Ты меня слышишь?

Саша не верил своим ушам. Он повернулся лицом к кассе и поверил. Перед ним стояла расстроенная Клюева.

– Я ей говорю: «Это у вас маломерки наверняка». А та такая: «У наших платьев с размерами все в порядке». А я ей:

«По-вашему, это у меня с размерами не все в порядке?» А та такая: «Я это не говорила». Ты прикинь, Саш, намекает... Я растолстела, да? Растолстела?

– А ты время даром не теряешь, я смотрю, – проворковала в затылок Петровскому все та же Нонна с 3 кассы. – Они к тебе в очередь становятся? Может и мне записаться? – коллега игриво ущипнула его за задницу.

«Что за бред?» – пронеслось в голове Петровского.

– Саша, ну, ты чего молчишь? – вернулась в разговор Ключева.

Посетители замерли. Новички начали было ворчать, что очередь задерживается, но на них зашикали свидетели сцены с Курицыной. Вкратце они пересказали содержание предыдущей серии и стали вместе ждать развязки.

–Мам, мы в кино опоздаем, – заныл какой-то детеныш.

– Тихо, ты! Потерпи.

– Что будешь заказывать? – еле выдавил из себя затравленный Петровский, косясь на менеджера. – Ну, Саш, извини, что я тебя потаскала и бросила. Ну, извини. Ну, извини, слышишь. Колу мне дай, нет спрайту лучше. Ну, увлеклась, с кем не бывает.

Тети начали перешептываться:

– А! понятно. Эта его бросила. А он со злости к той ушел. А теперь эта вернулась.

– Ага, и обе с пузом! Бедняга. Кого, думаете, выберет?

– Эта, вроде, покрасивше. Хотя, если парень гордый, то

он к ней не вернется.

– А, может, вернется.

– Не, не вернется. Помните, как Эрнандо мучился. А потом, взял и бросил всех. И Ромину, и Хуэнью, и Сусанну.

– Бери свой спайт и проваливай, – зашипел Петровский. – Сама разбирайся с Курицыной. Она в каком-то «Динозаврике» работает. Все, мне некогда. Следующий.

Клюева не уходила.

– Сань, ну, чё ты дуешься из за мелочи! Ну, чё, ты?

– Следующий.

– Ну, и пожалуйста! Какие мы гордыя. Король бумбурге-ров.

Клюева поймала ртом трубочку, втянула в себя спайт и уступила место следующему.

17

– Да, ты чо!

– Да, я тебе говорю!

– Вот это да!

– Ты только представь это!

– Кошмар!

– Ужас!

– Представляю, что ты пережила! Представляю!

– Да я такое пережила! Такое! А когда он вжикнул молнией и заорал, я поняла: «Все! Мне конец!»

Щеки у Лизы горели от волнения и воспоминаний. Глаза у Вики горели от энтузиазма и любопытства: «Вот она – на-

града за терпение».

– Лизка! Ты понимаешь, что ты единственная выжившая жертва! Круто!

– Да? Не верю своему счастью, – с некоторой иронией отвечала выжившая жертва.

– Блин, я те говорю! Я в «СпидИзвестиях» про них читала, про маньяков, – не заметила иронии Вика, – я, прям, вижу, как он это проворачивает. Песенки поет свои заманивающие.

Тут Вика не удержалась и выдала любимый куплет:

Посмотри в мои глаза

И отдай мне сердце смело.

У меня в душе гроза

Гремит на тыщу децибеллов!

Куплет кончился, и Вика вернулась к прозе:

– Девчонки к нему на шею гроздьями вешаются. Он выбирает подходящую, улыбается: «Вот мой телефончик, тогда-се, заходи, автограф дам». А потом...

– Он как Дориан Грей, – мечтательно зашептала Лиза, – внутри монстр, а внешне прекрасен. Поэтому никому в голову не приходит подозревать его.

– Просто он с гастролями по всей стране ездит.

– Ну...

– Ну и вот. Тела жертв по всей стране разбросаны. В самых разных городах. Кому придет в голову между ними связь искать? Тело находят и думают, что это местный ма-

НЬЯК.

Вика наморщила лоб – верный признак напряженной мысли.

– Теперь надо придумать, как мы его ловить будем.

– МЫ!? – обомлела Лиза.

– А кто? Не милиция же! Пока ты им объяснишь, что к чему, пока заявление напишешь. (Да и что ты напишешь? Про куклы в подвале?) Пока до них дойдет, о чем речь, пока они решат, что делать, Он десять раз кого-нибудь убьет! Нет. Тут нужно действовать быстро! Знаешь что?

– Что?

– Я знаю, как тебе помочь.

– Это как? – спросила Лиза.

Вика еще сильнее наморщила лоб.

– Во-первых, надо сменить имидж. Это главное. Принарядим тебя, причешем, подкрасим. Подчеркнем твои достоинства, – Вика жестом как бы поправила грудь вверх, – в общем, сделаем твой имидж более сексуальным.

Лизе снова вспомнились шорты Памелы Андерсон.

– Может, я шорты надену? – робко предложила она, – с колготками. Вика представила фигуру Курицыной в шортах. Мысленно сделала кислое выражение лица

– Что ж, немного вульгарности не повредит. Походишь по центру, покажешь себя.

– А зачем? – Лизу начали терзать смутные сомнения. Может зря она доверила свою тайну такому активному искате-

лю приключений.

– Это называется ловить на живца! Он тебя заметит, выследит... ну а дальше детали, мелочи. Возьмем его с поличным! Прямо на месте преступления. На тебе!

Вика увидела побледневшее лицо подруги и осеклась:

– Это я увлеклась немного.

Лиза успела представить себе, как она лежит в каком-то подвале, на нее надвигается зловещая тень. Лиза медленно, с ужасом в глазах принимает сидячее положение, красиво откидывая челку со лба и изящно изогнувшись. Окровавленный маньяк наклоняется к ней, он готов вонзить в ее белую беззащитную шею свои зубы... Но тут его опередили.

– Сколько можно трещать? Ты сегодня работать собираешься? Я тебе за что деньги плачу? Вырастили лоботрясов, бездельников.

Видение о маньяке пропало. Вместо него возникла Светлана Михайловна. В одной руке у нее был безухий чебурашка, в другой – пластмассовый меч-кладенец. На лице третья степень гнева по пятибальной шкале. Голову рубить не будет, но врезать мечтает. Только присутствие покупателей удерживает ее от экзекуции.

– Иди, давай, следи за мелюзгой, чтоб чего не стырили. Вон их сколько, ползают как тараканы. – Зашипела хозяйка «Динозаврика». – Покупать чего-нибудь будешь? – обратилась она к Вике. – Точно ничего не хочешь? – фраза прозвучала, как угроза.

Вика, как немая замотала головой.

– Тогда пошла отсюда!

Растерянная Вика поплелась к выходу. Дело о маньяке-звезде закрылось неожиданно, едва начавшись. Стало обидно. У самого выхода обида вырвалась наружу:

– Что у вас за сервис хамский такой? Вы как на рынке прям. А вы ж не на рынке. Это ж торговый центр мирового уровня! А вы этот уровень роняете. И игрушки у вас какие-то дурацкие и... и... на голове черти что!

Светлана Михайловна ринулась поговорить об этом, но Вика решила отложить разговор и сходить в кино. Точнее сбегать.

План поимки маньяка на живца произвел сильный эффект в голове Лизы. Она бродила среди игрушек печальной обреченной девой, в ее ушах играла грустная музыка вроде «Deadcandance» или саундтрека к «Twinpeaks». Она нежно трогала кукол и трогательно улыбалась встречной мелюзге. Сорванец, который доламывал машинку, встретился с ней глазами и навсегда перестал шалить. Он оставил машинку в покое и попросил маму купить бледную куклу с косой в руках. Мама полезла за валерьянкой в сумку, но валерьянки не было.

Стас торжественно нес ее на ложе толи любви, толи смерти. Нес, совершенно не напрягаясь, не жалуясь на ее вес. Она не сопротивлялась, склонила голову, украшенную черной фатой, ему на плечо. Вдруг налетели папарацци, защел-

кали затворы фотокамер. Появилась милиция. Суровые парни в форме окружили Стаса и Лизу, затем взялись за руки, и стали вокруг них водить хоровод. Гроздья поклонниц повисли на руках милицейского кордона. Стас улыбнулся, окинул толпу хищным взглядом. Одна из поклонниц достала фломастер и попросила написать автограф прямо на груди. Ну, не прямо на груди, конечно. На футболке. Да и какая у нее грудь-то? Цыплячья какая-то. Ерунда, а не грудь. Не то, что у Лизы. А все туда же. Стас бросил бедную Лизу, как Остап Бендер Любовь Полищук, и взял фломастер. Наглая пигалица растянула футболку и выпячила свои... Стоп! Что такое? Не может быть!

Лиза стряхнула томные фантазии и ринулась копаться в воспоминаниях вчерашнего вечера. «Omondieu! Точно! Он давал автограф! Он писал что-то на груди поклонницы!» Лиза мысленно укрупнила картинку и увидела номер телефона! «Боже! Жертва выбрана! Ты дура – Лиза! Ты думала, что Стас преследует тебя, а на самом деле не Тебя! Жертва – другая!» Первой реакцией было чувство облегчения, второй – странный укол ревности, третьей – стыд. «Стыдно! Что за эгоизм! Только о себе думаешь!» – отчитала Лиза саму себя. «Девушка в опасности. Ой! Может, она уже того... погибла? Так, нечего хоронить человека раньше времени. Наверняка ее можно еще предупредить и спасти. Давай, вспоминай как она выглядела. Как же она выглядела?» Но капризная память стала вдруг глуха к запросам. Как же так, я же толь-

ко что вспомнила... Так, он писал на футболке. Какого цвета была футболка? Кажется светлая какая-то. Рисунок был? Не был? Она же не в футболке на улице красовалась, на ней куртка наверняка была. Так, теплее. Какая куртка? Темная или светлая, с капюшоном или без? Короткая или длинная? Может пальто? Вместо этого память выдала: песню «Зачем вы, девушки, красивых любите?» в исполнении тети Люси из деревни; красную вязанную, очень колючую шапку, которую мама заставляла надевать во втором классе; гриб-мухомор; кадр из мультфильма «Ну, погоди!», когда волк схватил зайца; и, на конец, слово «метранпаж». «Что это все значит?». Лиза была просто обескуражена своей памятью.

18

– Я хочу в туалет. Из... из... извините. Вася повсхлипывал еще немного и засобирался уходить.

– Хорошо, хорошо. Да и мне тоже пора поработать, – соврала «просто Аня». – А это вы выбросите, что б больше не вспоминать эту историю, – она кивнула в сторону стразы, – или просто оставьте здесь.

«Просто Аня» произнесла это тоном доброго, доброго психолога и участливо посмотрела в заплаканные глаза несостоявшегося миллионера. Вася кивнул и всхлипнул в знак согласия.

«Не человек, а какое-то мокрое место», – проводила Аня гостя. «Всю грудь заплакал, нытик». 50% хлопка, 30% по-

лиэстера и 20% вискозы неприятно липли к телу. «Придется переодеть». Она прошла в подсобку за кассой, по дороге прихватив чистую футболку. Переделалась, брезгливо бросила промокшую васиным горем футболку в пластиковый мешок, и как-то ненароком заглянула в соседний пакет. В пакете у этой выпендренницы, которая называет себя менеджером, которая считает себя начальницей, в общем, в пакете у этой дуры Ани лежала свернутая футболка. Ничего примечательного, точь-в-точь такая же как у «просто Ани»: поло, цвет белый, с черной окантовкой на рукавах. Непонятное и непреодолимое любопытство заставило «просто Аню» залезть в мешок к товарке и развернуть содержимое. Глаза ее сузились, рот сжался, непреодолимое любопытство уступило место непреодолимой злобе. На футболке менеджера Анны во всю ширь красовался телефонный номер, написанный красной помадой.

– ПАЧЕМУ ты не в зале?

– Ой! Мамочки! – Аня шарахнулась с испугу в глубь подсобки, стукнулась головой о полку и еще раз вскрикнула «Ой!», только теперь от боли.

– Почему не в зале, а?

– Фу, Эльдар, напугал меня.

– Я спрашиваю, почему не в зале стоишь, почему не работаешь?

– Разве так можно. Так и зайкой стать легко. Ну, ты даешь.

– Аня, я тебя русским языком спрашиваю, почему ты не

в зале?

– Ну, надо же, теперь шишка будет! Смотри, какая шишка будет.

– АА! – начал закипать и без того горячий Эльдар. – Ты меня слышишь? Я спрашиваю, почему ты не в зале!?

– А чо ты арешь на миня? Не, чо арешь-то? Я же все таки девушка. Панятна, а? С нами нежно нада...

Эльдар готов был взорваться, но тут он заметил футболку с телефонным номером.

– А это что?

Тем временем Аня решила ответить на первый вопрос.

– Представляешь, тут один клиент зашел. Странный такой. Взял джинсы не глядя, и, такой, в кабинку...

– Так! Значит, это он телефончик оставил!

– Да, нет же! Это другой!

– Так они к тебе косяками ходят?

– Кто?

– Ты меня спрашиваешь «кто?»

– А то кого же, тебя!

Эльдар задумался.

– Ну! – пошла в атаку «просто Аня», – кто ко мне ходит?

– Эти... эти клиенты. Эти, которые телефончики оставляют. В кабинках.

– Никто мне телефончик не оставлял, понятно!

– Тогда, тогда, – начал задыхаться от ярости Эльдар, – почему ты не в зале?!

– Мне футболку заплакал дурак один!

– Какой дурак?

– Вася.

– Вася?

– Вася, Вася.

– Что здесь делал дурак Вася?

– Дурак Вася здесь плакал! Ну, не здесь, а в примерочной.

Эльдар не нашелся, что сказать. Тогда Аня продолжила.

– Понимаешь, он собирался жениться. Ну, не то чтобы собирался... Вы, мужики, редко по своей воле женитесь. Я вот помню...

– И вы в примерочной свадьбу справляли!

– Нет, не справляли. Не справляли! Он вообще не на мне собирался жениться! Мы вообще друг друга не знали. До сегодняшнего дня.

Эльдар шарахнул кулаком по стене.

– Все! С меня хватит. Я найду твоего Васю и ноги ему переломаю. Я ему...

– Ба, ты что ревнуешь? Эльдар, ты ревнуешь.

– Ни к кому я не ревную! Понятно? Тебе понятно?! Еще чего. Тебя что-ли ревную?

В гневе неревнивый Эльдар вышел из подсобки, чуть не вышибив дверь. Через 17 секунд, чуть не вырвав дверь с петель, он снова туда вошел.

– А телефон на футболке откуда?

– Это не моя футболка, понятно! Она у Ани, твоего ме-

неджера, из пакета выпала. Я подобрала. Что б обратно сложить. Ну и увидела. А тут ты ворвался.

– А сейчас мы узнаем, чей это номер и кому его оставили, – Эльдар вытащил телефон, – сейчас узнаем. Сейчас мы все узнаем! Все!

Он начал набирать номер.

– Давай, давай! -подзуживала «просто Аня».

– Сейчас, сейчас!

Раздались длинные гудки.

19

Толик попрыгал на одной ножке и получил огромное, ни с чем несравнимое удовольствие. Потом попрыгал на другой и получил удовольствие совсем-совсем преогромное. Во-первых, потому что попрыгал, во-вторых, потому что научился прыгать на другой ноге, в-третьих, он ни разу не попал на черточку. Так бы прыгал по квадратикам, и прыгал.

– Толик, перестань прыгать, упадешь.

Толик рассмеялся, решив, что мама шутит. Ведь он только что прыгал и не упал. В доказательство он попрыгал еще.

– Толик, здесь нельзя прыгать! В садике прыгай.

«Где в садике прыгать? Там нет квадратиков, – подумал Толик, – а здесь весь пол был в квадратиках, специально для прыжков.

– Дай руку.

Толику не хотелось отдавать свою руку. Их итак было всего две. Он пытался спрятать ее за спину. Но рука была схва-

чена. Только другая. Мама решительно двинулась в сторону магазина «Шарман». Толик с отчаяньем подумал, что его опять ни за что наказывают магазином. Уже три раза наказывали. В знак протеста он притворился мертвым и повис на маминой руке. Так он проехал четыре квадрата. Наконец мама устала волочить тело Толика.

– Хорошо, оставайся здесь. Я быстро. Никуда не уходи.

Мама скрылась в лесу из разноцветных тряпочек. Прошла вечность. Толик попрыгал. Но прыгать, когда не смотрит мама, было скучно. Залез на скамейку, посидел. Слез, постоял. Поковырялся в носу, приклеил козявку к сиденью. Подошел к перилам и попробовал посмотреть сквозь стеклянное ограждение на нижний этаж. Видно было мало. Толик не привык отступать перед трудностями. Он начал карабкаться на перила, пытаясь зацепиться ногой за крепление, которое держало стекло.

– Э, чувак, ты куда?!

Рука незнакомого дяди взяла Толика за шкурку и перенесла его с перил на скамейку.

– На лучше, поиграй. Бери, бери. Это – подарок.

Толик взял, что дают, не сказав «спасибо». Добрый дядя тут же исчез в толпе. Вот оно – счастье. Его можно повесить через плечо и носить. Толик взял счастье и повесил. Удовлетворенно погладил ремешок. Теперь у него есть сумка такая же, как у папы. С молнией. Это вам не простой мешок, с которым в детский сад ходят. В группе все обзавидуются,

когда он с новой сумкой придет. Особенно Ванька Лыков. О, боковой кармашек! Что тут в боковом кармашке? Монетка, билетик, еще один билетик и еще какая-то бумажка. Толик с волнением перешел к молнии. Засопел, сосредоточился, пустил соплю и со второй попытки открыл главное отделение на сумке. Внутри был настоящий клад. Целая россыпь потрясающих вещей. Толик выудил ключи на колечке. Их было раз, два, много. Один желтенький. Но сердце Толика забилося чаще не от ключей, а от красного, блестящего, почти нового, так удобно лежащего на ладошке БРЕЛКА! На брелке, под пластиком была картинка тети в одних трусах. Толик предпочел бы картинку с танчиком. Но и так сойдет. Затем из сумки была извлечена ручка. Такая желтая, с синим колпачком. Колпачок даже не искусан совсем. Толик тут же оставил на нем след своих зубов. На скамейке ручка не писала, а на ладошке писала. А потом и на скамейке записала. Толик нарисовал овал, на нем еще один овал, а к нему пририсовал черточку. Получился танчик. Удовлетворенный, Толик положил ручку обратно. Далее были найдены: клевая пуговица, металлическая, как у мамы на джинсах; таблетка (Толик ее сразу выкинул); тяжеленькая штука, которую папа называл свечкой; календарик с машиной, как у папы, только не совсем как у папы, а покрасившее; резиновый кругляшок, который, если растянуть, становится похож на сдутый, скользкий шарик. Шарик не надувался. Наверно, это для взрослых шарик, надо маму попросить надуть, когда

выйдет.

Дядя, который сделал Толику такой дедморозовский подарок, тоже взял кое-чего из сумки. Так ерунду всякую. Если б Толик узнал, чего лишился, то даже бы не расстроился. Совсем, практически ничего не взял себе дядя. Только тоненький конвертик с деньгами, да водительское удостоверение на имя Мизулькина Андрея Афанасьевича с правом вождения автомобиля ВАЗ 2105. Да и то, удостоверение потом выкинул, потому что ключей от машины в борсетке все равно не было. Только от квартиры были, а от машины не было.

Ключи были в кармане Мизулькина Андрея Афанасьевича. Он забыл их переложить в борсетку. Какой он все -таки забывчивый! Вот и сейчас стоит гражданин Мизулькин в обувном магазине и не может вспомнить, где он борсетку оставил. В смятении его душа. И в растерянности. Правда, она давно в смятении и в растерянности, еще до того как борсетка пропала.

С первых шагов по блестящему мраморному полу торгового центра поднялось смятение в душе Мизулькина. Ибо он возжелал. Возжелал он предмет не то чтобы недостойный, но и не совсем возвышенный. Короче, захотел он купить ботинки. Простое человеческое желание, литературе хорошо известное. Один герой Достоевского только об этом и мечтал. Чувствовал себя униженным и оскорбленным в ботинках с дыркой на подошве. Туфли Мизулькина были в гораздо более приличном состоянии. Малость стоптаны, каблук стер-

ся несколько криво, кожа кое-где потрескалась, но дырки не было. Герой Достоевского таким туфлям даже бы обрадовался. Хотя, наверно, и удивился прихотливому фасону. Мизулькин же решительно застеснялся своей обувью. При первом взгляде на витрину застеснялся. Взгляд его жадно шарил по полкам, завистливо цеплялся за ноги прохожих. Но «просто купить» ботинки оказалось совсем не просто. Андрей Афанасьевич считал себя человеком не только умелым, но и разумным. Решил он выбрать, что-нибудь скромное, недорогое, но надежное и практичное. Поэтому магазины «Феллини», «Пазолини», «Сорентино» пришлось пройти, не заглядывая внутрь. То, что стояло в витрине совершенно не соответствовало представлению Андрея Афанасьевича о скромности. Какая-то роскошь, запечатленная в коже – вот что это было, а не туфли. В следующей витрине ценники были поскромнее, однако все равно вызывали неприятие. Так Андрей Афанасьевич не стал покупателем и в магазине «Галопом по европам». Собравшись с духом, он все же решил провести разведку боем в лавке напротив. Продавец кинулся к нему с широкой улыбкой старого друга, что вызвало в душе покупателя Мизулькина смутные, но стойкие подозрения, что что-то не так. «Я сам. Сам. Я только посмотреть», – начал энергично отбиваться Мизулькин. Продавец обиженно ушел и стал наблюдать за покупателем с расстояния. 23 пары обуви смотрели на Мизулькина с одной стены и 35 с другой. К полкам были прикреплены небольшие баннеры, которые

призывали его оценить немецкое качество. Рядом с некоторыми туфлями висела бирка «настоящая резиновая подошва». Бирка заставляла задуматься. «Значит, есть и ненастоящая резина. Фальшивая. Надо быть на стороже», – это был сигнал тревоги. Пока еще слабый сигнал, еле различимый. После некоторых поисков более-менее адекватный ценник был обнаружен. На ценнике стояло какое-то несолидное бежевое изделие, все в дырочках, с острым носом. Расстройство какое-то. Такое даже в руки неприятно брать, не то, что на ноги надеть. Зато рядом стояли туфли просто загляденье. Подошва массивная, но не толстая. Носок не тупой, но и не острый. Элегантные, можно сказать, туфли, но не пижонские какие-нибудь там. Не лакированные какие-нибудь. И цвет подходящий, темно-коричневый. Носить такие можно и с джинсами, и с брюками. Очень важно, что с брюками. Потому как в департаменте культуры все ходят исключительно в брюках. Возможно и он, Мизулькин, сможет ходить в департамент. Как раз ему намекнули, что есть свободное место в отделе народных хоров. Место теплое, нагретое предшественником, с командировками в областной центр. Крутой поворот может случиться в карьере. Даже не поворот, а резкий взлет. Туфли при этом взлете очень быгодились. Без туфель в департаменте делать нечего. Мизулькин замер, разглядывая картины светлого будущего с туфлями «Гросс Мук». Вот, он, начальник отдела покачивает своей красиво обутой ногой в такт песне «Как на речке ЧухнЕ одинокий

уτες...» А вдруг его не возьмут в департамент? И куда он пойдет в своих новых туфлях без рубля в кармане? К родителям на огород? Не, надо что-то попроще поискать. Видя, что покупатель поставил товар на место, продавец презрительно отвернулся. Немного конфузясь потенциальный начальник отдела народных хоров покинул обувное заведение. «Зато я поступил как разумный человек. Не клюнул на их удочку. Сохранил деньги. Со мной их маркетинговые фокусы не пройдут», – голос разума пытался заглушить уязвленное самолюбие. Легкая рябь прошла по душе Андрея Афанасьевича, как по морю. Но не обратил внимания на эту рябь Андрей Афанасьевич и пустился в погоню за туфлями, словно Ясон за Золотым Руном. Не прошло и пяти минут, а на горизонте уже появилась гавань, где можно было раздобыть сокровище по сходной цене.

20

Костя Таракан сразу понял, что эта борсетка – его. Лох только носит ее до поры до времени. Носит и не знает, что она уже 3 минуты как Костина. Лох вцепился в борсетку так, что сразу стало видно – там деньги. Костя посмотрел в лицо лоху. Лицо светилось деньгами. Получкой, премией, подарком, – все равно. Костя знал этот взгляд. Рыскающий взгляд человека, мечтающего что-нибудь купить. Лох мечтал потратить деньги. Избавиться от них. Костя ему поможет. Лох подошел к витрине обувного магазина. Это хорошо. Он будет мерить всякие ботинки. Его неумелые, неловкие ручки бу-

дут заняты возней со шнурками, язычками, ложечками, они отставят борсетку в сторону. Лох будет пыхтеть, ковыряться в товаре, волноваться и на долю секунды забудет о борсетке. Всего на долю. Тогда умелые и ловкие руки Кости возьмут эту забытую вещь. Лох постоял и пошел дальше. Костя проводил его глазами. Потом медленно, с гримасой боли, широко расставляя ноги, подошел к витрине. «Шикарные шузы, чё этому лошаре не нравится?» Та же история повторилась у второго магазина, затем у третьего. У витрины четвертого магазина лошара помялся чуть дольше. И все равно не вошел. Костя занервничал. В чем дело? И тут до него дошло: лошара жмотится. «Сколько же у него денег, если ему не по зубам те шикарные шузы за 700 рублей, или те – за 450? С кем я связался? – с горечью подумал Костян, – с кем мне приходится работать! Какие мелкие люди! Жмот убогий!» Жмот как будто получил от Кости пинка и двинулся внутрь пятого магазина с обувью даже не взглянув на витрину. Там он шарахнулся от продавца, как от вооруженного налетчика. Затем стал робко изучать полки. Костя вошел в магазин и встал на исходную позицию. Наконец, лох наклонился, взял какую-то уродливую коричневую галошу, сунув борсетку в подмышку. Костя тоже взял с полки туфлю и подвинулся поближе. Лох застыл, Костя тоже. «Ну, давай же! Садись, примеривай! Это твой фасон», – мысленно подгонял трусливого покупателя Костя. Лох не подгонялся, уставился в туфлю, как будто увидел в ней что-то. Затем с сожалением поставил

ее на место и поплелся к выходу. Косте стало стыдно за своего клиента.

21

Первый же ценник в магазине «Нога человека» вернул Андрею Афанасьевичу Мизулькину бодрость и самоуважение. «Вот они – правильные цены. Я знал, что их найду». Андрей Афанасьевич начал уверенно чеканить шаг вдоль полок. В такт шагам в голове его зазвучало: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» Ликование росло от ботинка к ботинку. «Сейчас бы как лох потратил такие деньжищи. А тут я могу хоть две пары купить!» Вариантов было море. «Допустим, я возьму вот эти туфли... Правда, они черные, ну да ладно. И нос у них тупой, ну и плевать. Тогда к ним я могу прихватить сандалии. В них и на дачу можно, и, вообще, летом удобно... Так, а если я... – Мизулькин дернулся в другую сторону и схватил следующую пару туфель, – куплю эти подешевле? Они, правда, совсем уж к костюму не подходят. То есть в департамент в них не пойдешь. И видок у них не ахти. Зато в нашей грязи такие не жалко. И, главное, денег хватит еще на кроссовки. Я ж бегать хотел по утрам. Вот и начну». Кроссовки оказались дороже, чем предполагалось. Туфли в одной руке, кроссовки в другой. Человек разумный Мизулькин сосредоточенно взвешивал варианты. «Или в департамент в туфлях, или бегать в кроссовках. Может, здесь кеды есть? Они еще дешевле. Тогда и туфли для департамен-

та получитсяся взять». Всегда есть выход для человека с интеллектом.

– У вас кеды есть? – с надеждой спросил носитель интеллекта.

– Нету.

«Вот ведь, выбор жизненного пути зависит от такой мелкой вещи как ботинки», -с досадой рефлексировал про себя Мизулькин. В душе его снова стало беспокойно. Уже не рябь пошла по морю души его, а небольшие волны с белыми гребешками, как поэтично описывали морское волнение первой ступени мореходные кодексы 19 века. «Может, к черту этот департамент? Куплю кроссовки. Это и удобно и красиво. Буду спортивный, энергичный, дело свое открою... Стоп, если не брать туфли, тогда я, вообще, зимние ботинки могу купить!» Продавец раздраженно смотрел как покупатель, неровно поставил кроссовки на полку и шагнул к зимней обуви. В другой руке покупатель продолжал держать туфли.

– Если вам кеды нужны, то они в соседнем магазине. Там сейчас распродажа.

Новость о кедах совершенно логично толкнула Мизулькина к полке с туфлями. Первый вариант «черные под брюки» снова стал актуальным. Мысли о департаменте вернулись. Рядом с «черными тупорылыми» стояли «черные остроносые». Они были чуть подороже тупорылых. Зато прошиты основательно. И фасоном были похожи на те, совсем дорогие из «Гросс Мука». «Если плюнуть на сандалии, кроссовки и

кеды, то можно взять эти туфли. Все равно в выигрыше останусь!» – уговаривал себя Мизулькин. Его решимость достигла максимального градуса и вот-вот должна была перейти в фазу действия. Вдруг чья-то пухлая белая рука беспардонно схватила предмет душевных переживаний Андрея Афанасьевича, причем как раз его размер. Рука лениво вертела туфлю, показывая ее со всех сторон пухлой плешивой голове. Голова удовлетворенно закивала. Андрей Афанасьевич чуть не задохнулся от гнева, внешне оставаясь совершенно спокойным. «Это мои туфли! Я ж в них в департамент... Да я тебе... Да я не знаю, что с тобой сделаю...», – Андрей Афанасьевич действительно не знал, что можно сделать. Злобный конкурент прямо на глазах лишал его заветной вещи и ломал ему будущую карьеру! В душе Андрея Афанасьевича штормило. Но тут рядом с пухлой головой конкурента появилась другая. Тоже пухлая, но с шевелюрой насыщенного бордового цвета.

– Котик, ты же не хочешь это купить. Ты же не хочешь отдать наши деньги за эту ерунду из кожезаменителя. Они порвутся к следующему сезону. Я уж не говорю, что у тебя будут потеть ноги, вонять носки и я с тобой разведусь. Пошли отсюда.

Котик поставил туфлю на место. Такой поворот событий должен был обрадовать покупателя Мизулькина. Но не обрадовал. От его решимости купить эти туфли не осталось и следа.

Принц Гаутама воскликнул: «Весь мир – иллюзия!» Платон воскликнул: «Все вещи – это тени идей!» Мизулькин воскликнул: «Кожезаменитель! Это кожезаменитель!» Обрушившееся откровение оглушило Мизулькина, ослабило его члены, так что он присел на скамейку для примерки обуви. Но борсетку из подмышек не выпустил. Он смотрел на туфлю новыми глазами. Как будто пелена спала с его глаз. Он увидел, что туфля прошита не там где нужно, а там где не нужно. Так для чистого декору. «А подошва? Разве это настоящая резина? Фуффло это, а не резина. Фальшивка». Он смотрел на подошву брезгливо, как на вора, пойманного за руку. «И приклеена эта жалкая фальшивка небось какой-нибудь соплей разбавленной, а не клеим настоящим». Мизулькин огляделся по сторонам. Мир вокруг был тоже фальшив, как и туфля. Вот продавец делает вид, что ему все по барабану. Такой равнодушный весь из себя. А сам только и думает, как бы побольше своего барахла впарить. Вот чувак стоит в фирме весь. «Дурак! Не фирма на тебе, а фуффло! Туфли выбирает, лопух. Сейчас впарят тебе эту ерунду фальшивую. А ты и рад будешь. Лох». Мизулькин еще раз глянул на Костю Таракана с чувством подавляющего превосходства, и решил пойти кеды посмотреть.

Жмот вымотал Косте все нервы. Сначала покупательские страдания маленького лоха казались забавными. Он, то за-

стывал перед витриной с туфлей в руке, как витязь на распутье, то начинал метаться от полки к полке. Муки выбора проступали на его лице красными пятнами. Пот тек холодными ручьями за шиворот. Пару раз до Кости доносилось какое-то нечленораздельное бормотание. Однако спектакль затягивался – лох все не садился мерить обувь и продолжал крепко прижимать борсетку к своим тщедушным ребрам. Костя устал следить за дерганной фигурой, устал быть все время на чеку. «Лучше бы я ту тетку выбрал, вон она уже у кассы стоит, деньги достает из сумочки. Блин, нормальные деньги. Мне бы хватило». Но вот клиент рухнул на скамейку. Наступил переломный момент. Костя собрался с силами. Но момент оказался совсем не переломный, а обломный. Не туфлями был занят клиент. Он дико озирался по сторонам, а потом и вовсе уставился на самого Костяна. Костя от неожиданности смутился и вышел из магазина. Лох за ним.

Костя заметил преследователя в отражении витрины. Всего пять минут назад он, Костя Таракан, был безжалостным хищником, идущим по следу своей жертвы, таким волком, нет, тигром, который смотрит из засады, и думает, с какой части антилопы лучше начать обед. А теперь обед сам бросился в атаку. Хладнокровный профессионал непроизвольно запаниковал: «Неужели он меня засек? Точно засек! Как он меня засек? Где я прокололся? Морду бить будет? А чё я такова сделал? Я ничё такова не сделал. За чё мне в морду-та?» Но клиент не слышал этих резонных вопросов и

упрямо шагал за Костей. «Надо оторваться», – подумал Костя, и пошел быстрее. Лох не отставал. Костя резко поворачивал то налево, то направо, но хвост сбросить не удалось. «Да, чё я сделал-то!? – возмутился вор с еще незапятнанной совестью, – где этот самый, как там его, состав преступления?» Он остановился, придал лицу наисуровейшее выражение и повернулся навстречу преследователю. Возбужденный лох шел прямо на него.

22,5

Лох шел прямо на него.

22,65

Есть люди, которые за словом в карман не лезут. Костя Таракан был не такой. Он всегда лез за словом в карман. Вот и сейчас он полез и вытащил из кармана несколько слов. Вытащил. Сдунул с них крошки табака, песок, остатки салфетки. «Ну, в чем дело, братан!» – такие слова вытащил Костян. Лох шел прямо на него. Костя взял слова наизготовку.

Лох шел, шел, шел и... прошел мимо. Магазин «Вселенная обуви» поглотил маленького космонавта потребления. «Не смешно», – выдохнул Костя и уныло, без былого энтузиазма поплелся за клиентом.

23

Ясон прибывает в древнюю Колхиду, местные жители гурьбой набрасываются на него, каждый со своим руном, в разной степени позолоченным. У кого-то руно облезло, у ко-

го-то вместо позолоты желтая краска, у кого-то с позолотой все нормально, но в нагрузку толстая дочка с усами. Ясон в шоке и хочет домой. Что-то подобное испытал Андрей Афанасьевич, когда бороздил просторы «Вселенной обуви». Низость цен первое время грела его душу, не желавшую платить дань материальной роскоши. После откровения с кожезамениателем Андрей Афанасьевич решил сконцентрироваться не на качестве, а на эстетике. Выбор был широк и необъятен. Но что странно – доминирующим стилем в магазине дешевой обуви было разнузданное барокко. Дизайнеры смело использовали золотистые, серебристые, кислотные цвета, умудрялись на одной кроссовке уместить всю палитру красок. Фасоны поражали воображение. Остроносые туфли были настолько остроносы, что ими можно было заколоть человека. Покрой был прихотлив и состоял из такого огромного количества лоскутов, что швы покрывали всю площадь. Только Андрей Афанасьевич соглашался с носком туфли, как пятка шокировала его леопардовой раскраской. Только он одобрял верх обувного изделия, как тут же обнаруживал подошву в виде копыта, или гусеницы трактора, или просто в виде гусеницы. Через полчаса безуспешных поисков обувного идеала, горькое откровение №2 поразило покупателя и человека Андрея Афанасьевича Мизулькина: «На этом свете идеала нет. У любой вещи есть как достоинства, так и недостатки. Нельзя сделать идеальный выбор». За откровением №2, как гром за молнией, грянуло откровение

№3: «А кедров тоже нет!»

Откровения никак не помогли Андрею Афанасьевичу разрешить ситуацию. Это его тоже удивило, потому как в литературе героям всегда ясно, что делать после откровений. А теперь вообще не понятно, что делать. Что купить? Как быть с ботинками, с департаментом? Может, в департаменте тоже поджидают какие-то неприятности? Андрей Афанасьевич мысленно плюнул на загадки бытия и вытащил первую попавшуюся обувную коробку из стопки своего размера. Открыл и сильно удивился.

В коробке лежали старые, изношенные кеды.

Изношенные, но явно какие-то фирменные. На язычке рисовался полу-стершийся лейбл «...verse». «Версаче», – осенило Андрея Афанасьевича. Он и так много думал в последнее время, а теперь пришлось думать еще больше. «Громко позвать продавца? Тихо положить все обратно? Что все это значит? Что значит, что значит, а вот что значит – кто-то взял новую пару обуви и положил старую!» Тревога задрезжала в душе его, затем страх вынырнул, как гопник из подворотни. «Что так сердце, что так сердце растревожилось?» – вопросительно пропел про себя Мизулькин. И тут же понял из за чего оно растревожилось. Тревога и страх были ответом на дерзкую, преступную мысль, которая только сейчас пробилась на уровень официального сознания: «Может, мне тоже так ботинками поменаться? Чем я хуже? Смелость города берет, не то, что туфли!» Доселе добропорядоч-

ный человек воровато оглянулся. Кассир что-то выстукивал на своем аппарате. Один продавец пытался собрать с пола три коробки, другой препирался с покупателем. «Ну, что – слабо? Тварь ли я дрожащая или право имею? Смогу ли я переступить или не смогу? Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет?» – спрашивал себя новоявленный Раскольников. «Смогу и осмелюсь!» – отвечал он сам себе. «Что ж украсть? Может эти? – Нет, они совсем мне не подходят. – Может тогда эти, зеленые? – Нет, они слишком заметные? Елки-палки, даже украсть нечего! Да, бери что придется, какая разница!» Он осторожно, стараясь не привлекать внимание, положил коробку со старыми кедами на место и взял соседнюю. Путь до скамейки тянулся вечность. Хотя Андрей Афанасьевич решительно не считал себя «дрожащей тварью», руки его дрожали. Руки его еще и потели, так что коробка долго не хотела открываться. Потом долго не хотели надеваться какие-то уродливые кроссовки. Борсетка была поставлена на колени, но там она мешала наклоняться. Затем она и вовсе рухнула на пол. Андрей Афанасьевич чертыхнулся и со злостью шарахнул свою собственность рядом об скамейку. После долгих мучений кроссовки заняли свое место на ногах вставшего на путь воровства гражданина Мизулькина. На этом скользком пути ему предстояло преодолеть всего 6 метров 45 сантиметров. Ноги были ватные, еле передвигались. Чугунными гирями висели на этих ногах краденные кроссовки. Волны страха накатывали одна за одной, и чем

ближе был выход, тем больше были волны. Он не мог смотреть в глаза людям, боясь, что его собственные выдадут в нем вора. Вдруг раздался резкий звонок, лампочка на воротах загорелась, и охранник шагнул вперед. Мизулькин превратился в столб и не смог даже подумать: «Все, попал!» – потому что мозг тоже замер. Охранник подошел к рыжей женщине и попросил открыть пакет. Мозг Мизулькина оттаял, дал команду «полный назад». По дороге Мизулькин вспомнил о серых пластиковых кругляшках на кроссовках, из за которых они так трудно надевались.

24

Костян не верил своим глазам: лох нацепил кроссовки и пытался в них слинять из магазина! Лох решил стать вором! «Кто ты такой?! Кто!» – презрительно думал вор со стажем про жалкого любителя. «Ты думаешь это так легко – взял и пошел? А тренировки? А опыт? Где они у тебя?» – продолжал мысленно читать нотации Таракан. «Где честный, прямой взгляд? Где легкая, свободная походка? Где, наконец, полет души?» Жалкая фигура всем своим видом показывала, что ничего из перечисленного у нее не было: ни полета, ни походки, ни взгляда, ни опыта. Только уродливые кроссовки. «Ёшкин кот!» – вдруг вздрогнул Костян. Это шоу невиданной глупости так заорожило его, что он даже не сразу заметил отсутствие заветной борсетки у этого идиота. Лавируя и толкаясь, он ринулся к примерочной скамейке, пытаясь опередить лоха. Борсетки не было. Таракан был раздав-

лен. Лысая фортуна села на него своим мраморным древнеримским задом и не заметила. Он вспомнил историю Кольки-декабриста. Однажды Колька на вокзале сработал у одного доцента чемодан. Чемодан был тяжеленный. На пустыре за депо Колька проверил содержимое. А там тыщи и тыщи рублей. Чемодан был до краев забит родными советскими купюрами. От счастья Колька ушел в запой. Когда вышел, оказалось, что в стране прошла денежная реформа. Кто не успел поменять деньги, тот не успел. Все сбережения сгорели. Он поскандалил в банке и его избили менты. Тогда он пошел в сарай и повесился. А веревка оказалась гнилая, он остался жив, только со шрамом на шее. Он попробовал еще раз, но на этот раз рухнула балка под крышей. Заработал второй шрам. Потом ему чуть голову соседи не проломали, когда узнали, что он крышу сломал. Тут Колька с ума и сошел. Вот такую историю рассказывали у Таракана в бараке.

Со злости Таракан снес стопку обувных коробок. Тут же испугался и начал их собирать. Под скамейкой валялась борсетка. Он угрюмо выудил ее и пошел прочь. Без всякого чувства удовлетворения и победы.

24,5

Мизулькин вернулся к примерочной скамейке с видом Раскольниковова, у которого старуха-процентщица отняла топор, затем набила морду и спустила с лестницы. Среди кем-то раскиданных коробок стояли его старые, корявые, скособоленные, вонючие, задрипанные туфли. Никто их не тро-

нул. Никому они не нужны. Он брезгливо отвел от их взгляд и основательно рассмотрел кроссовки на ногах. «Что ж, не можешь украсть, придется купить», – он потянулся за борсеткой... Тю-тю. Тянуться было не за чем. Мощный симфонический оркестр громко заиграл тему горя и несправедливости в душе Андрея Афанасьевича, как в старых советских фильмах. Под эту музыку бушевало гневное море, вздымались огромные волны, они бросали из стороны в сторону утлый челн, в котором сидел маленький Андрей Афанасьевич. Через полторы минуты буря в душе улеглась, музыка затихла. «Нет денег, нет проблем», – пыталась подбодрить себя жертва воровства, – теперь не надо ничего выбирать, мучиться. Но эти жалкие доводы казались неубедительными. Вдруг Мизулькин встал, начал нервно рыться в коробках. Затем, найдя нужную коробку, зло ухмыльнулся, извлек из нее старые кеды, которые соблазнили его на воровство, не спеша надел их и медленно, уверенно вышел из магазина. Злая ухмылка так и не сошла с его лица.

Глава 2

1

Уже 6 минут как Феликс Эдмундович пытался переложить проблемы со своей больной головы на чью-нибудь здоровую. С головы секретарши проблемы сваливались, как кубики с мячика. Она только хлопала глазами и теребила пуговицу на груди, рассчитывая умиротворить сердитого шефа видом своего декольте, и тут же сомневаясь в этом манев-

ре. Феликс Эдмундович нетерпеливо названивал своему заму по общим вопросам, но тот нагло не откликнулся. Не дождавшись ни кофе, ни ответа, директор решил похмелиться. Не тут-то было. По очереди, во всех кафе ему было вежливо сказано, что алкоголя не держат – предписание начальства. На входе ресторана «В мире животных» висела жизне-радостная вывеска: «Открытие через неделю!»

Мутило. Блики солнца играли на стальных перилах и стеклянных витринах. Весело щебетали продавщицы. Суетливо мелькали пестрые пакеты с покупателями. Карпузы в нарядных костюмчиках сосредоточенно переставляли лапки под надзором важных мамаш. Красотки в шубах призывно улыбались и игриво выставляли голые коленки на рекламных плакатах. В воздухе стоял возбужденный галдеж. С болью и отвращением шел Феликс Эдмундович сквозь этот муравейник, который он сам и создал. Он осторожно нес свою измученную голову к супермаркету со спасительными крепкими напитками.

Тем временем зам по общим вопросам безмятежно стоял у окна в живописной позе Геркулеса, отдыхающего после подвигов. Легкий ветерок шевелил его поредевшие волосы и трусы в клеточку. Ничто не могло нарушить этот покой, тем более звонки от начальства. Телефон «Воторолла» благополучно улетел вместе со штанами во время операции по спасению охранника. Менеджер Анна еще не принесла их, и Антон Петрович еще не вспомнил, что у него есть телефон,

и еще не узнал, что телефон разбит вдребезги. Вдруг что-то зашипело, запищало, задрезбужало. Какой-то шершавый, неразборчивый голос начал занудно повторять:

– Это пост номер ... пост ... мер ... мь. Это ... ост номер ... семь. Прием, ... йом. Прием. ... троныч, ты хде? Патроныч, Патро... ты хде? Прием. У нас, ... дь, ЧеПэ. Прием. Пррием!

Патроныч вспомнил о рации и с раздражением потащился в ее сторону. Из рации продолжал доноситься шум вперемешку с матом:

– ... лядь, да хде этотго ... ыча носит?

– Я те дам хрыча! Я тя удавлю и уволю, к матерям, – дотянулся до трубки Патроныч. – Чё случилось? – тут он ругнулся еще раз и нажал переключатель, – чё случилось, я говорю?

– Патроныч, этот ты? Прием.

– А кто же по-твоему, баран, ты, тупоголовый? Прием.

– Кто? Не слышу! Кто? Прием.

– Я это, Я! – не стал острить про коня в пальто Патроныч.

– Это ты, Патроныч? Прием.

– Я. Я! – и Патроныч еще раз громко удивился отсутствию логики у коллеги, используя неуставную лексику.

– Ааа, Патроныч, это ты. Патроныч, ты где? Прием.

– Я на... Да какое тебе дело, где я?

– Где, где? Прием.

– Где надо!

– Где!

– Пасть заткни и говори, что случилось!– заревел взбешенный Патроныч. Приказ был противоречив, но, как ни странно, доходчив.

– У нас гад один продукты жрет прямо в магазине! Не расплатившись!

– Что делает! – переспросил Патроныч.

– Продукты жрет! Уже пузырь коньяка выхлебал, теперь с колбасой бегают.

– Задержите! Чего ждете. Прием. Ответ утонул в потоке шума.

– Всё самому, всё самому.

Зам по общим вопросам пошел к двери, но не дошел и выругал сам себя: «А, в душу, мать и в печенки, куды ты рванул, без штанов, старый хрен!»

Небрежно, практически не глядя, Феликс Эдмундович сгрэб с полки первую попавшуюся бутылку и пошел к кассе. В выборе товара он был полной противоположностью покупателя Мизулькина. Не метался по магазину, как муха по комнате, а шел к цели прямо, как носорог на водопой. Тратить время на раздумья и сомнения было не в его натуре. В прочем, нельзя сказать, что Феликс Эдмундович взял бутылку совсем уж без разбора. Хватательный рефлекс сработал только у стеллажа с престижными этикетками. Он бы взял бутылку с самой верхней полки, как всегда и делал, но в этот раз это было выше его сил. В его руке оказался коньяк «Багратион» вместо обычного «Наполеона». Этикетка гласи-

ла, что характер коньяка – пылкий, вкус – бодрящий, цвет – благородного дуба, и, что сам Багратион пил только его. Но для измученного жаждой это были лишние подробности. По дороге к кассе Феликс Эдмундович залез свободной рукой в карман. В кармане было пусто. Он залез в другой – тот же результат. Он обшарил все складки одежды, но денег не прибавилось. Вся наличность осталась во вчерашних брюках, но и оттуда она давно перекочевала в закрома жены, Кристины Анатольевны. Неожиданный облом усилил боль. Хозяин «Нового света» оглянулся по сторонам сначала сконфуженно, а затем удивленно. Он окинул эти горы товаров, километры полок, полки покупателей: «Зачем мне все это? Зачем мне все это, если я похмелиться не могу? Зачем мне все это, если в моей родной голове так скверно? Зачем? Правильно ли я живу?!» Отработанным движением он отвинтил крышку и в три глотка ополовинил бутылку. «Багратион» бросился в атаку. Феликс Эдмундович прислушался к организму. Борьба внутри шла не шуточная: боль то отступала, то шла в контратаку. Наконец, «Багратион» начал побеждать. Феликс Эдмундович удовлетворенно посмотрел на бутылку и просветленно подумал: «Много ли человеку нужно!»

Родные штаны, с пузырями на коленках, с дыркой в правом кармане, снова облекали ноги Антона Петровича Мотыля. Ноги несли его в сторону универсама. Лицо его, как обычно, выражало угрюмую озабоченность или озабоченную угрюмость. Но эта угрюмость была лишь вершиной айс-

берга. По правде, Антон Петрович был в высшей степени раздосадован и раздражен. В его левом кармане лежало то, что осталось от телефона «Воторола». Мало того, что он, солидный во всех отношениях человек, попал в какую-то глупую ситуацию, так еще и без телефона остался. Телефон стоил огромных денег. Правда, не самому Патронычу, а его зятю. Подаренный был телефон. Он возвышал Антон Петровича над остальными людьми. А теперь не возвышает. Он был как аппарат правительственной связи у министра, а теперь этот аппарат отняли. Девчонка, когда принесла брюки, пыталась говорить что-то о потерявшейся звезде, но Патроныч только отмахнулся в бешенстве. «Щас убью кого-нибудь!» – с такими негуманными мыслями он вошел в «Муравейник».

– Ну, что, лоботрясы, поймали?!

Не успел подскочивший к нему охранник ответить, как вместо ответа перед ними пронеслась дикая кавалькада. Впереди с воплями скакал гражданин расхристанной, пьяной наружности, хватал с полок товар и бросал его в разные стороны, за ним молча бежали люди в форме. Один из охранников повернулся и на бегу помахал Патронычу рукой.

«Много ли человеку нужно?!» Просветление не отпустило Феликса Эдмундовича. «Нет, не много. Можно и поделиться». Он поймал первого попавшегося прохожего за шкурку и с широкой улыбкой вручил тому бутылку с эликсиром. Затем неловко обнял испуганную личность и удалился. Удалился

медленно, с чувством собственного достоинства, как солидный добропорядочный гражданин. Хотелось спать.

Погоня добежала до конца магазина, завернула за другой ряд полок и понеслась в обратном направлении. Патроныч пошел наперерез. Нарушитель заметил маневр, схватил на бегу товары народного потребления и начал ими швыряться в смельчака. От пачки печенья «Селянка», на которой была изображена глубокодекольтированная особа в кокошнике, что по замыслу рекламщиков должно разбудить во взрослых потребителях сексуальные и патриотические инстинкты, а в детях – тягу к материнской груди, так вот, от этой пачки печенья Патроныч увернулся. Хотя она и летела совершенно в другую сторону. Так же мимо пролетели мармеладки «Ко-ко», бисквиты «Прямо в рот!» и, слава богу, банка сгущенки «Коровья нежность» из цельного молока, а не какого-то там сухого. Но не пролетела мимо Патроныча упаковка сахара-песка 450 грамм без названия от Карачаровского сахарозавода. Ну, кто так упаковки делает! Лопнула упаковка моментально от соприкосновения с головой заместителя главного директора торгового центра по общим вопросам. Слегка оглушенный и порядочно ослепленный зам замешкался и стал совсем легкой мишенью. Сливовое варенье «От бабки Изольды», джем из крыжовника «Мелиховский огород» попали точно в цель. А потом на пол. И уж совсем в упор был произведен бросок мукой крупного помола в мешке весом 2 кг брутто мукомольного завода №2 г. Суш-

ки. Патроныч был повержен. Злодей перепрыгнул через него и унесся в даль. На толстом слое из муки и варенья остался отчетливый след обуви. Охранники окружили поверженного командира.

– Это кеды.

– Не, это кроссовки.

– Не, кеды.

– Точно говорю – кроссовки.

А в это время в мебельном магазине «Мягкое место» в дальнем, редко посещаемом углу мирно спал Феликс Эдмундович Буряк.

2

Человек несся легко, как ангел отталкиваясь от грешной земли. А ведь всего каких-то полчаса назад он, как демон Врубеля, сидел на унитазе, подавив в себе брезгливость перед антисанитарными условиями. Он сидел на унитазе и с тоской думал левым полушарием о своей горькой доле: «Вот и все, что тебе уготовано судьбой, Горюхин – грязный сортир. Не будет в твоей жизни ни алмазов, ни миллионов в лотерею. Удача, если до сортира вовремя добежишь. Вот твое бинго». А в правом полушарии повторялась строчка из песни Льва Лещенко «...полная надежд людских дорогаааа», как будто пластинка заела. Ненадолго от мрачных мыслей его отвлек какой-то идиот, который искал в этом сугубо мужском сортире какую-то Курицыну. «Как нелепа жизнь!» – вздохнул неудавшийся миллионер.

Но сейчас Василий Горюхин чувствовал себя другим человеком. Веселым и отчаянным, как Степан Разин или как Сергей Есенин. Коньяк кипел в его груди. «Кипелов» пел: «Все впереди!» Побойще в бакалейном отделе Муравейника воодушевило его и вдохновило его. Он бежал и на лету сочинял бессмертные строки, которые все объяснят его невесте, а потом останутся в памяти потомков.

«Меня в тюрьму посадят,

Но ты меня не жди,

Когда дожди зарядят,

Когда умрут вожди.

Когда метель и вьюга,

Получка, Новый Год

Не жди меня, подруга.

Я зек и обормот!»

Он торопился. Надо было успеть, пока не испарились пары «Багратиона». Как только горючее кончится, он смалодушничает и не сможет объясниться с невестой. «Нам надо расстаться. Кто я такой? Без пяти минут зек. Я не хочу портить тебе жизнь. Ты найдешь другого, более достойного!» И тут он зачитает свои стихи.

Мысль, что тюрьма спасет его, пришла ему в голову во время шестого глотка коньяка и первого куска колбасы. Он аж остановился и перестал жевать. Его посадят, и не нужны будут колечки с алмазами, стол с шампанским, не будет позора, когда вскрыется, что у него нет денег. Не будет невесты,

перед которой придется сгореть от стыда. Ничего не будет. Катастрофа погребала под собой все проблемы. Его охватил такой мрачный восторг, что он перестал прятать коньяк и колбасу. Картины из жизни на зоне не появлялись ни в правом, ни в левом полушарии мозга Василия Горюхина. Он видел себя сразу выходящим за ворота исправительного заведения. Суровое обветренное лицо, трехдневная щетина, поднятый воротник и чувство свободы. Вот таким скупым контурным рисунком рисовалось ему будущее.

Игривое настроение не оставляло будущего зека во время бега. Он стучал прохожих по левому плечу и огибал их справа, когда они поворачивались. А следующих стучал справа, а огибал слева. Он остановил свой бег только два раза. Первый раз, когда спрашивал, где найти салон свадебных платьев, второй – когда увидел детский тир, где надо было попасть мячиком в игрушку. Великовозрастный детина, дыша перегаром, взял снаряды у какого-то сопливого индейца в очках и, не обращая внимания на его рев, выбил первым же ударом зайца с верхней полки. – Давай сюда трофей! Испуганный менеджер дал ему вместо зайца картонную маску, но тоже зайца. Следующий мяч Горюхин запустил в картонный силуэт Микки Рурка в кожаной куртке, стоявший рядом со входом в магазин верхней одежды. Издав победный вопль и потрясая кулаком, словно он только что завоевал медаль на олимпийских играх, Горюхин двинулся дальше.

Дальнейший путь он проделал в маске зайца, чем сильно

запомнился всем встречным.

К этому моменту невеста примерила 7 платьев, причем одно с болеро. Два раза она примеривала платья №5 и №1. В четвертое платье она наряжалась четыре раза. Оно было отвешено в сторону, как главный претендент на украшение ее тела. Невеста в третий раз разглядывала платье №2, когда услышала шум и пьяный голос, зовущий ее по имени. Затем раздались возмущенные женские визги и вопли, которые волной шли по кабинкам. Пьяный голос три раза произнес: «Пардон, мадам! Мое поведение не достойно офицера». Невеста переглянулась с подругой, вспыхнула, но из кабинки не вышла. Шум и пьяный голос приближался. Невеста перестала разглаживать подол платья и замерла. Как ни готова она была ко вторжению, но заячья морда потрясла ее так же как и других. Может даже больше. Она завизжала.

– Люда, это я! – хотел сказать Горюхин, но не успел.

– Пошел вон отсюда! Пьянь! Чье это!? – дородная невеста из первой кабинки успела оправиться от потрясения. Белой глыбой она выплыла в коридор, готовая протаранить незваного гостя, как айсберг пароход «Титаник». С боку к ней была прицеплена какая-то тетя, которая пыталась застегнуть молнию на ее корсете.

– Тут, понимаешь, платья не налезают, так еще и грызуны какие-то шастают! Щас я уши-то пообрываю! – и невеста потянула к Горюхину свои крепкие пухлые руки по локоть в белом атласе. – Но-но, гражданка, только без рук, – увер-

нулся от захвата будущей зек.

Из кабинок выплыли еще две невесты, и во взгляде их не было нежности. Женщина-айсберг наступала, пытаясь вытеснить пришельца из примерочных.

– Вот что, курицы, – распетушился жених-расстрига, – а ну ка, освободите помещение, мне поговорить надо. Ну, быстрее, а то перья повыщи...

Не успел он закончить угрозу, как кулак большой невесты все же дотянулся до его заячьей головы. Недооценил Горюхин куриц. Головокружение от успехов случилось у него после победы над охраной универсама. Вторая курица изподтишка пихнула его в бок, третья вцепилась в куртку.

– Ну, все! Вы разбудили во мне зверя! Маньяка серийного во мне разбудили вы! Сейчас я устрою кровавые жертвы! Сейчас прольется чья-то кровь литрами! – все это победитель охранников кричал уже лежа на полу, брыкаясь и уворачиваясь от каблуков.

Вдруг в его руке оказался кусок какой-то нежной прозрачной ткани. Раздался нечеловеческий вопль одной из невест. У Горюхина все похолодело внутри. Страх за свою никчемную жизнь охватил его. Никогда еще он не был так близок к смерти.

Разъяренные фурии наносили разбуженному маньяку физические и душевные травмы до самого выхода из салона. Затем они вернулись к своим зеркалам, поправляя платья. Люды с подругой к этому моменту в кабинке уже не было.

На него снова никто не обращал внимания. Маску он выкинул, коньяк выветрился сам, оставив на память тупую головную боль. Остальное тело болело от ушибов. Горюхин пытался обдумать свое новое положение, но ничего не получалось. Официального предложения невесте расстаться он так и не сделал, в тюрьму не сел – положение более чем неопределенное. Как жить дальше – неизвестно.

3

Она все равно в кино хотела сходить. «Ну а чо? Чо, из за этова маньяка и в кино нельзя сходить? Все равно он не мой, а Лизкин. Если не в кино, то чо делать-то?» Вика смотрела на Леонардо ДиКаприо, а Леонардо ДиКаприо неотрывно смотрел на Вику. Не спускал с нее глаз, даже когда она отходила в сторону от афиши. Она представила себе сцену: где-то в каком-то международном аэропорту она стоит такая на самолеты смотрит, или кофе пьет, или по эскалатору плывет. В таком плаще бежевом, с поясом, воротником широким таким. И тут встречается глазами с ДиКаприо. Он такой тоже куда-то спешит, но не может взгляд от нее оторвать. И они такие стоят, едут, кофе пьют и смотрят друг на друга. Да, Леонардо ДиКаприо покруче будет Стаса Атасова. Вика решительно пошла к кассе. ДиКаприо смотрел ей вслед.

В левой очереди стояло пять человек, в правой – три. Вика встала в правую.

– Эй, на, вы чё тупите там , тормоза. Я кому очередь занимал?– загундосила бритая прыщавая голова, стоявшая в

одном человеке от кассы. Тут же викина очередь стала больше раза в два. «Школота наглая!» – подумала возмущенная Вика и перешла в левую очередь.

За спиной раздалось какое-то шмыганье, потом покашливание, потом что-то нечленораздельное, потом членораздельное

– Вы последняя?

– Да, – Вика даже не повернулась, потому что от человека разило перегаром.

– Как киноман со стажем советую пойти...

Она раздумывала, куда посоветовать пойти киноману, когда услышала такую новость...

Она услышала такую новость, что забыла и о киномане с перегаром, и о кино с ДиКаприо, и о самом ДиКаприо. Чуткое викино ухо уловило отдельные слова из разговора кас-сирш: «шухер», «маньяк», «свадебные платья», «невесты», «убьет», «заяц», «нет», «кролик», «ваще».

Она ринулась из очереди. В спину ей летело:

– Ну, вы что? Да ладно вам, Я пошутил. Я больше не буду.

Слова примирения не подействовали. Горюхин вздохнул и подумал про себя: «Да, с девушками, у тебя, Вася, как с деньгами... не очень».

4

Вика снова искала Лизу, а Лиза искала смысл жизни. Обоих ждало фиаско.

Вика собрала волосы в хвост, сняла пальто, надела солнцезащитные очки – в общем, изменила свою внешность до неузнаваемости и осторожно, с боку заглянула через витрину внутрь лизкиного магазина. Мегеры, которую Лизка называла Светланой Михайловной, в зоне видимости не было. Курицыной, впрочем, тоже. В проем двери входила широкая спина, точнее не входила, а ее втаскивал на буксире рвущийся к игрушкам детеныш. Он, как бурлак, тянул руку отца, наклонившись от натуги на 45 градусов к земле. Под прикрытием широкой спины Вика проникла в магазин.

– Что ты все шастаешь сюда? Тебе здесь медом намазано? Игрушку любимую забыла? – знакомый до противности голос заставил Вику замереть и, даже, потерять дар речи, что ей было не свойственно с момента рождения. Мегера была раскалена от бешенства, так что от нее можно было прикуривать. Но Вика не курила.

– К Лизке пришла? Нету Лизки. Смылась. Кто работать будет? Может, ты за нее поработаешь? А? Куда же ты побежала! Поколение дебилов.

«Смысл жизни» – ларек и очаг эзотерической культуры затесался между цветочным и рыболовным магазинами. Портал в трансцендентные миры украшала связка китайских, тибетских (все равно китайских), японских (все равно китайских), индийских (все равно китайских) колокольчиков. Рядом висели два самодельных бумажных фонарика из выкровок журнала «Юный сантехник». На открытой две-

ри была приклеена фотография Митхуна Чакраборти в халате и полотенце с точкой во лбу и сложенными в индийском приветствии руками. По периметру располагались вырезки из журналов: две фотографии статуй Будды, кадр из фильма «Индиана Джонс и храм судьбы», девушка из рекламы чая «Липсон», фото слона из Московского Цирка, стоящего на задних лапах... «Это, между прочим, Ганеша – бог и символ душевного благополучия. Объясняю для непонятливых», – говорила содержательница оккультного притона Надежда Алилуевна. После слона шла фотография танцора Махмуда Эсанбаева. За его спиной спрятались еще два танцора и выставили руки. «Это Шива. У него еще есть ожерелье из черепов и змея на шее», – таинственно отвечала Надежда Алилуевна, когда ее спрашивали. Но чаще ее не спрашивали. Вообще-то, ни разу не спрашивали. Было еще несколько картинок, несущих глубокие смыслы, но открывать эти смыслы простым смертным покупателям было опасно. Сам закуток был очень мал, так что хозяйке приходилось уже несколько раз оправдываться перед посетителями и шутить что-то про пятое измерение. Витрина была забита магическими предметами разной силы и цены, трактатами глубокими и просто бездонными. Противоположная стена была завешена изречениями и заклинаниями на иврите, санскрите, разрисована китайскими, японскими иероглифами и даже клинописью и северными рунами. Посреди этой герметической мудрости висел календарь, 12 страниц – 12 месяцев. Сейчас на

его развороте синела бескрайняя тайга, а на переднем плане стоял турист с рюкзаком и гитарой. Под картинкой подпись: «Кто-то ждет счастье, кто-то постоянно ищет, а кто-то его имеет». Дауд аль Филфак. Рядом, шариковой ручкой был сделан комментарий: «А кто-то вечно пи...дит о нем с мудрым видом». Лиза заглянула на следующую страницу. «Счастье заключается не в обладании, а – в храме великого лотоса». Джедай Кришнамуртри. Иллюстрировала эту мудрость Аленушка, медитирующая у пруда на кувшинку в картине Васнецова. «Да, верно. Еще мама говорила, что когда в доме козел, то хоть топись» – подумала Лиза и перелистнула еще страницу. «Счастье – это не конечная станция, а вид из теплушки в поезде на Магадан». В. Лихоборов-Страдальский. (писатель). Лизе стало интересно. Она открепила календарь и посмотрела, о чем писалось в начале года. Январские заснеженные елочки украшала мудрость «Счастье? Нет ничего проще! Заработай три миллиарда и потрать их на горнолыжном курорте в Шимони!» подпись Р. Т Бёрч-Рокфеллер мл. Под елочками стоял улыбающийся во всю пасть лыжник. Над елочками Альпы. Февраль отвечал январю сентенцией Шри Аурговинда Боша: « Счастье не в обретении, а в изменении». Сверху стоп-кадр из знакомого фильма – джентельмен в цилиндре и в черных очках широко открыл рот, в котором выросли два клыка. С клыков стекает кровь. Рядом без сознания рыжеволосая леди с двумя дырками в шее. На ее лице угасала улыбка. Лиза немного задержалась, разгля-

дывая драматичную сцену. Судя по улыбке, счастливо изменилась именно леди. «А я знаю это кино, это, как там его... блин, а...» Мартовскую мудрость, гласившую, что счастье в забвении Лиза просмотрела равнодушно. Апрель был жизнеутверждающим: «Человек счастлив, ровно на столько, насколько решил быть счастливым». Бил Клинтон. Президент США. На картинке улыбался сам Бил Клинтон. Одновременно он обнимал юную щекастую избирательницу с алыми накрашенными губами. Следующий месяц : «Счастье не где-то там, а где-то тут! Жилищная лотерея города Карабашиинска». Пока Лиза знакомилась с остальными рецептами счастья, Надежда Алилуевна горячо спорила со случайным прохожим, неосторожно заглянувшим на огонек.

– Суеверия дремучие, говорите. Преданья старины глубокой, говорите? А что это, по-вашему? – она тыкала в вымпел с головой Ильича, и надписью «ударник труда». – Что?

И, не дожидаясь ответа от давно заткнувшегося оппонента, продолжила сама. – Серп и молот! Молот – эмблема пролетариата. Как бы не так! Это древний атрибут бога-громовержца Тора. Журнал «Наука и Жизнь» пишет, между прочим. Я ничего от себя не сочиняю. Прочитайте, прочитайте статью ученого Вэ Пелевина. Раскаленный молот, разрушающий все, что встанет на пути его хозяина.

Практикующая эзотеричка для доходчивости потрясла над головой невидимым орудием .

– Символ вселенской силы. А серп? Вы думаете, он кол-

хозяйнице принадлежал? Нет. Он богу Кроносу принадлежал! Понятно?! Богу, который пожирал своих детей. Это символ времени и смерти. Призвали на свою голову силу древних богов, накликали, понимаешь, а теперь спрашивают: откуда террор и прочие стихийные бедствия.

Дух сомнения и скептицизма был изгнан яростной атакой из помещения, а вместе с ним и носитель этого духа.

– Привет Лиза. Тебе чего?

Лиза познакомилась с Надеждой Алилуевной еще на курсах гороскопов. Надежда Алилуевна была там первым учеником. Чего не скажешь о Лизе. «Владыка двенадцатого дома в асценденте шестого... Оппозиция Венеры и Юпитера... транзитная карта накладывается на натальную...» – Лиза пыталась выучить, то, что не понимала. Учить пришлось все. Но все выученное улетало в черную дыру. Лиза сдалась. «Это все потому, что Меркурий и рядом не стоял в зените твоего созвездия», – доверительно объяснила ей Надежда Алилуевна.

– Так тебе чего, Елизавета? Только Лиза открыла рот, рассказать о своих проблемах, о том, что ей надо спасти неизвестную девушку от маньяка, как в каморку ворвалась пыльная женщина, богато и прихотливо одетая.

– Надежда, свершилось! Я достала это!

Лиза была беспардонно задвинута в самый дальний угол. С полки на нее упали: деревянная птица счастья, кукла Майкла Джексона и нефритовое яйцо. «Интересно, это знак

какой-то или просто так», – Лиза задумчиво поставила вещи на место. «Если это знак, то хороший он или плохой?» Подумать над этим не было никакой возможности. Рядом закипел разговор. Со словами «Я достала это!» женщина взгромозила на прилавок фирменный пакет и достала из него фирменную коробочку. Из фирменной коробочки были извлечены два фирменных мешочка. Из мешочков женщина торжествующе достала босоножки ярчайше-розового цвета на такой толстой платформе, что они более походили на котурны.

– Вот, настоящие английские «Стокеры», последний сезон. И логотип, смотрите, какой – две рыбки. Так что стихии совпадают, я – водолей, это рыбы, – все как вы учили. И красиво и по феншую.

Надежда Алилуевна покачала головой:

– Кристина Анатольевна, моя дорогая. Кристина Анатольевна, моя хорошая. Опять вы все напутали. Я же говорила вам, в этом месяце главное защита, защита и еще раз защита. Марс входит в ваш дом. Вам на ноги надо было «Саламандер» покупать. Саламандра в огне не горит и в воде не тонет. Символ бессмертия. Джинсы от «Джанни Версагги», помните лейбл с головой Медузы Горгоны? Медуза на поясе или на заднем кармане от сглаза бы защищала.

– Почему от сглаза на заднем кармане?

– А куда мужики чаще смотрят, в глаза или на задницу, а? Говорю же, Марс в силе. Правильно вспомнили о родных водяных знаках. Но их лучше ближе к сердцу иметь. Футболоч-

ку, или, лучше, водолазочку там от «USregatta» или шведской «gulfstream». А еще лучше, чтоб водные лейблы у нижнего белья были. Понимаете? «Nimph» например. «Русалка» белорусская. На худой конец, нашу «Которосль» можно. А сверху для надежности рубашку от «Lacoste» с крокодилчиком надеть. И хищник, и водоплавающий. А чтобы совсем Марса не бояться, можно и кофточку добавить или пиджачок какой-нибудь от «Капалли».

– А «Капалли» причем здесь? Носила я ваше «Капалли». У них лейбл с вилкой.

– Не с вилкой, а с трезубцем. А трезубец, между прочем, оружие царя морского Посейдона. А он – бог не слабей Марса. Понимаете? А сейчас, Кристина Анатольевна, моя родная, вы просто беззащитны перед кармическим злом. Просто голая стоите перед ним. Как Венера Милосская, только в «Стокерах».

Кристина Анатольевна представила себя голой перед злом, слегка вспыхнула от смущения и потупила взор.

– Я за вашу ауру теперь, за ваше тонкое эфирное тело не поручусь совсем. Может какие шарлатаны поручатся, а я – профессионал – не поручусь. Врать не буду, прямо скажу – ситуация сложная. Вот к чему самодеятельность приводит. Брендмэджик – это вам не шуточки, это – наука. Современная алхимия. Говорила я вам, давайте вместе сходим, подобрали бы что-нибудь... У меня на примете есть пара магазинов, там только надежные бренды. Ну, в астральном смыс-

ле. – А не в астральном? – испугалась Кристина Анатольевна. Она с содроганием вспомнила, как месяц назад ходила в пестрых шароварах и малиновом пиджаке, все потому что их лейблы: «Лакшми Кисс» и «АморМани» должны были принести победу Кристине Анатольевне над планетой Уран в созвездии Овена и над Первухиной Галиной в парихмахерской, что, впрочем, одно и то же. Чтоб эта Первухина, подруга еще называется, не переманивала любимую парикмахершу Кристины Анатольевны – Светочку. Пусть сама себе своего мастера ищет. Брендмагия помогла, после скандала Светочка пообещала не стричь Первухину. Но победа досталась дорогой ценой – Первухина, змея, а не подруга, высмеивала наряды Кристины Анатольевны везде, где могла.

Видя волнение своей единственной платежеспособной клеветки и неофитки, брендмагистр Надежда Алилуевна повторила как заклинание слова «Лакост», «Мекс», «Массимо», «Дуче», «Монти», «Заза», «Зизи», «Слава», «Зайцев», и Кристина Анатольевна успокоилась. Почуввав паузу в словах и зная, что она будет недолгой, Лиза отчаянно влезла в разговор, как в переполненный автобус.

– Скоро убийство произойдет! Здесь, по торговому центру маньяк бродит. Прямо сейчас. Настоящий. Я его видела. Он уже жертву выбрал! Надежда Алилуевна, вы должны мне помочь.

– Я? Почему я? – Потому что я не могу вспомнить, как она выглядела!

– Да кто?

– Да жертва! Жертва! Я ее тоже видела, но мельком. Я тогда не знала, что она – жертва. Потом поняла. Может, гороскоп что-то скажет? Или карты Таро? Или загипнотизируете меня, и я вспомню, кто она. Как она выглядит.

Это был вызов. Серьезный вызов магическим способностям Надежды Алилуевны. Авторитет практикующего эзотерика мог взлететь на недостижимую высоту, а мог рухнуть до полной не востребоваемости.

– Мне надо подумать. Мне нужно пять минут тишины. Наследница тайных знаний Парацельса и Гурджиева, последовательница Алана Чумака и противница Кашпировского приложила пальцы к вискам и погрузилась в себя. Через 42 секунды она вынырнула из себя с готовым решением.

– Вот что. Я противница Кашпировского, его метод установки я считаю диктаторским, поэтому гипноз отменяется. Мы сделаем так... Пойдем по магазинам, ты будешь смотреть одежду и пытаться вспомнить хоть что-нибудь. У тебя должны пойти вибрации тонкого тела при виде нужной марки, а я волны от этих вибраций уловлю. Ну, если вибрации у тебя будут достаточно сильные. Поняла. Заодно и вам, Кристина, моя дорогая, Анатольевна что-нибудь присмотрим. А по дороге расскажешь нам про своего маньяка. Как ты на него натолкнулась.

Рассказать по маньяка у Лизы не получилось. Только Надежда Алилуевна покинула свой магазин, свою цитадель гар-

монии и знания, как окружающая человеческая глупость бросилась ей в глаза и вызвала вспышку гнева.

– Профаны! – Надежда Алилуевна окатила своим презрением магазин напротив. – Вход надо было не здесь делать, а с востока! Покупателей не будет. Мужская же одежда! С таким западным входом только дамский секонд хенд продавать.

– Ой, а тут что? Чувствуете негативное облучение?

– А что здесь плохого? – удивилась для поддержания разговора Кристина Анатольевна, – хорошая же косметика. «Орифлейм».

– Хорошая, не спорю. А рядом что в витрине стоит?

– Ну, холодильники и стиральные машины.

– Ага. А какой они марки? – «Айсберг» и «Вотерфол».

– А что в буклете у «Орифлейма» написано? – риторически спросила сама себя Надежда Алилуевна и тут же себе ответила. – Там написано, что «Орифлама» означает «золотое пламя» – штандарт французских королей. Как бы королевское качество. Но пламя и вода, а тем более лед – это враждебные стихии. Два магазина с такими эмблемами рядом – это опасно. Для бизнеса уж точно. У кого-то из них дела незаладятся. Почему не взять в соседи, например, газовые плиты. Там и марки подходящие «Горение», «Искра». Или на худой конец, расположиться рядом с фарфоровым магазином. Земля – надежный элемент. Не враждебный.

Феншуйная безграмотность проявляла себя на каждом шагу. «Зачем тут вешалки и высокие полки? Здесь должен

стоять низкий длинный столик». «О, боже! Это же знак, отпугивающий деньги! Зачем тогда они вообще открылись?» «Магнитные волны должны быть попутными, от входа к кассе. А что я вижу!? То есть, а что я чувствую?! Магнитная буря выталкивает меня отсюда! Вот, что я чувствую! С ума сойти можно со всем этим». Вдруг брендмагистр резко затормозила и расставила руки в стороны, не пуская вперед своих спутниц. Из за угла наперерез несся заяц. Точнее какой-то нелепый субъект в маске зайца. Он, то прыгал на людей со спины, то делал пьяные финты вокруг них и постоянно ржал, как лошадь.

– Что это такое? – не столько с любопытством, сколько с раздражением спросила Кристина Анатольевна и тут же сама ответила – Псих, какой-то. Алкаш. Знаю я таких.

Эзотерическая экспедиция перестала ей нравиться, особенно после того, как она несколько раз перехватила насмешливые взгляды окружающих. Между тем, заяц устоял прямо на команду эзотеричек и в два прыжка оказался рядом. В расхлябанной манере, с которой советские актеры играли пьяных белогвардейцев, он шаркнул ножкой, дернул головой, махнул челкой, щелкнул каблуками:

– Дамы, честь имею, благородный разбойник Горюхин! Не будете ли столь великодушны и не подскажите ли вы мне, - язык благородного разбойника заплетался, - не подскажите ли вы мне, где здесь свадебный салон?

Трио ошарашено промолчало.

– Кстати, мы не знакомы?

Трио промолчало еще раз.

– Что ж, молчание – золото. Извольте откланяться. Спешу!

– Чур меня! Ох, дурной знак, ох, дурной. Заяц, перебежавший дорогу, страшнее черной кошки, – запричитала Надежда Алилуевна. – Пушкина помните?

Лиза кивнула. Кристина Анатольевна сделала жест рукой, который понимай как хочешь.

– Выехал Пушкин из деревни в Питер по делам, а заяц наперерез. Александр Сергеевич плюнул и вернулся. А потом узнал, что в Питере восстание декабристов было. Вернулся – стал великим поэтом, а проехал бы через заячьи следы – в Сибири бы сгнил.

– Что же нам теперь возвращаться придется? – расстроилась Лиза, – Я не могу, там человек в опасности! Я все равно пойду.

– Никуда мы не будем возвращаться. Хоть примета и дурная, но она доказывает, что ты, Лиза, права. Что-то рядом действительно происходит.

С тревогой и ожиданием Надежда Алилуевна окинула прекрасные дворцовые интерьеры торгового центра, как полководец поле грядущей битвы.

– Мы сделаем обход с фланга и начнем улавливать вибрации с того магазина. И экспедиция двинулась в сторону от хищного заячьего оскала.

Кристина Анатольевна была девушкой лет за сорок. Она застала блаженные годы дефицита, когда выбор вещи не был проблемой. Любой подарок Буряка выделял ее из толпы знакомых. Не надо было подбирать босоножки в тон платью, достаточно того, что у нее они были, а у Первухиной нет. Изобилие сделало каждый поход в магазин сладкой пыткой. Любая покупка требовала от нее напряжения всех душевных сил. Надо представить себя в платье, юбке, блузке, куртке, потом мысленно надевать туфли, сапоги, шапки, шарфики, кофточки, перчатки и в довершение мысленно оценить сочетаемость всех этих компонентов. Гарри Каспаров не уставал так за шахматами в слепую, как Кристина Анатольевна на примерке. Ну, может, и уставал, во время сеанса одновременной игры на десяти досках. Не, на двадцати. Может, поэтому она ухватилась за брендмагию хозяйки «Смысла жизни», которая хоть как-то ограничивала безбрежный выбор.

– Да это же китайский шелк! Настоящий! Смотрите, как переливается!

От восторга Надежда Алилуевна забыла осмотреть магазин на предмет соответствия правилам феншюя. Она любила все восточное. Титульное платье висевшее на манекене посередине зала заворожило ее и одновременно озадачило. По манжетам и подолу были вышиты странные узоры, которые знаток магических символов не смогла опознать.

– Это, наверно, что-то буддийское, из внутренней Монголии. Странно, что оно здесь делает? Компания огляделась по

сторонам. Остальная часть коллекции была более привычна. Но на лице Кристины Анатольевны было явное замешательство.

Вроде Унгаро, а вроде и нет. Вроде Лакруа, а присмотришься, так и не Лакруа. Как обычно говорила мама Кристины Анатольевны, когда они посещали магазин или рынок: «Манто, да не то!» И как только Кристина Анатольевна вспомнила маму, она поняла, что ее смущает. На всей коллекции лежала печать школьной самодеятельности по мотивам выкроек из «Бурды Моден». Если бы она удосужилась прочитать вывеску, то поняла бы все сразу и ни за что бы не вошла сюда.

«Angelina BORMOTAeva» гласила вывеска. Согласно легенде из газеты «СпидВести» Ангелина торговала воблой на рынке, пока не вышла замуж за рыбного и икорного короля Амурской области. Если бы Надежда Алилуевна читала так же старательно желтую прессу, как свою эзотерику, то она бы знала, что за платье висит в середине зала. Это был свадебный халат нанайских девочек, в котором Ангелина выходила замуж. Свадьбу справляли по старинным нанайским обычаям, как настоял муж-нанаец. Правда, в Париже, как настояла невеста. Копии этого чудодейственного, судьбоносного наряда должны стоять в каждом филиале ее магазина. Согласно все той же газете «СпидВести», если поносить свадебный наряд Ангелины, то удачное замужество обеспечено на 100%. Ничего этого не знали ни Надежда Алилуевна,

ни Лиза, ни Кристина Анатольевна. Хотя последняя кое-что знала. Она так и скажет, когда выйдет из магазина и увидит вывеску: «ААА! Я так и знала!» Только Вика Клюева была в курсе, что за наряд украшает центр магазина и в чем его сила. Всего каких-то пол часа назад, может, час, может, полтора она искала в этом магазине подругу Лизу. А когда не нашла, решила примерить нанайский халат на удачу. Ну, раз зашла. Но и всезнающую Вику ждал неприятный сюрприз. Примерить чудодейственный наряд можно было только после покупки какого-нибудь платья из последней коллекции Ангелины Бормотаевой. Вика нашла самое дешевое из вискозы с джинсовыми вставками, которое ей совсем не шло, которое начисто уничтожит все ее запасы денег и мамину записочку, но мерзкое платье не нашлось. Других размеров не было. Это было страшное разочарование. Ей было необходимо поделиться своим горем хоть с кем-нибудь. И она поделилась с однокашником Петровским.

– Здесь не будет вибраций. Тут платья одни. А та девушка в футболке была. Может, пойдём отсюда, а? – Лиза направилась к выходу.

Кристина Анатольевна тут же ее поддержала. Надежда Алилуевна с трудом оторвалась от нанайского платья и, чтобы чуть-чуть оттянуть момент расставания с ним, спросила:

– А почему ты думаешь, что жертва в торговом центре?

– Потому что Он здесь! Понимаете! Он – здесь! Маньяк тут бродит, я его видела! Пойдемте быстрее. Дорога каж-

дая минута. Надо вибрации ловить, там где футболки. Там шансов больше! Аргумент был весомый, Надежда Алилуевна не нашлась, что ответить и двинулась за подругами. Но как только она двинулась, Лиза встала, как вкопанная.

– Он! Он! Смотрите!

От испуга Кристина Анатольевна подняла сумочку, как бы защищаясь от нападающего маньяка. Брендмагистерша нервно вскрикнула:

– Где?– и с трудом выдернула из штанов брелок со значком Мерседеса.

Кристина Анатольевна забыла про испуг и удивленно смотрела на Надежду Алилуевну.

– Что? А это? Это оберег такой, умиротворительный, – объяснила та. – Успокаивает нападающих на пару секунд. А уж потом можно бить по яйцам, для надежности.

Лиза не слушала. На стене, слева от выхода висели фотографии. На них одна и та же сияющая особа обнимала разных знаменитостей. Тут был и Петросян, и Юрий Лоза, и Наташа Гулькина, и Ирина Понаровская, и Николай Караченцев, и губернатор Фроловской области Г. Чирик (фото было подписано), и этот, как его там, из «Ментов», и та, которая в «Любви до гроба», и Жириновский, и этот из «Фристайла», и даже сам МИКЕЛЕ ПЛАЧИДО, ну, и, конечно, Стас. Особа плотоядно смотрела на Стаса, а он радушно ей улыбался. Не звездил, не задавался, как некоторые. И одет был просто: в футболку и джинсы ливайс.

Лиза ткнула пальцем в пупок Стаса и произнесла негромко так, почти шепотом, но очень убедительно:

– Я знаю, куда мы пойдём!

– Куда?

– Джинсы мерить!

Кристина Анатольевна пробежала глазами по фотографиям, затем по ее лицу пробежала тень каких-то воспоминаний. Она вышла из магазина, посмотрела на вывеску и сказала: «Ааа! Я так и знала!»

Тридцать секунд шли молча. На тридцать первой Надежда Алилуевна поделилась снизошедшим откровением: – Если бы не заяц, мы бы не зашли к Бормотаевой. Если бы не зашли к Бормотаевой, ты бы не вспомнила о джинсах. Всюду знаки судьбы!

«До фига же сегодня было знаков! Ни один не расшифровала», – подумала про себя Лиза.

– Для профанов заяц, – продолжала хозяйка «Смысла жизни», – бессмысленная случайность, которая ничего не меняет в жизни. А для нас, просвещенных, во всем есть смысл. Надо только улавливать эээ вибрации. В мире все взаимосвязано. Любая мелочь может привести к цели...

Не было рядом Александра Петровского. Он бы поспорил. Он бы рассказал Надежде Алилуевне о своих попытках поймать судьбу за хвост, о своих мечтах про судьбоносные случайности. И о том, что с ним ничего судьбоносного не случилось, как он ни старался. Но он был далеко. Он насыпал

картошку фри в мешок двумя этажами выше. Некому было противостоять напору практикующего эзотерика.

– Вообще-то, я не вспомнила, в чем была жертва. Просто подумала, что раз Он рекламирует эти джинсы, то, может, в джинсовом магазине что-то знают.

5

Длинные гудки пропали. Эльдар сделал знак Анне, мол, заткнись, у меня серьезный разговор, затем принял важную позу и напряг слух. Аня всплеснула руками, как бы показывая этим жестом: да, больно мне надо с тобой разговаривать, у меня своих дел по горло, чтоб еще с тобой разговаривать, на фиг, ты мне нужен, чтоб с тобой разговаривать – и тоже напрягла слух. Слышно ничего не было. Тишина. Кто-то молчал в трубочку. Эльдару показалось, что он слышит сопение. «Затаился», – подумал Эльдар и сам затаился. Помолчали. Вдруг в трубке запели человеческим голосом, изображая оркестр Поля Мориа и певицу Далиду одновременно: «Та-да-да та-да-да-да Эмануэль, та-да-да да. Гидрометеоцентр. Погода на сегодня...»

– Не бзди! – оборвал симулянта Эльдар, – Это ты!?

– Кто?

– Это ты моим девчонкам мозги пудришь?

– Кому?

– Кому, кому... а кому ты телефон на футболке оставил?

– Кому?

– Анне, моей...

«Просто Анна» протестующе замахала руками.

– А это кто?

– Я кто? – Снова начал закипать Эльдар, так как температура кипения у него была очень низкая. – Я тот, кто тебе яй...

– Не, Аня кто такая?

– Аня? Продавщица в моем магазине.

– А ты кто?

– Я кто такой?! – Шеф Ани налился кровью и было ощущение, что скоро его голова лопнет как в фильмах ужасов. – А ты кто такой, что б у меня спрашивать, кто я такой!?

– Понятно. Так кто ты такой?

– Я – заорал в трубку Эльдар, – хозяин этова эбучива магазина джинсов! И никто не смеет клеить моих продавщиц без моего разрешения! Я тебэ... я тебэ...

– Ааа! Так это ты палеными джинсами торгуешь? Которые рвутся, понимаешь, по шву? Нехорошо. Нехорошо обманывать потребителя. Что скажет на это прокуратура? Она скажет, что торговля контрафактом преследуется по закону. До десяти лет в тюрьме. Или до пятнадцати?

Голос был тихий, вкрадчивый, ласковый и злодейский одновременно. Резкая смена разговора часто приводит собеседника в замешательство, а уж смена разговора на тему прокуратуры тем более. Хозяина эбучива магазина джинсов эта смена разговора преобразила до неузнаваемости. Он резко стал дружелюбным и ласковым: – Хорошие джинсы. Сам сто

лет их ношу, они как новенькие. Молния туда сюда работает. Отличные джинсы.

Защитительная речь произносилась им в костюме.

– Все накладные в норме, уважаемый. Зачем нам прокуратура? Да, у меня у самого в прокуратуре брат работает. И ...сам я там недавно работал. До сих пор туда захожу поболтать, чаю попить. У меня там все знакомые. Они все у меня на день рождения за столом сидели. И самый главный прокурор сидел. Зачем нам прокуратура, слышишь? Давай сами поговорим, посидим. Как тебя зовут?

Раздались короткие гудки.

–Эй, ты куда! – опешил Эльдар и набрал номер снова.

Трубка тут же отозвалась:

– Пожарная часть номер 17. Слушаю вас.

– Зачем трубку бросаешь, я ж поговорить хотел с тобой как деловой человек с деловым человеком.

– У вас возгорание?

– Зачем возгорание? Что ты дурака валяешь? Давай по делу поговорим, о джинсах.

– Гражданин, какие джинсы? Вы ошиблись номером.

И трубку опять повесили. Но не даром Эльдар стал хозяином магазина, не даром носил костюм со стальным отливом и татуировку на руке. Он был суровый предприниматель с бульдожьей хваткой. Поэтому он снова схватил трубку, вдавил кнопку разговора и предпринял новую атаку:

– Аллё! Ты меня слышишь? Слушай меня сюда...

– Подпольный комитет КПРФ. Если вы стали жертвой социальной несправедливости в особоизвращенной форме, то наберите 1. Если классовый враг не платит зарплату, наберите 2. Если вы готовы встать на путь революционной борьбы, нажмите 3. Если хотите дать объявление в газету «Сердце Ильича», то позвоните по телефону 22-04-18-70.

И снова короткие гудки. Эльдар был упрям, он нажимал кнопку снова и снова. Ему ответили: салон красоты, похоронное бюро, хоккейный клуб «Скрытые резервы», учительница музыки и лепщица пельменей на заказ (смотря, что нужно) Анна Петровна Керн.

Когда шеф стал пунцовый от ярости, «просто Аня» испугалась. Сейчас как начнет ее пытаться, как свяжет руки... чем он ей руки свяжет? Она поискала глазами орудие пытки. Вон футболкой свяжет. Или нет? Ремнем свяжет. Потом схватит за плечи и закричит: «Говори, кто это был!» А она и так бы рассказала все про Стаса. Только не хотелось ей рассказывать про пуговицу от ширинки на джинсах, которую Стас оторвал и подарил со словами «думай обо мне!». Вот она и думает: «Как он красиво и легко оторвал эту пуговицу. Как-то уж совсем легко. Может, эту пуговицу специально пришили еле-еле, чтобы она отрывалась одним движением в нужный момент? Специально для нее эта пуговица? Или не специально? Может, Стасу все равно было, кому пуговицу дарить? Телефон-то писать на груди чай не все равно?» «Просто Аня» испытала укол ревности. «А может и телефон

на груди тоже был просто так?» А пока бы она так думала о Стасе, Эльдар бы закричал бешеным голосом: «А! Не хочешь выдавать вашего любовника! Так получай!» – и рвет на ней футболку! Тут она вспомнила, что у нее лифчик старый, ей давно пора новый купить. Мысль о покупке напомнила ей, что Ленка-соседка должна 15 рублей. Мысль о том, что ей должны, вызвала мысль, что и она должна. Должна купить молока после работы. Молоко напомнило ей о Фаине, беременной кошке из подъезда. Фаина напомнила ей про обои с котятками в спальне у Ирки. Дурацкие обои. Она б другие наклеила. И, вообще, все бы в комнате по-другому сделала. Шторы бы такие бордовые повесила. Диван бы переставила. Только она подумала о диване, как тут же вспомнила выпускной, когда они с Сережкой на диване в учительской... какой Сережка был глупый и скучный. И сейчас такой же скучный. При слове скучный Аня вспомнила плаксивого клиента со стразой от стасовых джинсов. Мысль о стразе вернула ее на исходную позицию. Эльдар что-то орал в трубку. Где-то на середине телефонных переговоров «просто Анна» стала замечать, что ее шеф веселеет с каждой минутой. Подыгрывает многоликому анониму. Под конец сам начал шутить, набрал все тот же номер и такой: «Алло! Это психбольница? У моего знакомого раздвоение, даже больше, какое-то размножение личности. Не подскажите, что делать? Как общаться. Может, лекарство какое посоветуете?» Сам пошутил и сам заржал. Телефон уже выключил, а все еще ржал. Такой, ржет

и спрашивает угрожающе:

– Ну, что, Анечка, колотьяся будем? Кто это был?

– Не знаю. Слушай, я в зал пойду. Надо работать.

– Я спрашиваю, кто... это... был??? Не зли меня!

– Только футболку не рви, – решила предупредить трагедию Аня и выдала подругу. – Это Стас. Это Стас твоей Ане номер на футболке написал. А мне ничего не написал. Я тут ни при чем.

– Какой такой Стас?

– Ну, Стас Атасов!

– Я его знаю?

– Да кто его не знает? Это ж певец, звезда!

– Какой такой певец? Какая еще звезда?

Аня была обескуражена таким поворотом. Перед ней стоял человек, который не знал, кто такой Стас. Тогда она запела: «Где ты была? Где ты была? И с кем спала, и с кем спала? Любовь моя – чудесный дар. Зачем пошла ты с этим даром на бульвар!» Эльдар непонимающе молчал. Аня сделала еще попытку: «Тебя любил сильней, чем маму даже! Тебя любил! О! вскрытие покажет!» – Ну ты чё! И это не знаешь? Ну, ты, Эльдар, дремучий... Ну, певец, который вчера на открытие приезжал. Вот, это он был.

– Не ври мне! Не ври мне, слышишь! Звезда им телефончики оставляет! А Пушкин не оставляет?

– Мне ничего не оставляет.

– Так, поиграли и будет. Хватит вешать лапшу на уши.

Говори правду! Кто это был? Правду говори! «Вот и говори после этого правду», – удивленно думала «просто Аня». «Может, это закон жизни такой: говоришь голую правду, а люди не верят. Слишком голая правда невероятна. Что этот баран хочет от меня услышать?»

– Ты меня за барана держишь, да? Это ведь кто-то из местных? Я когда с ним разговаривал, слышал шум, хи-хи, ха-ха там всякие. Фоном. Когда он пожарного из себя строил. А когда я с хоккейным клубом разговаривал ЯКОБЫ, там кто-то рядом песенку пел. Знаешь Анечка песенку про голубой вагон? Голубой вагон бежит-качается. Дальше не помнишь да? Скорый поезд набирает ход. И нынешние дети не помнят, бл...ть, плохо знают классику. Поэтому в основном пел, бл...ть, клоун, с..ка. Аниматор, как их, ёп их, теперь называют. Понимаешь, а-ни-ма-тор! Аниматор из «Игромании» рядом с кинозалами! Я его еще утром грохнуть хотел, мелодию перевирает, муздак. Понимаешь? Ваш дружок где-то рядом шляется! Шляется и чего-то ждет! Поэтому я тебя последний раз спрашиваю: кто это был? Кому бить морду? А? С кем вы у меня за спиной шушукаетесь? Ба! До меня дошло! Да вы не шуры-муры, бл...ть, тут разводите! ВЫ под бизнес мой копаете! Вы под меня копаете! Вас купили! Эти сволочи из «Джинсовой поэмы»? Да? Конкуренты, бл...ть! Поэтому вчера не пришли! Поэтому утром джинсов не было! Ну всё, капут вам всем.

– Эльдар, я не знаю о чем ты. Я те правду говорю, это Стас

был.

Шеф молча взял с полки колготки «Грация», молча разорвал пачку, молча начал наматывать черную с искрой ткань на руку. Аня представила, как на нее бешено несется веселый паровозик, с целым составом голубых вагончиков. А из окна локомотива на нее скалится Эльдар в форме машиниста. Она связанная лежит на рельсах. Поезд не остановить. Подзабытые строчки всплыли у нее в голове: «К новым приключениям спешим, друзья! Эй, прибавь ка ходу, машинист».

– Хорошо! Хорошо! Сам напросился! Это директор! Это директор, понятно тебе! Клинья подбивал! Ты и ему морду набьешь? Подумай ка хорошенько!

– Какой еще директор?

– Да всего директор! Всего торгового центра! Всего этого дурацкого «Нового света»! Понятно! Пьяный вчера к нам подвалил, – Аня врала самозабвенно, не загадывая вдаль, лишь бы избавиться от сиюминутного кошмара. Она рассчитывала, что только важное имя может остановить спятившего от паранойи шефа. «Найдите авторитет для покупателя и вы сможете управлять его выбором» – вспомнила очередной закон маркетинга начинающий деятель торговли. – Compliments говорил, жениться обещал. А я отказала. Тогда он твоему менеджеру телефончик на груди и оставил. Понял теперь! Эльдар перестал наматывать колготки на руку и заговорил нежнее:

– Сам Буряк, значит приходил. Феличита... говоришь.

Феличита – мужик авторитетный.

Эльдар стал разматывать колготки.

– Ты это, иди в зал работать. Работать, наконец, здесь кто-нибудь будет а?

Аня поднырнула под руку шефа и вышла. «А голубой вагончик остановился прямо перед носом! Смертельный был номер! Все таки законы маркетинга – это вещь! Покупатель уважает авторитеты. Во как сработало!» – Аня поправила футболку на полке.

6

В морге было оживленно. Патологоанатом, старый хрен, строил из себя Харона, расталкивал тележки с покойниками и пытался острить: «В очередь, сукины дети, в очередь!» Он повторил шутку три раза, но никто не оценил его заплешневелый черный юмор. Тогда он рассердился: «Ну, набежали, как на панихиду! Панихиду, понимаешь, устроили. Нашли, понимаешь, Ильича. Давайте, быстренько опознание, осмотр, и все на выход. Мне еще троих вскрывать». Все подвинулись к покойнику. Заплаканная Надя, зареванная Нина, вечномолодая Зоя Степановна Пункт, но все равно зареванная, начальник ГУВД Серегин, за ним все отделение, соседи по площадке, по гаражу, по даче, дети, внушки. Ну, внучек-то привели зачем? Суровые менты стискивали зубы, чтобы не пустить слезу, и мяли фуражки. За их широкими спинами всхлипывал Копыто. «Ну, – промычал патологоана-

том, – Он?» «Да», – сказал Серегин. На тележке лежал Антон Петрович Мотыль. Гордый, мужественный профиль его, крепкий, мускулистый торс так и просились на памятник. Покойники лежали голые, но Патроныч был голым только по пояс. Патологоанатом оставил ему из уважения брюки с лампасами. «Да, могучий был старик», – сказал кто-то из отделения. «Город в узде держал», – ответил ему кто-то другой. «Не город, а район», – возразил кто-то третий. «Цыц, ты. Ничего не понимаешь. На таких вся земля русская держалась», – прикрикнул кто-то четвертый. «Надо мраморную доску на доме повесить». «И улицу в честь него назвать». «Да, надо». Все закивали.

– А помнишь, как Патроныч с нетрудовыми доходами боролся?

– Да, бабки-цветочницы до сих пор площадь перед Стекляшкой и Молочным стороной обходят, как гиблое место.

– Еще бы. Месяц заставлял все цветы к памятнику Ленина складывать.

– А, помнишь, как за призывниками охотился?

– Это, когда он объявление дал, что продает справки от армии?

– Ну, да! А когда салаги приходили, он им повестки вручал.

– А помнишь дело о сумочке с трешкой?

– А газетный ларек, когда вскрыли?

– А помнишь, как он угонщиков ловил?

– Ну! Спрашиваешь!

– Два квартала преследовал. Дольше всех за жигулями бежал. Правда, не догнал.

– А как Вовчика расколол, что тот квартиру на Пургиняна взял?

– Поэма!

– Это, когда тому пива ни в одном ларьке не наливали и водку не продавали?

– Вовчик, через две недели такой пытки квартиру на себя взял. Ха.

– Это, конечно, знатные истории, мужики, но... – Серегин сделал мхатовскую паузу, чтобы все замолчали и обратили на него внимание, – но дело о пропаже певца в торговом центре – вот это шедевр. Как Патроныч его раскрыл – это же гениально. Такое дело войдет в историю криминологии.

– Криминалистики, – поправил кто-то.

– Не перебивай, сам знаю, – продолжил Серегин, – такое дело войдет в историю криминалистики. По нему поколения молодых следователей учиться будут.

– Да, я про него в газете читал.

– А я в журнале.

– А я детектив видел в книжном, так и называется «Последнее дело Патроныча». Интереснее, говорят, чем про комиссара Мегре.

– Это ж Шерлок Холмс бы не додумался.

– Да что твой Холмс, майор Пронин сдался бы на месте

Патроныча...

Патроныч засмутился, закрихтел присел на каталке:

– Да, ладно, мужики. Я просто делал свое дело. Чего вы? Не надо так уж. Зачем это? Спасибо, конечно, за теплые слова. Тут просто главное – доверять своему чутью, работать серыми клеточками. Понимаете, в чем было дело...

Патроныч сел на полу, отряхнул муку, попытался стереть варенье и оглянулся по сторонам. Вокруг него стояли охранники, а в выражении их лиц не было и тени восхищения. Даже, наоборот, какие-то улыбочки играли на каких-то лицах. Надо было срочно восстанавливать рухнувший авторитет.

– Ну, что, дармоеды, мне всегда за вас всю работу делать?

Патроныч выбрал ближайшего наглеца с ухмылкой:

– Дай руку! – и протянул к нему свою, измазанную в варенье.

Подчиненный поколебался, но дал, что просили. Шеф схватил руку помощи, встал и тщательно вытер свою правую, свою, так сказать, десницу о фирменную куртку охранника.

– Что стоим, как бараны? По местам, за работу. Приметы этого козла передайте по этажам. Пусть сортиры проверят. Вдруг этот урод не убежал из центра еще.

Патроныч подумал секунду другую и добавил:

– Про певца не забываете. Объявится – телеграфируйте, понятно!

Затем рявкнул на последок: «Ну, где уборщица!» – и двинулся к выходу.

По дороге ему вспомнилась пригрезившаяся сцена в море. «Как же я нашел этого певца? Как же я раскрыл это дело?» – вопрошал он себя, свои серые клеточки. Но клеточки молчали.

7

Гробницы делятся на два сорта. Первые – древнеегипетские. Их строили, чтобы умерший фараон чувствовал себя на том свете, как дома. Внутри роскошь всякая, посуда из драг металлов, слуги на стенках нарисованы, лодки, лошади, наложницы – все для удобства. А снаружи так не сразу и найдешь. Иногда они даже спрятаны были, замаскированы, как бомбоубежище. Гробницы второго сорта делали для покойников с активной жизненной позицией из Древней Греции или Рима. Как там бедолага на том свете мыкаться будет – неважно. А вот что он натворил при жизни – это тема. Не просто склеп, а памятник, чтоб не забывали. Внутри скромный, снаружи пышный. Щит, шлем, Ника на фасаде, значит, покойник по военной линии успехи имел. Бывало, целые битвы на барельефе изображались, в которых героически сражался и побеждал покойник. А олимпийские чемпионы? О! Тут и венок, и поднятая скала, и брошенное копье, и прочие орудия добычи славы. Статуя непременно. А бывает, ничего не сделал человек, просто взял и утоп. Так и тут, хоть дельфинчика, но нацарапают на могильном камне.

Не то чтобы Патронич уже задумывался о памятнике, а тем более о целой гробнице, (он даже на похороны еще не

откладывая), но смутные мысли о достижениях, которые он может предъявить потомкам, и будут ли его, вообще, вспоминать, невольно приходили к нему. Да, дело о пропаже певца неплохо бы смотрелось в послужном списке. Раскрытое дело.

8

–Что за делааа?! Ты кого решила надуть? Ты, чё, думаешь, я совсем тупой?

–Ты не совсем тупой. Не, не тупой совсем. Почему сразу тупой? Не, ты умный. И я тебя не надувала.

«Просто Аня» быстро подвинулась к проему двери, чтоб ее было лучше видно снаружи. На всякий случай. Мало ли что придет в эту баранью башку. Схватит за шкурку и опять в подсобку. А так при свидетелях не посмеет. Аня уже минут пять ждала, когда Эльдар вырвется из подсобки в зал с воплями, что она наврала про директора-ухажера.

– Если Буряк телефон оставил, тогда кто со мной разговаривал? А ?! Я ж Буряка знаю! Понятно. У нас с ним общее дело было.

Зачем Эльдар соврал? Аня соврала с испугу. А Эльдар? Так для эффекту. Не было у него общих дел с Буряком. Пили как-то вместе, потом пришлось будущего директора транспортировать домой, и тот всю дорогу рассказывал, как наладил производство туалетной бумаги из расформированной заводской библиотеки. Вот и все общее дело.

Пять минут назад Аня не знала, что на это ответить, а те-

перь знала. Пять минут назад она бы просто хватала ртом воздух, как рыба, и смотрела испуганно на шефа. Но теперь она была спокойна. Она знала, что ответить. И она спокойно, глядя в глаза, ответила взбешенному шефу:

– А я не знаю.

И все. Никаких объяснений, оправданий. «Не знаю» и все. Она была настолько спокойна, что Эльдар смутился.

– Что ты не знаешь?

Странно спрашивать человека о том, что он не знает. Обычно наоборот – спрашивают, что человек знает. В школе так спрашивают, в уголовном розыске. «Что ты не знаешь?» – просто какой-то философский вопрос. Можно порассуждать на эту тему, но «просто Аня» рассуждать не стала: – Ничего не знаю!

Но потом не выдержала и продолжила:

– Я же просто продавец. Дядя, что вчера клеился, сказал, что он хозяин всего. Вот, я и подумала, что он директор. Ну, раз ты говоришь, что это не он, значит, не он. Так, что не знаю, кто это был. Ничего не знаю.

9

«Ах, так! Ах, вот, значит, как! Ах, вот оно что! Ну-ну. Ладно-ладно. Понятно, понятно», – менеджер Анна внимательно разглядывала стразу и бюстгальтер. «Что ж, я умею складывать два плюс два! Все с вами ясно, голубчики!» А ясно менеджеру Анне стало, что страза от джинсов Стаса. Что

Стас был на складе. Что его кто-то туда пустил. Что этот кто-то конечно Анечка. «Вот стерва! Прочитала номер на моей футболке и позвонила! Пока я думала, как номер у себя на груди прочитать, «прилично» или «неприлично» сразу звонить, она, на фиг, ничего не думала, взяла и позвонила! И ключ взяла! И его туда заманила... И там с ним... Ну надо же! Он МНЕ телефон оставил! Мне! А эта гадина украла и телефон и Стаса! Мечту украла, причем почти сбывшуюся!» Вверху маячила голова Патроныча. Она помахала рукой и брезгливо понесла брюки этого старого козла и бюстгальтер этой с...учки. А чей еще?

Толпа на входе встретила девушку с брюками и лифчиком недоуменными, косыми, а то и прямыми насмешливыми взглядами. Анна перехватила эти взгляды и в качестве защиты включила свое самое высокомерное, равнодушное выражение лица. Гордо прошла она сквозь толпу, словно ссыльная царица.

В фойе клоун-аниматор учил малышню борьбе за существование. Игра была проста и сурова. Шестеро детенышей кружили под музыку вокруг стула, а когда музыка кончалась, должны были первыми занять это тронное место. Родители весело улыбались, детеныши испуганно оглядывались. Музыка закончилась, началась свара. Самый мелкий карапуз с ревом растянулся на полу. Стул заняла большая девочка, которая была на две головы выше других. Зареванного карапуза унесли с поля битвы. Его место заняла новая претендент-

ка с большими белыми бантиками. Снова заиграла песенка. Претендентка была меньше предыдущей победительницы, но явно обладала музыкальным слухом. Она почуяла конец песенки, замедлила шаг и на последних тактах оказалась ближе к сидению. Финальный аккорд – и бантики взгромозились на краешек стула. Однако переросток нагло подвинула двух малышей и села. Хоть и второй после бантиков, зато места заняла больше. Клоун не заметил подвоха, и громко объявил ничью. «Дополнительный тайм, чтобы выявить победителя! Играем снова!» Снова зазвучала музыка. Анна как замороженная наблюдала за детской драмой с эскалатора. Пятилетняя дылда опять повторила свой грязный прием. Бантики растерянно смотрели то на родителей, то на клоуна. У клоуна была только одна игрушка для вручения победителю, поэтому он решил продолжать игру до чистой победы. Нажал кнопку «Play» на магнитофоне, и дети снова пошли по кругу. Эскалатор давно кончился, но оторваться от жестокого зрелища Анна не могла. Ее переполняла ненависть к жестокому клоуну, к равнодушным родителям, к коварной дылде, как будто она сама была жертвой этого детского гладиаторского боя. Бантики опять все рассчитали правильно и уже готовы были занять трон единолично, как вдруг дылда выдернула стул в последний моменты из под соперницы и торжествующе взгромозилась на него сама. Бантики упали, заплакали. Дылда поспешила к клоуну за подарком. Мамаша бантиков растеряно повторяла: «Что за воспитание!

«Что за воспитание!», но драться за трофей не стала. Папаша дылды довольно отвечал: «Да ладно, это же спорт, игра!» Анна, пылая гневом, удалилась. « Вот и с тобой так же обошлись», – говорила она себе, глядя на отражение в витрине, – « выдернули стул в последний момент и приз украли». «Врешь, меня так просто не со стула не спихнешь! – отвечало ее отражение, – Я тебе не девочка-припевочка какая-нибудь с бантиками. Я еще покажу!» Анна прошла несколько метров по коридору и уже более спокойно подумала: « Я требую мести!» Потом еще прошла несколько метров вдоль витрин и еще более спокойно подумала: «Я требую мести и... тряпочки». Потом прошла еще несколько метров и подумала совсем спокойно: «Нет. Сначала тряпочка, а потом месть!»

Гипермаркет модной, но недорогой одежды «Дарси» поставил Анну перед сложной задачей: что подойдет для ее мстительного настроения? Может короткая юбка? Эльдару о себе напомнить, этой сволочи показать, кто прекрасней всех на свете? А вдруг и заблудший Стас ее увидит, поймет, что потерял, раскается... Блин, нет. Тату это дурацкое откроется! Да и в магазине надо только в джинсах ходить. Тогда, может, кожаные, обтягивающие брюки? В голове промелькнуло небольшое кино, так эпизод: она презрительно смотрит этой Аньке в глаза. А в глазах у этой Аньки страх. Следующий кадр она в полете бьет предательницу ногой. Следующий кадр: камера с низкой точки снимает, она стоит такая над дрожащей Анькой, а сзади на нее смотрят в восхище-

нии Стас и Эльдар. Анна посмотрела на ценник у кожаных штанов, присвистнула, и кино в голове закончилось. Может шляпу? Или блузку вот эту сиреневую, она к джинсам подходит. Или купить бикини, бросить все и уехать в отпуск на Канары? Какие тебе Канары? Родительская дача в Канарейкино ждет тебя на отпуск, а не Канары. Канары, придумала еще. Тем более, что значит «бросить все»? У тебя из под носа такую партию увели, а ты бросить все собираешься? На этих словах Анна решительно повесила купальник на место. «Нет, сначала месть, а потом тряпочка!»

10

« Я ей все скажу, всё! Этой твари. А чё я ей скажу? Чё я скажу этой твари? Не, Я Эльдару все скажу! О! я ему все скажу, просто всё! А чё я Эльдару скажу?» Анна пыталась составить речь, которая заставит сгореть со стыда коварную, бесстыжую воровку, а Эльдара заставит уволить эту коварную, бесстыжую воровку, но после слов « Я чё те хочу сказать...» ее отвлекли самым грубым образом.

Ну, не самым грубым. Без насилия. Ну, не то чтобы совсем без насилия. Однако и не так, как можно было подумать. Чья-то рука тихо, осторожно тащила брюки с лифчиком, пока Анна задумчиво стояла у вешалки с купальниками. Она бы и не заметила, если бы не отражение в застекленном плакате с Урсулой Андерс, выходящей из моря. Обморок был бы самой простой реакцией на опасность. Но у менеджера Анны было не то настроение. Она вцепилась в

ускользающие от нее вещи и потянула на себя. Вор упорствовал и продолжал тянуть штаны с лифом в свою сторону. Несколько секунд они молча играли в перетягивание каната. Анне вспомнилась физ-ра в школе.

– Отпустите брюки, иначе... иначе я вас сейчас ударю, – прошипел грабитель.

«Какой вежливый, интеллигент наверное, на «вы» обращается», – удивилась про себя менеджер из народа.

– Ты, чё, не слышишь, отпусти, тебе говорю! – тут же испортился интеллигент. В ответ Анна подумала: «Это ж надо же! Рискую своим здоровьем. Защищаю какие-то старые брюки. Отстой. Не фирмУ какую-то, а простые замызганные штаны. Что там на этикетке? Какая-нибудь фабрика «Рассвет» или «Передовица»? Правда, не рвутся, поди ка!» «А что им рваться?» – ответил бы ей Патроныч, если б слышал. «Настоящий импорт! Венгерские, между прочим, брюки. Да я за них 10 лет назад на преступление пошел, протокол оформлять не стал на продавщицу Митрохину, которая их из под полы продавала! Материал то какой! Ему сносу нет. Там прокладка шелковая, шов двойной. А стрелки? песня, а не стрелки! Двойные стрелки-то! На всех наших штанах по одной стрелке было, а то и вовсе без стрелок. А здесь целых две! Мне б такие брюки в молодости, эх, я б весь «бродвей» затмил. Большие, правда, были. Зато сейчас сидят как влитые! Ты уж защити мои родные брюки, дочка, дорогие мне, как память!» Так бы сказал Патроныч, но не сказал. Да-

леко был Патроныч. Стоял в одних трусах и не ведал, какая битва за его штаны происходит.

– Я сейчас закричу! Это штаны самого начальника охраны. Он тебе за них знаешь, что сделает?

11

Мизулькин быстро пришел в себя. Стряхнул наваждение, удалил из сознания разбойные мысли, снова стал простым растерянным покупателем, у которого борсетку украли. Хотя и в чужих кедах. Он вернулся во «Вселенную обуви» и подошел к охраннику. Всего несколько минут назад он дрожал перед этим человеком, который мог поймать его за руку, а точнее за ногу в ворованном кроссовке. А теперь Мизулькин был полон негодования: «Как же так! Совсем не следит за своими обязанностями, тут воры шастают, а он столбом стоит и в ус не дует». Усов у охранника действительно не было. Внутренне Мизулькин кипел, как котел паровоза, но наружу гнев вырвался тонкой струйкой.

– Я, это, вроде как оставил ее... И ее, вроде, как украли...

Охранник скорее равнодушно, чем вопросительно посмотрел на на него.

– А! Борсетку, борсетку у меня, как бы, вроде, украли, того. Потерпевший – я, понимаете.

Охранник молча, с пониманием, показал пальцем на продавца и отвернулся. Мизулькин рванул к продавцу. Продавец долго ускользал от преследования, но затем был пойман за рукав, молча выслушал тираду Мизулькина и молча ука-

зал в сторону прилавка. Потерпевший рванул к кассе. Но раздраженная очередь отпихнула его в самый хвост. Когда очередь подошла, Мизулькин в третий раз стал рассказывать какой он потерпевший, как желает принятия всяческих мер и прочей помощи. Кассирша вяло выслушала его и подвела итог: «А я при чем? Идите к охраннику». Очередь тут же отпихнула потерпевшего, не дав тому даже пискнуть традиционную фразу: «Позовите заведующего!» Так и не пискнув, Мизулькин снова побрел к охраннику. Охранник снова понимающе выслушал его и на этот раз изрек:

– Тогда вам к начальнику охраны. Наверно заявление надо писать. То да се... Впрочем, вам там все скажут. Наверное...

– А где ваш начальник охраны находится?

– На первом этаже. Сейчас спуститесь по эскалатору, потом... Ну, если вы стоите лицом к... Нет, то есть, если справа этот самый, как его... Впрочем, идти надо прямо до... – охранник даже повернулся в сторону гипотетического маршрута, но описать маршрут словами так и не смог, – в общем, спросите там внизу.

– Я это так не оставлю! – сказал Мизулькин и вышел.

«Я это так не оставлю!» – сказал Мизулькин второй раз, когда дверь с надписью «охрана» не открылась после долгой, нарастающей по силе и ярости, дробы. Помахав ушибленным кулаком, потерпевший потащился обратно в магазин закатывать скандал. По лицу его пробегали злобные гримасы, губы то беззвучно шевелились, то выплевывали какие-то нераз-

борчивые гневные тирады. Руки делали какие-то конвульсивные движения, какие-то зачаточные удары по условному противнику. По дороге его привлекли две картины: сцена детского соревнования вокруг стула, та самая, которую видела менеджер Анна и сама менеджер Анна с брюками и бюстгальтером. Но если Анну битва за место на стуле возмутила до глубины души, то Мизулькина она как-то даже мрачно порадовала. «Вот он – естественный отбор в действии. Отобрал – победил. Не пойду клянчить свою борсетку назад. Сам возьму все, что мне нужно». А увидев менеджера Анну, он понял, как будет участвовать в естественном отборе и с кого начнет. «Раз из магазина украсть вещи сложно, то буду брать, то, что другие оставляют, когда вещи меряют. Как со мной поступили, так и я буду!» Когда Анна зашла в «Дарси», начинающий вор окончательно утвердился и в цели и в средствах. «Начну с малого. Потренируюсь. А там возьмусь за дело покрупнее».

Когда жертва нарушила все планы Андрея Афанасьевича и вцепилась в брюки, он понял, что разбой – дело не простое. Когда жертва не отпустила брюки даже после угрозы физической расправы, паника охватила его. Когда же жертва назвала хозяина брюк, Андрей Афанасьевич Мизулькин сам был готов упасть в обморок. «Что я наделал? Я погиб! Где же я оступился? Где же я ошибся и сделал неправильный выбор? Надо было... черные, остроносые покупать или те, коричневые, тупорылые или даже те, немецкие туфли! Ну и пусть

дорогие, свобода дороже. Что я наделал! Я пришел сюда (в торговый центр) в хорошем настроении, полный надежд на место в департаменте, а выведут меня отсюда уголовником, которому место не в департаменте, а в колонии. Моя жизнь сломана!» Андрей Афанасьевич живо представил себе картины заключения. Вот его ведут по коридору в цепях, поло- сатой робе и кирзовых ботинках на пять размеров больше, грубо подгоняют дубинкой. Вот он сидит в камере, его место у параши. На нарах 10 блатных зеков думают, что с ним та- кое ужасное сделать. Вот он в красном уголке, на фоне пла- ката «Чистая совесть – главное богатство» поет хором песню «Летят перелетные утки над родиной малой моей...»

– Простите меня. Простите меня, пожалуйста. Я от отча- яния. Меня самого обокрали. Простите еще раз. Отпустите меня, пожалуйста, я больше не буду.

Мизулькин опустил руки по швам и жалостливо посмот- рел в глаза девушке.

12

Анна глядела на жалкого уродя, который вытянулся перед ней по струнке, и в ее голове быстро созрел план мести. Глаза ее потемнели. Волосы растрепались. Грудь вздыма- лась. Картина, достойная древнегреческой трагедии. Пульс зашумел гексаметром. «Черные мысли, как тучи в грозу, за- стилают сознание. Страшную месть задумала я врагам на по- гибель. Нет, не могу я смириться, чтоб Стас достался краше- ной сучке! Нам в магазине одном вместе работать не можно.

Пусть и предатель коварный умоется горем ужасным. Что ж с ними сделать? Острая медь ли проткнет их жирную печень? Иль пропитать их джинсы убийственным ядом? Нет, подобью я трусливого вора на мокрое дело! Стоп! Кому говорю это все, и кто это слышит?»

– Слушай сюда. Замри и не рыпайся, я сказала. Я тебе дам шанс, понятно.

«Ты целиком в моей власти и слушаться должен. Раб недостойный! Тебя я продам на невольничьем рынке, если пойдешь против воли моей. А если послужишь, сделаю равным богам олимпийским. Прочь отгони недостойные страхи и будь мужиком настоящим».

– Смотри сюда. Видишь? – Анна достала из кармана блестящую находку. На лице вора-неудачника выскочило, как прыщ, недоумение. – Это страза. Страза с джинсов. Выражение на лице вора осталось прежним. – Страза непростая, а бриллиантовая.

В сторону: «Да, соврала я про блеск бриллиантов слепящий! Вместо алмаза в руках, да простят меня боги, пустая стекляшка. Вор предо мной, обманывать право имею!»

– Таких бриллиантовых страз от Варовски на джинсах Стаса 48 штук! Сечёшь? Это тебе не старые брюки какие-то тырить, это состояние, чувак!

Чувак явно не сёк. Но к недоумению теперь добавилось любопытство.

– Стас? – робко переспросил чувак.

– Стас Атасов – звезда и мудака при том. Слышал небось такого? Так вот, он вчера выступал тут и остался. Ради одной дуры остался. Неважно. Мы его выследим и отнимем джинсы с бриллиантами.

– А как мы его выследим?

– Тебя как звать? – Андрей.

– Так вот, Дюша... У меня есть план.

Анна соврала, не было у нее плана, не дозрел еще план, было только решительное желание действовать.

Раньше Андрея Афанасьевича покорило бы такое фамильярное отношение. «Дюша! Что еще за Дюша? Какой я вам Дюша?» – так бы он подумал еще утром. Утром бы он еще подумал: «Кто ты такая, чтоб со мной так разговаривать? Те скока лет, девочка?» – подразумевая, что вот он – мужчина в полном расцвете лет, с перспективами. Таких женщины выделяют из толпы. Но теперь он так не думал, самооценка его рухнула, как подрубленное дерево, увяла, как... не важно, как она увяла. Он покорно снес девичью грубость. Как человек разумный, склонный к взвешиванию всех «за» и «против», Андрей Афанасьевич попытался собраться с мыслями.

Анна почувяла неладное: хмырь отвел от нее взгляд, вздохнул, нахмурил задумчиво лоб. Пауза вместо немедленного согласия ей решительно не понравилась.

– Ты чё еще тут думаешь, хмырь? Ты чё тут думаешь, а? Чё тут думать, я не поняла?

Очередь риторических вопросов рассеяла начавшие собираться мысли.

– А ну посмотри мне в глаза! Глаза подыми, Дюша! Подыми глаза, я сказала!

Андрей Афанасьевич медленно поднял взгляд, ненадолго задержавшись на груди хватчицы.

– В глаза, в глаза мне смотри!

Андрей Афанасьевич посмотрел ей в глаза и бесповоротно превратился в Дюшу. Они пошли к выходу. Дюша слегка отставал, но Анна уже не боялась, что он слиняет.

– Дюша, а зачем тебе были старые брюки? – кинула она через плечо.

Говорят, люди не меняются. Мечтают бросить пить, начать бегать, сменить работу, а то и профессию, но продолжают пить, бегают только за уходящим автобусом, ходят на постылую работу, кляня ее и начальство на чем свет стоит. А с другой стороны, сплошь и рядом люди меняются: стареют, спиваются, становятся безработными, одинокими. Только человек был унылым работягой, безобидным, вечноскулящим, бац – теперь он злой, угрюмый безработный, только и думающий, как всадить ножик кому-нибудь в бок. Хотя у него и ножика-то нет. То есть меняются люди. Но, просто, не так, как им хочется. Как-то пассивно меняются, несамостоятельно. Вот и Дюша, то есть Андрей Афанасьевич, хотел в департамент, к искусству поближе, потом захотел стать лихим вором, а вышло как-то не так. Теперь он – Дюша, тащит-

ся за путеводной попой менеджера Анны в сторону складов.

Патроныч даже не сказал «спасибо». Пока он кряхтел, натягивая брюки, менеджер Анна еще раз пыталась его убедить, что Стас где-то в торговом центре, что можно этого Стаса поймать. Но Патроныч был глух к ее призывам. Ворчал, что сыт по горло, что ему некогда, что психов развелось, как тараканов, и один из них сейчас буянит в «Муравейнике». Закрыв дверь, они разбрелись каждый в свою сторону: Патроныч пошел ловить психа, Женек – заедать шок, а Анна спешила к Дюше, которого оставила рядом с кинозалами. План мести вероломной сопернице в голове Анны созрел и расцвел пышным цветом. Она несла его на встречу с Дюшей торжественно, как букет. План был таков: сообщить этой предательнице, перехватчице звездной партии, что начальник охраны вот-вот поймает Стаса и впаяет ему кражу! Стаса надо спасать. Эта дура конечно бросится предупредить этого бабника. Дюша пойдет по следу и ... полный триумф! Образ побитого и опозоренного кумира, у которого ослепленный жадностью Дюша отнял штаны, грел ей душу. «Блин! Блин! Блин! А если эта дура-Анечка встретится со Стасом в кафе каком-нибудь или магазине? На людях? Как же мой хмырь побьет негодяя и отнимет у него джинсы? Его же схватят. Да он тогда вообще не полезет драться!» Но на помощь пришла гениальная идея. Я посоветую этой дуре отвести Стаса на склад, спрятать там его, а Дюшу поставлю там в засаде! И все получится! Менеджер Анна была горда

собой. Она посмотрела на свое отражение в витрине и увидела там изящную и опасную женщину-кошку, как в фильме про Бэтмена. «Может еще Женька привлечь к делу? А что, я смогу!»

13

«Не, роль случая переоценена», – думал Петровский, одновременно крича:

– Двойной царь-бургер! Двойной, слышишь?

«Что изменится, если я брошу салфетку в мусорное ведро и попаду? Или не попаду?» – и Петровский бросил салфетку. Попал. Оглянулся по сторонам – все та же суета. «Ничего не изменилось», – констатировал он философски и крикнул:

– Фитнес-салат с лебедой!

«Сделаю еще бросок для чистоты эксперимента» – снова попал. Петровский кинул салфетку еще раз. Потом еще – все это тайком, когда старший менеджер не смотрел в его сторону. Вдруг с его салфеткой в ведро залетела другая. Нонна, которая редко спускала с Петровского восторженных глаз, подхватила его развлечение.

– Двойной царь-бургер! Кто заказывал?

Философ-метатель-салфеток двинулся к кассе. По дороге сделал баскетбольный бросок из-за спины и снова положил четко в корзину. Нонна подмигнула, скомкала пакет, метнула и промахнулась.

– Я не понял, в чем дело? – тут же взвился бдительный менеджер, – кто тут мусор разбрасывает? Нонна сделала удив-

ленное и невинное лицо, затем этим лицом отрицательно помахала.

– Так, жених, – скривился в сторону Петровского прыщавый надзиратель, – убрал мусор, потом швабру в зубы и в зал, полы драить!

«Ну, вот и все последствия! Все просто! Мелкий случай – мелкий результат. Никаких тебе поворотов судьбы, никакого эффекта бабочки» – швабра задумчиво ходила в руках испытателя судьбы, пока сам он задумчиво ходил между столиками. «А вдруг я случайно услышу какой-нибудь секрет? Кто-то кому-то сообщит какой-нибудь секретный код, или там двое условятся о месте и времени передачи секретных документов, или под столом пройдет тайная продажа бриллиантов?» – слабая детская надежда вспыхнула в голове и тут же погасла. Под столами ничего не происходило, только одно жвачное тайно почесало свое второе «Я» под шириной, а другое прилепило снизу стола жвачку. Разговоры тоже не интриговали: «... отвратительно! Как ты это ешь? Дай попробовать маме. Ну и жадина-говядина». «... не трачу на всякую фигню! – Это не фигня, во-первых! Во-вторых, тебе можно, а мне нельзя что ли?» «..говорю, мне лучше наверно знать, какой у меня размер...» «Да задолбал, Щелкан. Попроси у меня потом куртку на дискач, урод. – Тя никто не долбал, сам урод! – Это ты – урод!» «... Стас на склад придет, вы там его встретите. Джинсы у него. Примете, оформите и сдадите, ну, этому вашему Патрону. Ну, Женек, чё

ты? Чё ты тянешь? – Клевая у тя татуха. – Как-нидь покажу. – Заметано...» «Доедай быстрее! Там разберут всё! Там и брюки, и рубашка! Все со скидкой!» «... такая: с тобой что ль пойти? Кто с таким козлом пойдет?» От обывательских разговоров веяло суетой и скукой одновременно. Петровский вернул швабру в подсобку, доложил начальству, что все чисто и, разочарованный, как Печерин, вернулся за стойку:

– Шестая касса свободна!

Разочарованный, как Печерин? Да, в два раза разочарованней Печерина был Петровский! Или даже в три! У Печерина – сабля и пистолеты, у Петровского – швабра и фартук. Печерин на Кавказе, Петровский – на кассе. Кому скучнее? К тому же, Печерин, что ни подслушал разговор, все удачно, в тему. Навострил ухо, а тут господа офицеры подбивают Грушницкого с пистолетами на дуэли смухлевать. Забрел не туда, а там контрабандисты планы обсуждают. Вот это случай, так случай! А тут? Скидки, размеры, джинсы на складе, уроды на дискотеке, – беспросветная скука.

14

И снова дорога на склад. Только теперь на поводу у менеджера Анны шли двое. Украдкой, чтобы сосед не заметил, они по очереди косились на свою атаманшу. Дюша – на ее задний левый карман, Женек – на задний правый. Дюша нервничал, он видел в молодом охраннике не помощника, как сказала ему Анна, а конкурента. Конкурента в чем? В до-

быче стразов? Нет. Это был укол ревности. Укол без повода, ведь Анна ему даже не улыбнулась. Однако в голове Дюши уже плавал какой-то туман с блестками, из которого появлялась обнаженная нога Анны. Женек, наоборот, был спокоен. В помощнике, как представила ему плешивого хмыря Анна, Женек видел обузу, но точно не конкурента. Молодость самоуверенна. Женек смерил обузу высокомерным взглядом: всего 60 кг. Затем вспомнил окно на складе и умножил 60 на 9,8 м/с квадрат. Получилось: на смерть. Воспоминание о том, как он сам болтался за окном склада, убавило самоуверенности. Когда он увидел окно воочию, самоуверенность упала до нуля. И только строгий взгляд Анны спас его от постыдного бегства.

Когда Медея бежала из Грузии с Ясоном, она рассчитывала на статус царицы. Вместо этого она оказалась разведенной беженкой с детьми. Веский повод для мести. Казалось, у менеджера Анны такого повода нет: она не бросала папу, маму и родину, не уносила фамильные драгоценности и народное достояние ради заграничного красавца. Но это только на первый взгляд. В мыслях она давно уже была в столице. Давно уже обставила квартиру по-человечески: двуспальная кровать с балдахином, шкура тигра вместо покрывала, гарнитур такой шведский, секретер с тысячью отделений, столик из карельской березы, на столике канделябр, зеркало в полный рост; в ванной ванна огромная с золотым, ну можно бронзовым, смесителем, туалетный столик с элитной парфю-

мерией (только «Астон Лаудер» или «Лонг Ком»), биде, как в журнале «Вандер Бильд». Анна ходит среди этой роскоши в шелковой халате и думает такая: «Может поменять обстановку, что-то мне все это уже надоело». Потом она едет на маленькой машинке с откидным верхом в магазин, а потом в студию звукозаписи к Стасу. Все ей восхищаются, она дает пару дельных советов и они вдвоем выигрывают «Гремми» или «Сопот». Потом гастроли... Вот эту налаженную жизнь сломали легкомысленный Стас и коварная самозванка.

Установив засаду из двух клеветов, менеджер Анна оставила склад и двинулась осуществлять последний пункт своего плана мести. «Буду сама доброта и приветливость тоже. Лесть буду лить сладким душистым вином! Пусть голова у фальшивой избранницы кругом пойдет от успехов. Нет! не найдет она у меня и толики горьких обид! Бдительность пусть потеряет и собственноручно отправит... Друга любезного прямо в ловушку врага!»

Менеджер Анна подошла к магазину с улыбкой добрее, чем у матери Терезы. Дверь была закрыта. Через пять минут бесполезных ожиданий стало понятно: стремительный и прекрасный план мести со всего разгона врезался в стену обстоятельств и разбился на кусочки.

Кристина Анатольевна Буряк остановилась, как вкопанная. Ее попутчицы по брендмагической экспедиции пролетели по инерции лишний метр и удивленно оглядывались на

нее. Кристина Анатольевна превратилась в соленой столп. Она стала бледна и смотрела, как загипнотизированная, в одну точку. Попутчицы проследили ее взгляд и все поняли. Им навстречу шла довольная покупательница с набитыми пакетами, а на ногах у нее красовались ... розовые, на толстой платформе, с позолоченной застежкой «Стокеры»! «Стокеры», такие же как у Кристины Анатольевны. «Стокеры», которые должны были сделать Кристину Анатольевну единственной и неповторимой. Так обидно ей было только второй раз в жизни. Первый – в ДК «ПрофТехРезина» после концерта Александра Серова. Со сцены Александр громко и с чувством пел для нее: «ЙееееээДИнственная моя-яааа!...» , а через полчаса она стояла в хвосте огромной очереди у гардероба и понимала, что вся очередь состоит из таких «единственных». И даже пальто у этих «единственных» отличается только номерком с вешалки. Ее номер был 237В.

– Они ей нисколько не идут! Ну нисколько! – быстро нашлась Надежда Алилуевна, потому что много работала с людьми. – Посмотрите на нее! Ну, корова на коньках! «Стокеры» не для всех! Они ей не подходят ни по стилю, ни по феншюу, ни по гороскопу! Я же вижу, – продолжала пронизательная Надежда Алилуевна, – она типичный Овен!

– Во-первых, я – не корова! Во-вторых, я – не Овен! В-третьих, у меня отличный музыкальный слух, как у всех Козерогов, понятно! – женщина-Козерог гордо трянула гри-

вой и важно, с большим чувством собственного достоинства, удалилась, переставляя копыта, то есть «Стокеры». Сконфуженная эзотеричка парировала после неловкой паузы, но гораздо тише:

– Тебя в роддоме подменили.

– Я все слышу! – донеслось из-за угла.

Для Лизы этот инцидент не стоил и выеденного яйца, был досадной задержкой на пути спасения неизвестной жертвы маньяка.

– Пойдемте же!

И троица двинулась дальше. У двоих через раны в нежном самолюбии утекал энтузиазм. Он капал на блестящий пол и тянулся за экспедицией, как кровавый след за ранеными ланями. Когда они дошли до джинсового магазина, Кристина Анатольевна и Надежда Алилуевна были обессилены и обескровлены. Что могло залечить их раны самолюбия, что могло поднять их боевой дух?

15,5

Лиза как увидела ее, сразу все поняла! Без всякой магии поняла. Как осенило! Как увидела эти джинсы в обтяжку, футболку в обтяжку, хвост и челку, подведенные глаза – сразу поняла. Вот она – жертва! Как-будто эта в джинсах и футболочке, с хвостом и челкой сама подошла и сказала: «Здравствуйте, я – будущая жертва маньяка. Мы вчера с ним виделись и он меня предупредил, что завтра, то есть сегодня, он принесет меня в жертву своей необузданной, больной, зло-

вещей страсти. Обрадовал, так сказать, выделил, так сказать, из толпы. В общем, вот она я – избранная. Прошу любить и жаловать».

Лиза решила не терять времени даром:

– Здравствуйте, – она посмотрела на бейджик, – Анна. Вам угрожает опасность. Вы были вчера на концерте?

– Ну да. Прямо в первом ряду стояла, у сцены. Стаса, как вас видела! Он же наши джинсы рекламирует. Нам флаеры дали, – не без гордости ответила девушка.

– У меня, – задыхаясь от волнения, продолжила Лиза, – есть все основания, – она решила говорить серьезным официальным тоном для большей убедительности, – считать, что сейчас в торговом центре прячется маньяк и он выбрал вас своей жертвой! Этот маньяк – Стас! Он оказывал вам вчера знаки внимания?

Девушка Анна молчала.

– Повторяю. Он оказывал вам знаки внимания?

– Какие еще знаки?! – из за вешалки появился возбужденный амбал в костюме с металлическим блеском.

Лиза отпрянула в сторону выхода, Надежда Алилуевна снова полезла за кулоном-миротворцем, а Кристина Анатольевна просто была удивлена появлением мужчины приятной, на ее взгляд, наружности.

– Какие еще знаки, Анечка?! Я тебя спрашиваю.

– Ну, Эльдар! Я ж тебе все сказала! Отстаньте все от меня!

– Это тот Стас, с которым я только что разговаривал, да? Я

сэйчас как найду этова маньяка, так он сразу перестанет быть маньяком! Понятна?! Ты, – Эльдар ткнул пальцем в Анечку, – пойдешь со мной. Покажешь мне его. Я его в бараний рог...

– Какой вы горячий, – скорее с одобрением, чем с порицанием заговорила Кристина Анатольевна, – Его еще найти надо.

– Этот урод по телефону из «Игромании» балаболит. Может, не свалил еще. Эльдар решительно двинулся на охоту.

Лиза испугалась за Стаса:

– Я с вами.

Она не хотела, чтоб кумира свернули в бараний рог, а хотела чтоб он исправился. Она надеялась заметить Стаса раньше всех и провести душеспасительную беседу.

– Я тоже с вами! – поспешила присоединиться к охоте Кристина Анатольевна.

Она перехватила заинтересованный взгляд Эльдара и кровоточащая рана ее самолюбия моментально зажила. Уровень энтузиазма в ее крови резко вырос.

– Ну, и я с вами за компанию, – сказала Надежда Алилуевна, правда, без особого энтузиазма.

Чем Дюша отличался от Андрея Афанасьевича Мизулькина? Добытыми кедами? Исчезнувшей борсеткой? Грядущими бриллиантами? Да. Но главное отличие в том, что Дю-

ша стал женатым человеком. На первый взгляд, менеджер Анна царила только в его голове, а фактически он был свободен, но это только на первый взгляд. А на второй – все наоборот. У Дюши появилась реальная хозяйка, с которой он начал вести реальное совместное хозяйство. Прошло всего несколько минут, а он ее уже любил и ревновал. Слушаться ее он начал еще раньше. Ну, а то, что у него не было кольца на безымянном пальце, штампа в паспорте – это случайная условность, которая сути не меняет. Много есть людей с кольцом и штампом, которые ведут себя как неженатые: пиво пьют с друзьями, когда захотят, другим барышням цветы дарят и, даже, хозяйства совместного не ведут – все жена ведет.

У Андрея Афанасьевича душа была мятущаяся, вся издерганная сомнениями: «купить/ не купить», «пойти/ не пойти» и так далее. Не у кого было спросить, что и как надо сделать. Человек без царя в голове. Без царицы. Другое дело – Дюша. Дюша не мучился сомнениями, лишними мыслями. Все проблемы мог решить легко, потому что знал, у кого спросить, что и как надо сделать. Вот и сейчас он сидит в маленьком складском помещении и в ус не дует. Нету усов. Женек уже успел подумать: «Может не придет никто?» А Дюша не успел. Зачем думать? Сказали: ждите, значит ждите. Анна уже пять минут не знала, что делать, А Дюша знал: сидеть и ждать. Или Анну, или Стаса, или обоих. Он смотрел на коробки, внутри которых были прекрасные туфли: и коричне-

вые остроносые, и черные тупорылые, и такие двухцветные с узорами, были тут и кроссовки, почти адидасовские, бегай не хочу, но никакого желания примерить, носить эту роскошь в департамент или еще куда у Дюши не возникло. Не было на них ценников, не было защитных бирок, звенящих при входе – «бери-не-хочу». Но Дюша не брал и не хотел!

Женек нервничал. Все в складской конуре напоминало о недавних минутах позора. Для поднятия духа он пытался вызвать в памяти татуировку на анином бедре, но соблазнительная картинка не появлялась. «Как он позволил себя заманить в новую авантюру? Что бы на это сказал Патроныч? Страшно подумать, что он сказал бы. Может, свалить, пока не поздно? Ключа нет, так он скрепкой откроет. Наверно».

– Слышь, молодой, – вдруг послышалось из угла, – не мельтеши, а?

На месте Дюши Андрей Афанасьевич сказал бы: «молодой человек», «не суетитесь» или, скорее всего, вообще, интеллигентно промолчал. Андрей Афанасьевич даже на пол не сел бы, заботясь о брюках, в которых ему еще в департамент ходить. Но Дюша брюки не берег, мечты и ставки были у него другие, более высокие.

– Раздался голос из помойки, – как можно презрительнее ответил Женек хмырю. – Ты ваще здесь у меня на подхвате приставлен. Так что сиди, не рыпайся. Те, кстати, чё Анька сказала, когда этова Стаса примерно ждешь?

– Когда надо тогда и ждешь, панятаа! – попытался придать

голосу блатные интонации Дюша, а сам про себя отметил: «так её Анной зовут. Запомним». Затем вслух продолжил:

– Когда придет время – дам знать. Анна мне все подробно расписала, в отличие от тебя. Терь панятна, кто здесь главный? Сиди и слушайся взрослых дядей, салага!

– Кто салага? Я тебя в форточку выкину, главный нашелся! Я без тебя все могу сделать!

Всего несколько секунд назад Женек был готов сбежать со склада, а теперь вот готов все сам сделать. Люди противоречивы и переменчивы. Ну, может, не все, но многие.

Вот взять, хотя бы Костю Таракана. Какой он был целеустремленный, прямой, как стрела. Какая была цельная натура, словно литая! В советских романах так про большевиков писали. Но это было раньше. А после того, как он стал обладателем борсетки гражданина Мизулькина, изменился Костя. Костя сменил уже третий обувной магазин: «Фелини», «Пазолини», «Сорентино» и примерил 13 пар туфель, но все сомневался, какие выбрать. Что ни туфли, то состояние. Узнал бы Андрей Афанасьевич, на что его деньги потратятся – упал бы в обморок. Вот и сейчас Таракан держал в руке один шедевр обувной промышленности, а любовался уже другим, стоящим на полке.

– Это броги – стиль такой. Видите эти декоративные дырочки! Английская классика. Стиль настоящего английского джентельмена! – продавщица была любезна и восторжена. – Идеальная кожа, двойной шов, очень подходят к свет-

лым шерстяным брюкам. Аристократическая вещь.

– А эти? – в отличие от Мизулькина, Костя не стеснялся расспрашивать.

– А это на полке италия. Мягкая элитная замша. Цвет бирюзовый – но краситель натуральный. Свежая модель. Лоферы. В переводе – «для лентяев», потому что не надо возиться со шнурками. Такие носит гонщик Формулы-1 Алесандро Баричелло и сам Мастрояни.

Костя колебался: вступить ли ему в клуб английских аристократов или затесаться в компанию Мастрояни и Баричелло? Он окинул туфли жадным прощальным взглядом и кинулся к следующей паре: – А это?

– Мне Анька тоже все рассказала. Я просто тебя проверял. Женек подергал ручку двери.

– Тихо ты! – взвился Дюша и громко возмущенно зашептал, – вдруг Он уже рядом, отпугнешь его только! Замри! Мы же в засаде сидим, а не в кафе! Наберут на дело дилетантов! Откуда Анна тебя раскопала только?

– Это я дилетант?! Да у меня подготовка! Я спец по рукопашному бою! Я знаю технику ниндзя! – проигнорировал призыв к тишине возбужденный Женек и тут же осекся на слове «ниндзя». СуперЭго и память о недавнем фиаско вошли в конфликт. После непродолжительной борьбы победило суперЭго.

– Да, мы с Анькой с утра за этим певцом охотимся! Да если хочешь знать, мы с ней сто лет уже знакомы, да мы с ней

давно уже... того! Понимаешь о чем я? Мы, между прочим, даже татуировки себе сделали в знак... этого... самага, ну что навсегда... Ты хоть знаешь, где у нее татуировка? Ха! Там, где ты никогда, ни-ког-да не увидишь! Понятно! Так что ты мне не указ!

Женек торжествующе посмотрел на врага, растерянно сидящего на полу. Посмотрел и решил добить его окончательно.

– По секрету скажу, она тебя выбрала, чтобы подставить!

Тем временем менеджер Анна совершила попытку обдумать сложившуюся ситуацию. Попытка оказалась неудачной – кроме того, что ситуация нелепа – в голову не пришло ничего. Раз не получилось думать, она решила действовать. Вытащила салфетку из кармана, скомкала в шарик и положила обратно. Зашагала в левую сторону, авось что-нибудь произойдет, и будет понятно, что делать дальше. Ничего не произошло, только мысль, что она может упустить Аню, пока гуляет, пришла к ней в голову. Мстительная Анна бросилась обратно к магазину, но там никого не было. Ни в магазине, ни перед входом. Только какие-то зеваки разглядывали джинсы через витрину. Все повторилось точь-в-точь, когда Анна попробовала пойти вправо. Она дошла до магазина с фарфором и в панике ринулась обратно. Стоя перед закрытой дверью она подумала про себя: «Какой-то я «неулавливающий мститель»! Обидно». Её метания дали время разгореться конфликту на складе.

– Меня подставить?! Да, ты врешь все! Не могла она меня подставить! – кричал, задыхаясь от ярости Дюша, забыв про собственные призывы к тишине.

– Да, могла, могла. – Женек говорил насмешливо и спокойно. – Я ж ее знаю. А ты, я вижу, не знаешь. Давно ты ее знаешь?

Что мог ответить на это Дюша? Что еще час назад он даже не подозревал о ее существовании.

– Но почему? Почему?

Вопрос был неправильный. Достаточно было Дюше спросить не «почему», а «как» и Женек бы вряд ли ответил что-нибудь вразумительное. Не успел бы придумать убедительной версии. Как могла Анна подставить Дюшу, своего свежего паладина? Подложить бомбу? Или – бутылку водки? Украсть джинсы и свалить вину на него. Вызвать охрану? Не понятно. Нет. Не ответил бы Женек на вопрос «как?» А вот на вопрос «почему?» ответить было легко.

– Почему, почему. Да, потому что ты – лох. Вот почему. Ты – лох! – радостно и торжественно заявил Женек.

Думал ли он о последствиях? Просчитывал ли он реакцию соперника? Думал ли он о том, что думал тот, кого он назвал «лохом»? Не думал и не просчитывал. А что тут думать, если они в разных весовых категориях? А Дюша тем временем и думал и чувствовал. Чувствовал, как гнев бушует у него в груди, и думал, как сейчас встанет, как сделает разящий, смертельный удар ногой в прыжке, как потом неспешно пе-

реоденется в новые джинсы и новые ботинки, а совсем потом выкинет оставшиеся вещи в окно, и, как совсем, совсем потом подберет их и скроется в неизвестном направлении своего дома, и никто ничего не заподозрит, так как по магазину он пройдет со свободными руками! Прощай предательница Анна! С Дюшей Мизулькиным шутки плохи! Вот о чем не догадывался Женек! Он с удивлением увидел, как лох молча встал, с тревогой заметил, как лох занял боевую позу, и с ужасом понял, что предстоит не легкий спаринг с легчайшей весовой категорией, но битва не на жизнь, а на смерть. Перед ним стоял раненый зверь, Майкл Дудикофф, собравшийся на последний бой. «Это же я – Майкл Дудикофф», – подумал Женек. «Нет, не ты», – ответил ему внутренний голос. Зверь сделал хищный выпад, легко оттолкнулся левой ногой, подпрыгнул высоко, как ниндзя и, даже, как бы завис в воздухе. Правая нога полетела навстречу женькиной голове смертельным снарядом. Раздался резкий крик: «Ёёёёйоопп твою!»), затем раздался глухой удар тела и головы о кафель, затем слабый стон. Недолет. Затем наступила тишина. Опешивший Женек смотрел на распластанное тело врага, которое не шевелилось на полу.

Костя вышел из обувного магазина с двумя коробками и чувством вины. Хотел Ляле подарок сделать, а сделал – себе. Сначала шубу хотел ей купить, но она такая дорогая, даже самая дешевая, что на остальное денег не останется. Ну, в смысле, себе не останется. А ведь это он заработал. И по-

том, тут размеры надо знать точно, мерить желательно. А мех какой? Вдруг ей не понравится? Не, шуба подождет. Тогда он за сапогами зашел – Ляле сапоги тоже нравились. Но тут уж точно надо размер знать. А он Лялин размер не помнил. Забыл почему-то. То ли 42-ой, то ли 37-ой. Зато свой размер точно помнил, да и померить мог. Ну и померил. Костя смотрел на остаток денег и надеялся, что сможет купить на эту мелочь косынку какую-нибудь, брошку там или еще чего. Шарфик, например. Точно, шарфик! И полезно, и недорого, наверное. Затем открыл еще раз коробки, и досада какая-то нахлынула на него, беспокойство какое-то: куда он в этих штиблетах пойдет? Костя представил себя в этих штиблетах у пивнушки и понял, как они там неуместны. Да и подошва у одной пары вообще кожаная – в таких туфлях только по Москве ходить, по Красной площади или за границей где-нибудь. Костя впервые в жизни представил себя в столице и в загранице.

«Схорониться надо! В деревне какой-нибудь глухой или, лучше, заброшенной совсем. Туда милиция не доберется. Там убийцу искать не будут!» Женек представил себя вылезавшим из развалившейся избушки и вглядывающимся с опаской в сумерки. Вот он бежит втихаря за картошкой на колхозное поле, потом крадется обратно в свое логово. Но его предали. По его следу идут милиция и колхозники с вилами. Они окружают его убежище. Загораются прожекторы, факелы, и репродуктор начинает хрипеть прокуренным мен-

товским голосом: «Оружие на пол! Руки вверх! Выходи, Женек, сдавайся». Мускулы под татуировкой напрягаются. Женек вырывается наружу с криком «кия», и его кладут залпом из 10 стволов. Нет из 15. Суровый опер подходит к его телу и уважительно так вздыхает: «Да, матерый был волк этот Женек. Только татуировка у него дурацкая». Конец фильма. Женек с ненавистью взглянул на тело Дюши. Лох подставил его, испортил ему всю жизнь и погубил его. Вдруг тело зашевелилось и издало какой-то звук. Матерый татуированный волк с воплем «Живой! Помогите!» побежал за помощью. Закрытая дверь его практически не остановила. Стоял бы там суровый опер и ему бы не поздоровилось. Да, что там опер, Майкл Дудикофф не выдержал бы такого удара! Что уж говорить про дверь какую-то, с хлипким замком. Но сказать надо.

Дюша очнулся, покачнулся, потрогал голову. Голова была на месте, только весила, казалось, в два раза больше, как будто там мозгов резко прибавилось. На затылке выросла огромная шишка. «А где этот, как его там? – попробовал пошевелить ушибленными мозгами каратист-неудачник, – наверно меня испугался и убежал». Дюша шатаясь встал, снял кеды, брюки, надел новые джинсы, новые туфли, сложил оставшиеся джинсы в полиэтиленовый мешок, сунул туда три пары обуви, потом одну пару выкинул, так как не влезла, открыл окно и с трудом выпихнул огромный баул наружу, посмотрел, как он летит вниз, затем закрыл окно и вышел в коридор.

дор. Об Анне он даже не вспомнил. Выветрилась верность Анне из его головы. Вылетела куда-то при падении. Или сломалась при ударе.

17

«Как же жить без миллиона? КАААААК? Не понимаю!» – мысль эта, если это можно назвать мыслью, жгла и отравляла сознание Василия Горюхина с новой силой. Жгла и отравляла оба полушария его бедного мозга. Левое полушарие искало подходящую валюту к миллиону, пытались вычислить, сколько точно нужно для счастья в рублях, долларах, йенах, а правое – распевало фразу на все лады. То громко и протяжно, как оперную арию: «Скажи, скажи, как жить без миллиооооонаа! Какая злая у мииняаа судьбаааа!» То нежно и лирично, как авторскую песню под гитару: «Как же жить без миллиона, расскажите мне друзья. Вон идет богач и – вона! Почему же мне нельзя?» То с блатным хриплым подвыванием, как шансон: «Я на свободе, без миллиона – что за житуха? Встречай меня родная зона, впишусь в мокруху!» То с фальшивым задором, как попсовый припев: «Эх! Как же...» «Ну, нет. До попсы я не опускаюсь!» – решил Василий. Он стоял, и не знал ответа на свой вопрос. Стоял и стоял, а ответа все не было и не было. Миллиона тоже все не было и не было, а время текло и вместе с ним жизнь Васи. Вот Васе пришлось без миллиона сделать шаг вперед, потому что ожила очередь, вот Васе без всякого миллиона пришлось сказать «здрате» кассиру, вот Васе пришлось отве-

тить «Да» на вопрос: «Вам на ближайший сеанс?», вот пришлось полезть в карман за деньгами – и все это опять без миллиона и без ответа на вопрос: «Как жить без миллиона?» Вот Вася вытащил руку из кармана и понял, что у него нет ни миллиона, ни восьмидесяти рублей на билет. А есть у него только 16 рублей 42 копейки. Хотелось рвать и метать, бросить вызов судьбе и обществу. Но кассир была очень вежлива, а очередь деликатно отвернулась, испугавшись, что нищий субъект похмельной наружности попросит денег. Бросить вызов было некому. Да и без коньяка какой вызов?

– Вася, а Вася? Хочешь сыграть в игру?

Вася дернулся, услышав свое имя. Но лично к нему никто не обращался.

– Вася иди сюда.

Вася пошел на голос, пока не видя источника.

– Вася, игра простая.

Голос был мерзкий, фальшиво-задорный, как у взрослых, играющих с детьми.

– Угадай в какой руке!

Вася протиснулся сквозь толпу и увидел клоуна, который тыкал два своих кулака заинтригованному дошкольнику.

– Ну, Вася, смелее!

Большой Вася отодвинул маленького:

– А можно я?

– Нет, сначала мелкий.

Дошкольник Вася стукнул по кулаку клоуна и тут же ра-

достно завопил. В кулаке оказалось пять жетонов на игровые автоматы.

– Ну, а теперь, ты, дядя, – клоун повернулся к испытателю судьбы с многолетним стажем. – Ну, левая или правая рука? А? Миллион на кону!

Клоун явно шутил, но Горюхин при слове миллион заволновался. Он замахнулся на левый кулак клоуна, потом на правый, потом опять на левый и, наконец, ударил по правому.

– Миллион! Миллион! -завопил клоун, – дядя выиграл миллион! Миллион нолей и ни одной палочки! – размалеванная рожа смеялась в лицо Горюхину. – Увы дядя, пусто. Не твой день. Клоун аж задышался от смеха.

– Может тебе еще ключ от комнаты, где деньги лежат? – съязвил какой-то зритель.

Горюхин сам не свой ухватил клоуна за левую руку и начал ее выкручивать: – А ну покажи! Покажи сейчас же, что у тебя тут!

– Охрана! – завопил клоун.

– Обман! – завопил Горюхин.

При слове «охрана» правое полушарие представило Горюхина отстреливающимся из огромного «кольта» и кричащего: «Дорого я продам свою свободу! Подходи, кому жить надоело!» Левое полушарие рефлексировало над фантазией правого: «Как странно. Еще недавно ты хотел быть пойманным, а сейчас отстреливаешься». А пока полушария Горю-

хина вели диалог, ноги Горюхина несли его подалее от места происшествия. И тут что-то зазвенело. Полушария перестали ссориться и заткнулись от удивления. Звенело и вибрировало в кармане. Ничто не могло вибрировать и звенеть в кармане у Василия Горюхина. Разве что мелочь, которой на билет не хватило. Ноги перестали бежать. Рука залезла и вытащила из кармана... телефон. Случайное появление материальной ценности, о котором так долго мечтал Василий Горюхин, свершилось. Чудо! Казалось бы, дорогая вещь, причем в рабочем состоянии, владей и радуйся, но Вася не радовался. Тому было две причины. Первая – телефон никогда не был у Васи предметом вожделения. Это достижение прогресса появилось уже после того, как сформировались его желания. Говорят, где-то в Америке, раз в десять лет появляется на свет какой-то вид цикад, и птицы его не едят, потому что не знают, что это еда. Несколько поколений пернатых в глаза не видели это, в общем-то, съедобное насекомое. Так и Вася.

Вторая причина, по которой звенящий телефон не обрадовал Горюхина, это громила, который не сводил с него глаз. Громила тыкал в его сторону своим телефоном. «А ведь это он мне звонит», – догадалось левое полушарие Васи. «Сейчас бить будет», – добавило правое полушарие. И правда, лицо громилы не лучилось добротой. Соседнее лицо принадлежало продавщице из джинсового магазина. Оно было белым и напуганным. Вася решил не выяснять отношений: кто

звонит, почему звонит, и дал деру. Тем более с другой стороны фойе появился охранник.

И снова погоня. Но теперь она проходила без всякого восторга и упоения. Ничего не кипело в его груди, и никакие рифмы не пульсировали у него в голове.

18

Делать было нечего. Не найдя Лизы, Вика пошла по следу маньяка сама. Она пошла в салон свадебных платьев, где этот зверюга чуть не уколошил несколько невест, но зашла в совсем другой магазин. Соседний, где увидела просто умопомрачительные туфли-лодочки. А маньяк, он же не ждет ее в салоне, правильно? Разглядывая лодочки, она заметила красавца, который выбирал себе дорогие туфли. Вот ведь, недавно Лиза, увидев этого красавца, признала в нем и маньяка и Стаса, а Вика не признала в нем ни того, ни другого. Поставила лодочки на место и пошла в салон, расспрашивать про нападение. «А вам зачем?» – сказал охранник и отвернулся. Следствие зашло в тупик.

У Васи болела голова. А еще у Васи болело плечо. Голова болела от похмелья и страха, а плечо – от того, что в него тыкал железным кулаком психованный громила. Громила при этом орал: «Кто тебя нанял? Кто тебя нанял, говори? На кого ты, урод, работаешь?» Вася пытался рассказать про свой завод, начальника цеха, но громила просто рассвирепел после первого предложения. Шквал угроз и какого-то бреда про каких-то конкурентов обрушился на Васю. От страха у него

парализовало все члены, шевелились только редкие испуганные мысли: «Что этому бешеному от меня надо? За что мне это? Где же охрана?» Охрана не появлялась. Стрессы броневой снарядными били по душевному здоровью миллионера-неудачника. Годовая норма несчастий обрушилась на Горюхина. Отчаяние затопило оба полушария его мозга. Он униженно воззвал к небу: «Помогите, спасите, я больше не буду просить миллиона, не буду больше досажать своим нытьем, только освободите меня от этого кошмара! Пожалуйста!» Раздался звонок. Кулак оставил плечо в покое. Громила вопросительно посмотрел на Горюхина. Вася поднял трубку. Из трубки завопил визгливый женский голос: «Стас! Стас! Але! Ты где? Где тебя носит, я тебя спрашиваю? До концерта осталось всего 5 рейсов. Пять рейсов, ты слышишь? Я тебя убью, если не вернешься сегодня же! Опять по фанаткам пошел...» Громила с интересом слушал и смотрел на Васю. Васе даже показалось, что он смягчился.

– Так ты этот самый Стас? Этот самый маньяк, что ли? – громила опустил кулак. – Вот ты какой...

– Кто я? – успел спросить Вася громилу. «Так я спасен?» – успел спросить Вася самого себя.

После этого в его голове взорвался салют, и он осел на пол. Эльдар потер ушибленный кулак.

Раз собрать информацию о маньяке не получается, значит надо использовать то, что всегда под рукою – свою дедукцию.

А что? Если Шерлок Холмс мог раскрыть преступление, не выходя из квартиры, почему же Вике Ключевой – нельзя? И Вика Ключева решила разобраться в деле о маньяке, не покидая магазина «Стиляго Понти». «Дело на одну трубку», – говорил сыщик с Бейкер стрит. «Ща только платьё с выточкой посмотрю и во всем разберусь», – подумала Вика. Дедуктивный метод сначала не дал результата, а потом дал. Дал полезный, логичный совет: «А подключи ка свою интуицию». Вика подключила интуицию, и тут же пришло озарение: «Дура! Какая же ты дура! Вика!»

Салют в голове кончился. Горюхин открыл глаза. Над ним склонились какие-то люди. Громилу он узнал сразу. Это Горюхина испугало. Рядом стояла продавщица – это его успокоило. Следующее лицо показалось очень знакомым, да и фигура – тоже. Но где он видел эту девушку, вспомнить не получалось. Еще две фигуры постоянно выпадали из поля зрения, а голову поворачивать было больно.

– Это не Стас и не маньяк, – сказала девушка со знакомым лицом и знакомой фигурой.

– Как это не Стас, а? Слушай, как это не маньяк? Ты посмотри на него! – возмутился громилка. – Эй, ты! Я тебя спрашиваю. Ты маньяк?

Чтобы получить ответ громилка вежливо постучал телефоном по голове Горюхина, как в дверь к соседу.

– Какой я маньяк? Маньяк – это альтернативный образ жизни. Он берет то, что хочет. Не оглядывается на челове-

ские условности, законы там всякие, деньги. Мелочь в кармане не считает перед свиданием. А я... Я – простой обыватель. Хожу на работу, мучаюсь безденежьем, безумные поступки совершаю только в состоянии глубокого алкогольного опьянения.

Горюхин впал в состояние лирической жалости к себе, хотел рассказать о себе больше, поделиться своими мыслями, чувствами, хотел всплакнуть о своей доле, но аудитория не была настроена на его волну.

– Это Вася, – опознала Васю продавщица.

– Да, я всего лишь Вася, – признался Вася.

– Ему по телефону звонили, называли Стасом, – продолжал прокурорским тоном громила.

– Я тебе говорю, Эльдар, это не Стас, это клиент, который мне футболку заплакал.

Анна поморщилась при одном воспоминании.

– Ему по телефону звонили, называли Стасом, – упрямо повторил Эльдар.

– Вот уперся в свою версию, не сдвинешь.

– Тогда откуда у него теле...

– Стоп! А это не ты в маске зайца на нас напал? – вдруг подключилась Кристина Анатольевна.

– Я не нападал... Я просто...

– То-то я смотрю, эта дурацкая куртка мне знакома! Может ты не маньяк, но точно больной.

– А какой марки у вас кроссовки?

Сбитый окончательно с толку Горюхин обернулся в сторону странной особы экзальтированной наружности:

– Я не знаю.

– А какой у вас знак зодиака? Постойте, угадаю: дева или водолей?

– Что за бредовый перекрестный допрос. Какое вам до меня дело? Оставьте меня в покое! Я не маньяк, еще раз повторю, и не водолей!

– Значит, дева! – не унималась женщина-астролог.

– Да, я – дева. Но не маньяк!

– Оставьте его! Он не маньяк, – решила поставить точку над «и» Лиза, которой не хотелось терять время.

– Не маньяк? Ты в этом уверена, Лиза? – неожиданно раздался голос со стороны, откуда-то из-за кадра.

Все удивленно обернулись. А Горюхин обернулся еще и с испугом.

– Вика – ты?! – спросила ошарашенная Лиза, хотя видела, что перед ней Вика.

– Как видишь, – ответила подруга.

– Так значит, вы – честный человек, без сексуальных отклонений и агрессивных намерений? – пошел в атаку ново-прибывший следователь.

Горюхин поежился:

– Отклонений от чего?

Вика не ответила подозреваемому, потому что ее вопрос был риторический.

– А, где вы были, когда.... Нет, не так... А, что вы делали в свадебном салоне в маске зайца? – вид ее был торжествующий, как у прокурора, загнавшего подследственного в угол. – Не вы ли угрожали невестам расправой, кричали, что в вас проснулся зверь и сейчас вы начнете приносить человеческие жертвы?

Горюхину стало дурно, и он бы упал, если бы уже не сидел на полу.

– Вика, ты откуда? Ты откуда все это узнала? – очнулась Лиза. – Да, кстати это Вика – моя подруга. Вика тряхнула челкой в знак согласия.

– Дедукция.

– Что дедукция? Девушка, не говорите загадками, – взмолилась Кристина Анатольевна.

– Я узнала все с помощью дедукции.

И Вика рассказала, как она дошла до салона, а потом до дедукции.

– И, вот, я такая смотрю на платье... видели такое красное, вырез лодочкой? Юбка годо?

– Да, да. Кажется помню. – отвечала заинтригованная Кристина Анатольевна.

– Смотрю, в общем, на платье... кстати, пояс можно и другой, тонкий какой-нибудь лайковый, и говорю себе: «Дура! Надо не охранника спрашивать о нападении! А продавщиц о платьях!» Ну, пошла в салон и все, все узнала!

Вика повернула гневное лицо к Горюхину:

– Ты хоть понимаешь, что ты наделал? Ты платье от «Зибель Штрауса» порвал! И кто ты после этого?

– Ты хуже, чем маньяк, – согласилась Кристина Анатольевна.

– До магазина посуды ты бежал в маске. Идиот. Тебя все запомнили. Кого ни спросишь, все тебя запомнили. Все, просто все. Потом ты маску выкинул. Думал с толпой смешаться? От меня не уйдешь! У меня было полное твоё описание! – Вика торжествовала. – Это тебя мужики перестали замечать, охранники там всякие. А продавщицы, уборщицы – четко вспоминали твои финты пьяные и, главное, твою куртку дурацкую! Исчез с мужских радаров, а от женских тебе не скрыться! Понятно! И каково же было моё удивление, когда следы привели меня к кассам кино! Я такая стою, и тут до меня доходит, это же ты за мной очередь занимал! Дышал своим противным перегаром! Представляешь, Лизка, маньяк стоял у меня за спиной прямо в метре! Не, в полуметре от меня. Да, впритык он стоял! Стоял и дышал!

Вика сама еле сдерживала возбужденное дыхание. Она окинула всех горящим взглядом. Если бы Ватсон раскрыл преступление раньше Холмса, и то он выглядел бы менее победоносно, чем Вика Клюева.

– Ему по телефону звонили, называли Стасом, – Эльдар остался верен себе.

Она была единственная, кто улыбался Васе. На ней были джинсы и джинсовая куртка. Под курткой ничего не бы-

ло. Она опиралась на капот старинной иномарки. Рядом на капот опирался парень точно в таком же наряде. За спиной у них была дорога, уходящая в закат. Над головами буквы «Levis& freedom». Горюхин узнал это место. И место на плакате, и место, где этот плакат висел. Узнал магазин, примерочную кабину. До этого ему было дурно, теперь стало горько. Совсем недавно это было убежище, где он рассчитывал встретиться со своей Великой Удачей, а встретил Великое Разочарование, а теперь это место превратилось в какую-то камеру для допросов и унижений. Вася решил закрыть глаза и умчаться в страну ливайсов и свободы. И вот он уже там. Парень в джинсах отлучился за соседнюю скалу. Вася вышел к блондинке из-за кустов.

«Хай, бланди!» «Хай, стрейнджэ!» Затем у них состоялся немой диалог откровенными взглядами, и они сели в машину. А парень все поливал скалу и поливал. Они рванули к закату, ветер трепал их волосы, они наслаждались свободой и пейзажами. Ковбои с рекламы махали им неоновыми руками. Тут им пришлось заправиться, и тут же появилась заправка. «Тебе nuzhno kupit benzin i dzinsy. Андестенд ми? Dostavay svoyu million», – блондинка мило улыбнулась. Вася то ли поблек, то ли покраснел: «U menya netu... э... маней. Сорри». «Как? U tebya пусто?» – улыбка исчезла, – а это чё в карманах? Не, в левом. Выворачивай, давай! И чё за куртка у тебя дурацкая?!» – блондинка заговорила вечно недовольным голосом невесты Люды. Вася растерянно полез в карман

и вытащил пустой пакет. Вдруг затряслись стены и Вася упал на пол. Открыл глаза и тут же получил еще одну затрещину от громилы:

– Ты, че, злодей озабоченный, нас игнорируешь? Я те игнорирую! Ты кого игнорировать собрался? Я твоя реальность, данная тебе в болезненных ощущениях! Понял! Это мы тебя будем игнорировать, когда ты с зоны вернешься! А ты не смей нас игнорировать, понял?

“Ah, Vasya, Vasya...” – вздохнула блондинка с плаката.

19

– Эх, Копыто, Копыто! – ласково, по-отечески журил Патроныч Женька. – Хрена ли ты, мерин, в окно тогда не выпал? Хрена ли ты не разбился тогда в конскую лепешку?

Женек молчал, а мог сказать, что не разбился, потому что его спас Патроныч, собственными руками.

– Я для чего тебя спас? Для чего ты жить продолжаешь? У тебя какая цель в жизни?

Женек опять промолчал, хотя мог ответить, что это риторический вопрос.

– Обделаться на ровном месте?

Что мог сказать на это Евгений КАпытов, охранник, владеющий техникой ниндзя? Что, когда прибежал на склад, действительно чуть не обделался, увидев пустые полки и не увидев анькиного хмыря. Прибежал он без подмоги, без скорой помощи, потому как ему показалось, что он будет глупо выглядеть со своими призывами о спасении. Такой качок,

один в один Майкл Дудикофф, и, вдруг: «Помогите!» Получилось, что Женек был прав, когда не позвал на помощь, Дюша выздоровел и без нее. На Женька нахлынули чувства: отчаяние, паника, вселенское горе, черная злоба, бессилие, жалость к себе и боль в животе. Наконец наступил спасительный ступор. «Чё делать? Чё делать? Ничё не буду делать!» Женек сел на пол, прислонился к стене и закрыл глаза. Но тут же открыл и забился от страха в угол.

– АААА! Ахренеть! Твою мать! В чем дело?! – менеджер Анна не только кричала, она еще носилась по складу и пинала все, что попадалась. Она была в такой ярости, что мифические фурии перед ней спали бы с лица и попадали в обмороки.

– В чем дело, я спрашиваю?! Чё происходит? Где товар?! – Анна с размаху шарахнула по полке своей длинной, красивой ногой. – Задницу поднЯл! ПОднял задницу! Кому говорю!

Женек робко заскользил вверх по стенке. Анна тихо зашипела, отчего стало страшно еще больше: – Смотри мне в глаза! В глаза! Что про-и-зо-шло?

В ответ раздалось какое-то мычание.

– Рассказывай все, как было! – взорвалась Анна.

И Женек рассказал, как все было. Рассказал, как этот хмырь Дюша предложил товар украсть, как он, Женек, отказался, как бросился на защиту чужой собственности. Но хмырь был коварным и напал со спины. Женек ударился го-

ловой о... стену! Да! Теряя сознание, Женек попытался удерживать вора за штанину, но получил контрольный пинок в голову и отключился! Анна посмотрела, сначала подозрительно, а потом презрительно на голову охранника:

– Я тебя сейчас сама отпинаю, понятно.

– За что?

– За это жалкое вранье! Все! Готовься к смерти, сказочник!

– Ты серьезно? Да, чё я сделал-то? – дрожащим голосом залепетал Женек.

Майкл Дудикофф снова сбежал от него. Анна была абсолютно серьезна. Один предатель разрушил ее мечты, обстоятельства сломали ее планы мести, а теперь еще и это! Катастрофа на самом стабильном фронте ее жизни! Кругом предатели и подонки! Смерть всем! Анна была абсолютно серьезна! Смертельно серьезна. Жизнь Евгения Капытова, охранника и ниндзя, троечника по физике, отличника по физре, 2 месяца в самбо, 1 – в дзюдо, героя боевиков в темном кинозале своей головы – жизнь эта снова висела на волоске!

Спасение пришло неожиданно. Зашумела рация, и продаваясь сквозь помехи заскрипел голос Патроныча: «Копыто, скалолаз херов, ты где снова зависаешь? Ты задачи по матике решил? По математике! Я тебе задание дал! Жопа, я тебе за что деньги плачу? Прием». И хотя денег от начальника Женек еще не видел, он обрадовался, услышав знакомый

голос. «Шеф! Я здесь! Шеф, я тут! Я тут, снова на складе! Шеф, тут снова ЧэПэ! Шеф, возвращайтесь, пожалуйста! На меня напали и украли товар! Скорее! Прием!» Хорошо, что Майкл Дудикофф сбежал, а то бы он сгорел со стыда, услышав этот щенячий визг. Женек торжествующе посмотрел на Анну и помахал матерящейся рацией.

– Щас здесь Патроныч будет! Думаю, не время для драки. Посмотрим, как ты объяснишь, что делал посторонний на складе. Расскажешь ему про засаду на Стаса?

Затем Женек замолчал. После удара по голове зимним сапогом с толстой подошвой такое часто бывает.

– Это, чтобы твоя версия о нападении выглядела правдоподобнее. А то напали, об стену ударили, а синяков никаких нет. Правильно? А теперь слушай сюда. Не было никакой засады. Понял? Патронычу скажешь, что склад ограбил Стас с напарником. Понял? А я тебя перед этим попросила посторожить, потому что кто-то сюда утром уже проникал. Понял? А то... а то я скажу, что тебя с бабой здесь застукала!

– Понял.

Женек сказал, что понял, а на самом деле ничего не понял, только испугался напора озлобленной продавщицы.

20

– Эх, Копыто, Копыто, – это все, что сказал Патроныч, когда устало ввалился на склад. Он затравленно посмотрел на молодежь, пытаясь отдышаться. Потом в двух словах предложил сдохнуть недоумку-подчиненному, а когда тот остал-

ся стоять живой и невредимый, перешел к делу.

– Что за дела? – спросил Патроныч недоумка.

Копыто бодро отрапортовал про нападение на склад, про банду из двух человек, один из которых был сам Стас. «Складно брешет, пи..дит, значица наверняка. Патроныча не проведешь. Патроныч сто лет такие истории слушал. Ты бы еще пол часа заикался, если б тебя реально грабанули» – думал про себя бывший участковый. «Кто ж тебя надоумил? Кто тебе такую историю подсунул?» – продолжал думать Патроныч. Он внимательно посмотрел на Копыто, а Копыто, ища поддержки, посмотрел на Анну. Этот взгляд не ускользнул от Патроныча: «Ну, вот и ответ. Ну, вот и автор». Не подавая виду, что он раскусил заговор, Патроныч продолжил опрос свидетеля:

– Дык, это самое, а как, говоришь, выглядели нападавшие? Особенно меня интересует второй, не певец который. Копыто не заметил подвоха и решил дать полный словесный портрет хмыря.

– Это такой хмырь... Вроде мелкий такой, в смысле низкий... Хотя не совсем низкий. Волосы такие светлые, что ли... Ну, не совсем светлые... Женёк сбился. Не потому что плохо помнил, как выглядел хмырь, а потому что портрет никак не хотел становиться словесным. Слова, то прятались от Женька, куда-то в закоулки, в какие-то заброшенные извилины мозга, то толпились и толкались, не давая построить их в правильные предложения, как мелюзга из младших клас-

сов перед маршем в столовую на обед. Женек вдруг вспомнил мучения на литре, когда училка просила дать описание героя. «Опишите внешность и характер Печерина своими словами» – училка шла по рядам, а Женек пытался залезть под парту. Там он заочно получал двойку, и с облегчением вылезал на белый свет. Вот и сейчас он с удовольствием залез бы под парту, но парты нигде не было. Мозг хронического двоечника по лит-ре закипел, тут же сработал внутренний предохранитель и мозг отключился. Женек замолчал. Но у него есть оправдание: такие как Мизулькин реально трудны для описания. Сам Гоголь об таких людей перо сломал и вынужден был сдаться. «Легко, – говорил классик, – изображать характеры большого размера; там бросай краски со всей руки на полотно: черные палящие глаза, нависшие брови... перекинутый через плечо черный или алый, как огонь, плащ... но вот эти все господа, которых много на свете, которые с вида очень похожи между собой, а между тем, как приглядишься, увидишь много самых неуловимых особенностей, – эти господа страшно трудны для портретов». Увидел бы Гоголь Дюшу Мизулькина, так и прошел бы мимо. Прошел бы и не заметил. А попросили бы вспомнить, помолчал бы наверно, почесал бы пером затылок и неуверенно промямлил бы: «Да, хмырь какой-то».

Анна стала менеджером не просто так. Другие, может, и становятся менеджерами просто так, из-за длинных ног там, фигуры, красивого носа, вовремя показанного декольте...

но только не Анна. Она стала менеджером из-за длинных ног, фигуры, красивого носа, декольте и ОПЫТА! Она еще на рынке шмотками торговала, а уж потом в магазин перешла. Ей одного взгляда на человека достаточно, чтобы его размеры определить. Будь-то джинсы, будь-то рубашка, или костюм. Все определит: и рост, и длину рук, ног, и ширину талии, ворота. Ну и размер кошелька, конечно. Полная несостоятельность Женька-охранника дать словесный портрет Дюши-грабителя бесила ее. «Это ж надо тупой какой! (Это она про охранника подумала.) Вроде низкий, а вроде и нет. Что это за описание? 170-172 рост! (Это она про Дюшу.) Рубашка где-то 40 -44 размер. Ну, может рукава при 40-вом малы будут, а при 44 ворот будет великоват. Брюки... – Анна задумалась, – 46-й максимум. Длинна ??? – она представила Дюшу вытянувшимся по струнке, – Длина штанов – 80-82. Коротконогий у нас грабитель-то. Размер ботинок – наверняка лилипутский, 38-й максимум». Только точный размер головы не смогла определить Анна, потому что шапками не торговала. Вот это описание, так описание. А не какое-то там, понимаешь, нечленораздельное мычание! Как услышал бы такое Патроныч, как передал бы эту информацию по радиции, так Дюшу враз бы поймали! Но вот беда – не могла Анна-менеджер выдать всю эту драгоценную, точную информацию начальнику охраны. Как она может знать грабителя, когда она только что пришла? Никак.

«Даже соврать толком не может!» – обиделся на подчи-

ненного Патроныч. Ему надоело слушать это мычание и он оборвал Женка на слове «Эээ».

– Так, а это что? – Патроныч указал на валявшиеся старые брюки и кеды.

Анна с Женьком посмотрели туда, куда тыкал указательный палец начальника охраны.

– Ба! Это же его вещи. Это же его брюки и кеды! – вскрикнула Анна. – Вот, гад! Он переоделся во все новое. Какая наглость. И тут же ее озарило: «Теперь я точно смогу дать описание Дюши!»

– Слушайте и смотрите сюда. Дерзкий грабитель переоделся и оставил нам свои старые вещи. По ним мы вычислим его внешность. Размер его брюк, – Анна взглянула на бирку, – странно 49-й. Но есть ремень. Дырка на ремне самая последняя разношена, значит, штаны были ему большие. Его реальный размер 46-й максимум! Брючины подшиты, значит, коротконог наш грабитель. Длина внутреннего шва где-то 70 см. При таких параметрах размер рубашки тоже не велик – 40-й размер. В общем, рост грабителя где-то 172 сантиметра, ну 174. Волосы русые, глаза серобурмалиновые. Шучу, – осеклась Анна.

Патроныч от удивления выругался матом и даже забыл придать лицу свое фирменное каменное выражение. Это было удивление удвоенной силы. Во-первых, потому что грабитель все-таки был. Во-вторых, потому что какая-то продавщица смогла по штанам дать описание подозреваемого.

За сто с лишним лет назад до Патроныча точно так же, по такому же поводу в одном из универмагов открывал рот от удивления писарь Первого бюро полицейской префектуры Парижа Альфонс Бертильон. Писарь примеривал свадебные фраки под строгим надзором своей невесты. Пять фраков она забрала еще до того, как он их надел. «Этот будет велик. У этого рукава короткие. У этого рукава слишком длинные. Это фрак для толстых. Этот – не по твоей широкой спине». Но и те, которые мерились, регулярно не совпадали с его фигурой. Застенчивый Альфонс стоял в одной рубашке с манишкой и сторал со стыда. Его могли увидеть в таком неприличном наряде. Пытка казалась бесконечной. Он с ужасом думал о предстоящей примерке брюк. На 11 фраке он не выдержал: «Ладно, сдаюсь. Мы идем к портному. Хотя это и разорительно». Невеста только лукаво улыбнулась. Когда портной снимал мерку с Альфонса, порхая вокруг его тела с сантиметром, завязался исторический, судьбоносный разговор.

– Послушай дорогая, я не знал, что подобрать фрак на мою так трудно. Неужели я такой особенный.

– О, Альфонс, ты у меня уникален.

– А отец мне всегда говорил, что я обычный буржуа.

– Все люди особенные, – встрял портной. – У людей может быть одинаковый рост, одинаковая талия и т. д, но чтобы совпали все пятнадцать замеров для фрака и брюк, такого я не видел на своей памяти!

Озарение снизошло на Альфонса:

– Вот! Вот что надо делать с преступниками!

– Что надо с ними делать? Шить им фраки? – сострила невеста.

– Нет же! Обмеривать их! Тогда мы всегда будем знать кто перед нами, даже если жулик сменил имя!

К чести Патроныча, он быстро оправился от удивления.

– Я чо, портной тут вам? На фиг мне эта цифирь? Хотя рост – это хорошо. Вы мне про особые приметы скажите. Ну, Копыто, какие у него особые приметы: бородавка на лбу, родимое пятно, косоглазие, нос сломанный, на пример? Или шрам, или зуб золотой, или железный? У нас в отделении у мужика одного было два золотых и аж пять железных зубов! Я его до сих пор помню. Как сейчас прямо перед глазами стоит! Только фамилию забыл.

Копыто поскреб память на наличие примет хмыря, но ничего не наскреб. Да и не заметил ничего с самого начала.

– Хреновый из тебя свидетель, – оценил молчание подчиненного Патроныч и привычно заорал в рацию:

– Всем постам, ...лядь! Всем постам, в душу мать! А ну, проснулись раздолбаи. У нас двое подозреваемых в грабеже. Один из них этот певец вчерашний, другой мелкий, щуплый, в новых джинсах и туфлях. Задержать обязательно! Да меня слышит вообще кто-нибудь? Прием! Что за рация дурацкая? Кто ты делал, дуру такую? Ты, ваще, работаешь, а?

Рация что-то прохрипела и начала отвечать Патронычу:

– Пятый пост вас понял. Шестой пост все понял и т. д.

– Ну то-та!– удовлетворенно крикнул главный охранник, – еще бы ты у меня не работала. Я б тебя... Я б с тобой... хрен знает что сделал тогда.

Поговорив с рацией, Патроныч с обратился к Анне-менеджеру:

– Ну, сейчас начнется! Опечатываем склад и на охоту!

– А что тут у него в карманах звенит?

21

Дюшу распирало от собственной крутизны. Он шел уверенной походкой, расставляя носки новых штиблетов врозь, не уступая дороги прохожим, дерзко смотря им в глаза. Он презрительно окидывал взглядом мужчин, откровенно разглядывал девушек. Мысленно он уже купил себе телефон и начал раздавать свой номер красоткам направо и налево. «У меня бизнес. Так ничего серьезного – оптовая торговля. Но на randevу в Сочи хватит. Позвони, если интересно. Сейчас занят, давай вечером. Надо партию джинсов отвезти... ОТВЕЗТИ?» Тут Дюша вспомнил о своей машине, затем о ключах от машины. Рука рефлекторно ударила по правому карману, но ничего не нашла. «ГДЕ?! ГДЕ ОНИ?!» В груди похолодело, в глазах потемнело, в ногах появилась слабость необычайная, Дюша рухнул на скамейку. «ЗАБЫЛ! КАК Я МОГ ЗАБЫТЬ?! ПРОСТО ЗАБЫЛ!» Стаи девушек разлетелись прочь, так и не взяв его телефон. «Забыть ключи – такое встречается сплошь и рядом. Каждый день такое с кем-

нибудь происходит. Но почему Я! И почему сейчас?!» Только что судьба улыбалась ему широкой улыбкой продавца, а теперь со всей силы пнула его под дых, как злобный охранник. Даже нет, она улыбалась, и в это же время держала такую фигу в кармане! Фальшиво улыбалась Дюше фортуна. «Это несправедливо!» – спихнул вину со своей дырявой головы и на свою судьбу вор-неудачник. Мысль заметалась фонариком по темному складу памяти: «Где же я оставил ключи? В борсетке? В брюках? Если в борсетке, где права лежали, то нет уже у меня машины. Едет на ней какой-то гад, вору и радуется. Если в брюках, то машина здесь, но ключи у заклятых врагов. А скоро ключи и машина будут уликами в милиции! Что я наделал?! Что делать?! Что будет?!» Необратимость содеянного и неотвратимость расплаты придавили Дюшу. Придавили и... раздавили в нем дерзкого вора, преступившего через обывательские правила. «А! Почему я не купил первые попавшиеся ботинки не ушел домой?»

22

С чужой борсеткой Константин Тараканов уверенно карабкался по пирамиде потребностей имени социолога Маслоу. Про первый уровень пирамиды – безопасность – индивид Тараканов даже не вспоминал. Кому нужно гоняться за солидным покупателем с солидной кучей пакетов, в модном прикиде? Чувство голода он удовлетворил здоровым царь-бургером. Правда, какой-то олух, долго тормозил, прежде чем принести еду. Купленный шарфик для Ляли да-

вал шанс на заслуженный вечерний интим. Впрочем, тут не было полной уверенности. Ляля была непредсказуема. Иногда давала за пиво, а иногда начинала с этого пива рыдать. Эту неуверенность в сегодняшнем вечере компенсировали перехваченные взгляды заинтересованных женщин и даже сверстниц. В общем, базовые потребности были удовлетворены или были близки к удовлетворению. Стоит ли говорить, что следующий уровень «профессиональное самоутверждение и карьерный рост» Таракан прошел с блеском. «Профи», «матерый», «виртуоз» и даже «Мастер с большой буквы» – такими званиями Таракан мысленно награждал самого себя. На повестке стояло общественное признание.

Признание пришло само собой. В отличие от своей жертвы, гражданина Мизулькина, Таракан не смотрел на ценники. В глазах продавцов он занял верхнюю строчку в рейтинге покупателей. Пакеты в руках добавили ему солидности. Продавцы и продавщицы окружили потенциального покупателя вниманием и заботой. Одни хвалили Костину эрудицию, другие – тонкий вкус. И чем больше Костя примерял, приценивался, расспрашивал, тем больше к нему проникались уважением и даже, как однажды показалось Косте, любовью. Когда же он примерил самые дорогие часы «Лёлекс», с ним стали обращаться как с особой королевской крови. Церемониально предложили посмотреть еще пару часов для парадной и повседневной носки. Элегантные «Одиссей Зюйд-Вест» на каждый день с автоподзаводом и массив-

ные, но строгие, для деловых встреч высокого ранга «Лапшерон Константин». Последние Косте конечно понравились. Пятнадцать минут в часовом бутике – и человек, которые еще этим утром носил треники, уже знал почти все, что нужно знать представителю ново-русской элиты. Про корпус из красного золота, про хрусталь вместо стекла, алмазные ходовые шестеренки в несколько карат и прочие полезные вещи. Остальные знания он подчерпнул в бутике парфюмерном. Оттуда он вышел надушенный разнообразными пробниками и точно знающий, что «Скин оф диктейтор» – это вчерашний день. Для осведомленного приличного человека этот парфюм все равно, что прокисшая брага в сравнении хорошим скотчем. Аромат этого года – «Хьюго Баскервиль». Темная страсть» или на худой конец «6-ая авеню, дом №5, 3-ий подъезд» от...как там его.... не важно. Денег уже не было, но Косте не хотелось расстраивать таких хороших людей, и он откладывал вещи, обещая за ними вернуться. И тут, как и предсказывал социолог Маслов, Костю Таракана обуяла жажда творчества – высшая потребность в пирамиде потребностей. Поразительно, в 99 %, ну, скорее в 98% случаев предсказания социолога Маслова не сбываются, а тут сбылись. Вот ведь сила науки. Жив бы был Абрам Гарольдович, поразовался бы. Но он умер. Первым делом в Таракане проснулся художник. Художник послунял бумажный пробник и приклеил его девушке, которая обнималась с пурьюком «Шанели» на плакате. Получилась девушка с усами.

«Ай да, Костя, ай да, сукин сын!» – похвалил себя начинающий авангардист. Он сделал шаг назад, любуясь своей картиной, и тут увидел картину гораздо более интересную. Прячась за рекламу, приличного вида девица, откусывала помаду. Костя сначала не понял происходящего. Зачем? Но когда, поедательница помады, увидев свидетеля, испуганно засеменила к выходу, вор все понял.

– У вас тут помаду тырят! – бросился Костя к продавщице.

– Бывает, – вздохнула та, – спишем.

– Может, надо камеры слежения поставить, как в кино. Охранников побольше, – предложил Костя. – Дорого. Дешевле списать.

Константин Тараканов вышел из магазина и долго удивлялся. «Офигеть, об этом надо кино снимать! Вор такой откидывается с зоны, приходит домой, оглядывается, а вокруг все воры!» Потенциальный режиссер отправился посмотреть видеокамеры в магазин техники. Ослепленный жадой творчества он не замечал сияющих хромом кухонных комбайнов, космических электрочайников, мощных вентиляторов, обогревателей, электробритв. Даже телевизоры не привлекли его внимание! Но все равно до видеокамеры он не дошел. На его пути встал небольшой, скромный стеллаж, заставленный малочисленным товаром. Костя встал перед ним, как вкопанный. Руки сами потянулись к небольшому продолговатому предмету.

– Микрофоны интересуют? – вдруг, откуда ни возьмись, выскочил подлец-продавец.

Костя с испугу чуть не упал.

– Твою мать, – ругнулся он в ответ и замахнулся пакетами на парня в форме, – да, интересуют.

– Можно на караоке товар проверить. Вам какой? Для классики, для джаза, или позвонче, для попсы?

– Я не знаю, – замялся Костя. Через минуту он самозабвенно повторял за экраном: «Ё май хард, ё май соул. Айл кипит шайнинг эвривей ай гоу...»

23

Если бы Василий Горюхин не получил тумака, то мысли его были бы такие: «Вот я раньше все надеялся на случай, на удачу, роптал на их отсутствие. Но совсем забыл, что случай может быть как счастливый, так и несчастливый. Может весь этот бред и эти больные люди, охотники за маньяком свалились на меня в наказание именно за то, что я так долго требовал чуда в рублях?» Потом он бы вспомнил Наполеона из романа «Война и мир», который тоже верил в свою удачу, но вдруг в пылу Бородина понял, что удача может изменить ему, что есть тысячи возможностей для того, чтоб все полетело к чертям. Взор Василия Горюхина стал бы задумчив, лицо приняло бы одухотворенное выражение, то самое которое нравится некоторым девушкам, как раз таким, как Лиза Курицына и Надежда Алилуевна, и тогда, глядишь, у него могли появиться заступницы. Но Эльдар посчитал, что

пара легких затрещин ускорит процесс дознания. Затрешины произвели на Васю сильное впечатление, но совершенно противоположное тому, что ждал Эльдар. Оскорбление в присутствии дам было чересчур унижительным. Вася собрал по крохам остатки храбрости, раздул в себе, как в печке, маленький огонек ярости и бросился в атаку.

– Уберите от меня руки! А то я вам их поломаю! – и добавил для усиления устрашающего эффекта, – в пяти местах, понятно! Я на зоне и не таких амбалов... того, – Вася запнулся, потому что не хотел повторять слово «ломал».

В школе на уроках литературы его учили, что повторять слова в близких предложениях – это не красиво и показывает ограниченный словарный запас. А надо же показывать безграничный словарный запас. Пока он искал подходящий синоним, Надежда Алилуевна искала амулет-миротворец, Кристина Анатольевна ничего не делала, Лиза думала: «А не спросить ли подозреваемого, где он был этой ночью и есть ли у него алиби», а Эльдар удивлялся. Еще Вася запнулся, потому что на зоне он не был, а только мечтал там побывать, а, может, уже и не мечтал. Ему было неловко за свое вранье, но слово не воробей.

Эльдар не любил удивляться. Не любил всякие неясности и загадки. Поэтому он внес ясность в ситуацию. Самым простым и доступным способом. Вася отлетел на прежнее место, держась за плечо, так и не найдя синоним слову «ломал». Лизин вполне разумный вопрос про алиби на ночь стал не акту-

альным. Подозреваемый был недоступен для вопросов. Он молча вскочил на ноги и снова ринулся на abordаж амбала. Амбал встретил его левым джебом. Васина голова неловко дернулась, мозги встряхнулись, и синоним тут же нашелся. «Давил». Джеб повторился. Далее пошло какое-то вялотекущее избиение. Кристина Анатольевна откровенно заскучала. Таких сцен она насмотрелась за свою совместную жизнь с Буряком предостаточно. Буряк регулярно выбивал из разных людей то деньги, то правду, то ложные показания. Вика тоже отнеслась терпимо к избиению маньяка. Он же маньяк. Пусть получает по заслугам. Тем более он такое платье порвал. Но на защиту подозреваемого бросились: Лиза, которая не верила в его виновность, и Надежда Алилуевна, которая не могла смотреть на грубое физическое насилие. «Потому что, – как она часто говорила, – грубое физическое насилие – это ответвление грубого физического материализма. Высокодуховная личность, парящая в астрале, не может опускаться до грубой физики».

– Прекратите, – закричала Лиза и повисла на левой руке Эльдара.

–Миру мир! – воскликнула Надежда Алилуевна и, махая значком от мерседеса, пнула агрессора, несмотря на свои принципы.

Смотреть на насилие она не могла, а пинаться могла. Но промахнулась. Наверное, принципы помешали. Эльдар убрал женщин с линии огня и приготовился закончить воз-

ню с маньяком контрольным хуком. И тут Анна, про которую все забыли, вмешалась в ситуацию и все исправила. Она взяла трусики «Инженю» от «Кики сикретс», встала напротив зеркала, но так чтоб начальник ее видел, приложила их к талии и защебетала:

– Эльдарчииик! А, Эльдарчик, скажи, мне идет? Ну, скажииии. Она приняла несколько поз в фас и профиль, затем повернулась зеркалу передом, а к начальнику задом. Боевые действия прекратились сами собой. Эльдар выдохнул и опустил руки.

– Ну, чё молчишь-то? – Анна убедилась в произведенном эффекте и положила трусики на место. Снова зазвонил телефон. Все замерли и напрягли слух.

– Кто говорит? – задыхаясь, пролепетал Горюхин.

– Послушай, Стас, – на этот раз голос был более миролюбивым. – Ну, что ты капризничаешь? Тебе денег что ли выслать на билет? Плюс твою долю за концерт?

24

– Да, я не...! – Вася хотел крикнуть: «Да, я не Стас! Слышите! У меня из за вашего Стаса проблемы. Ищите вашего Стаса в другом месте!», но осекся.

В кино такие моменты изображаются резким наездом на глаза персонажа под короткий энергичный музыкальный проигрыш. В книжках пишут про внезапное озарение, или про внутренний голос. У Васи все было по-книжному. В го-

лове захрипел мат, затем из мата прорвался чей-то хриплый истеричный крик: «Чо,ты, думаешь еще?! БЕРИИИИ! Вот она удача! Вот она награда за все! Вот к чему все шло!» Снаружи это озарение выглядело менее бурно, Вася долго заикался:

– Да, я не... не... не... не... не против! Высылай... те. И это... я тут должен еще немного денег.

Вася закрыл трубку ладонью и повернулся к сумасшедшему амбалу:

– Сколько вы хотите, за то что отвяжетесь от меня со своими дурацкими подозрениями?

Эльдар начал лихорадочно думать над предложением. Сколько попросить, чтобы не продешевить и, одновременно не перегнуть палку?

– Ну быстрее же! Ну, шевели мозгами, – у битого затравленного маньяка вдруг прорезался командирский голос.

– Ты попроси билеты в бизнес-класс, пока он думает, – пришла на выручку шефу находчивая Аня.

– Билеты в бизнес– класс, пожалуйста.

– Вы что, хотите взять чужие деньги? Вы же не Стас! Вам до него, жалкий человек, как до звезды! – возмутилась Лиза.

– Что значит «жалкий», почему это мне до этого клоуна, как до звезды?– взвизгнуло уязвленное самолюбие Василия Горюхина. – Да, если хотите знать, взять с них деньги – благородное дело. Это штраф за порчу музыки! Да я бы сажал с полной конфискацией имущества за этот опиум для народа,

который льется со сцены!

«Сто рублей требовать или двести?» – думал Эльдар, но услышав слово «опиум» решил поднять ставку до трехсот.

– Триста! Триста рублей! Но хозяина магазина уже никто не слышал и не слушал.

– Чё ты сказал? «Порча музыки», «опиум». Сам ты «порча», понятно! Стас – клевый! И музыка у него клеевая! Сам-то ты, что написал? Ноль, ты, без палочки! – Вика была в бешенстве.

– Ты на себя посмотри! – подключилась к травле маньяка Кристина Анатольевна. Стас стройный, подтянутый, успешный. За один концерт зарабатывает столько, сколько ты за пятилетку не заработал. А ты? Весь помятый какой-то, потертый, нищий, с перегаром изо рта, и еще что-то вякаешь. Конечно, кто такого полюбит? Кто такому даст? Вот такие и становятся маньяками.

– По моей теории, бренды защищают от сил зла, как раньше – амулеты. Чем известней бренд – тем его магическая сила больше. Человек без брендов беззащитен. Точнее, его астральное тело. Его душу могут захватить черные демоны, и он навсегда останется под влиянием темных планет! – глаза Надежды Алилуевны горели священным огнем, она вещала, как оракул, надышавшийся сероводорода из преисподней. – Посмотрите, – она указала пальцем на Горюхина, – посмотрите, на нем нет лейблов. А если есть, наверняка, они какие-нибудь слабые, неизвестных брендов. Скорее всего, его

захватили темные силы. Светским языком говоря, он – маньяк. Его странная куртка, безумного цвета, доказывает, что страсти рвутся наружу.

Вася замер в шоке. Он продолжал зажимать телефон ладонью, голос из трубки бился в эту ладонь, как горох в стену.

– Вы же только что меня защищали. Я думал, вы нормальный человек... – пролепетал Вася, – А теперь этот воспаленный бред...

– Четыреста рублей! Попроси четыреста рублей! Когда отдашь, я тебя отпущу! – Эльдар почувал добычу.

Вопрос о маньяке, о том, кто перед ним, Стас или ноль без палочки, перестал для Эльдара иметь значение. И ответы тоже перестали иметь значение. Вася пошел ва-банк: – Четыреста вам, остальное мне. Деньги на билет и выручка за концерт мои. По рукам?

– Хорошо. Погнали доить корову, – согласился предприниматель в первом поколении.

Вася отнял вспотевшую ладонь от трубки и заговорил хозяйским, развязанным тоном:

– Так, мне нужно деньги на билет, мою долю выручки за концерт и четыреста сверху. Тогда я приеду, спою что-нибудь из раннего...

– Стоп, – раздалась команда из трубки, – Это кто тут говорит, а?

– Это я тут говорю! – зарычал в трубку Эльдар, выхватив ее у напуганного Горюхина. – Я говорю, понятно. Твой Стас

мне должен, понятно. 500 рублей, понятно! А голос у твоей певички изменился, потому что он пьян, и я набил ему морду, понятно. Гони мои деньги и я отпущу твоего пискуна! Со мной шутки плохи. Я кадык ему вырву, если чё! Я слов на ветер не бросаю. Я реальный чувак, понятно?

– Кто, кто ты такой? – завизжала трубка.

Давно с реальным чуваком Эльдаром никто так конкретно не разговаривал. Тем более женским голосом. С каждой яростной угрозой джинсовый предприниматель проникался к оппоненту все большим уважением. Когда тирада из фени и мата закончилась, он почти благоговейным шепотом сказал в трубку:

– Триста рублей, уважаемый. Э, уважаемая.

Еще через минуту разговора он попросил двести. Сошлись на ста. Блиц перевод будет сегодня через Банк «Пирамида», который находился в торговом центре, на имя Стаса.

На протяжении всего разговора Лиза хотела кричать о подлоге, но визгливый голос из трубки напоминал ей вечно взвинченную Светлану Михайловну. А у Лизы всегда пропадал дар речи, при столкновении с такими людьми. «Тоже, наверно, заслуженный педагог», – пришло ей в голову. Но когда телефонные переговоры закончились, и дар речи вернулся, это наблюдение из головы вылетело.

– Вы не Стас и не маньяк, вы – самозванец! – вынесла вердикт Лиза.

– Он не Стас, но маньяк! – Вика стояла на своем.

Лиза закипела от гнева:

– Ты, я вижу, решила поиграть на досуге в детектива? Славы хочется? Для тебя это развлечение, а для кого-то вопрос жизни и смерти!

– Ты просто ревнуешь. Думаешь, что только ты одна права? Заиклилась на своем Стасе. Не видишь очевидных истин! – парировала Вика.

– Вы, это, разбирайтесь между собой сколько угодно, только не у меня в магазине, понятно, – Эльдар указал спорщикам на дверь. – А мы в банк пойдем за деньгами.

Выходя, Лиза обернулась к Анне с трагическим видом непризнанного пророка, как бы говорящим: «Помните мое предостережение! Звезды не те, кем они кажутся». Кристина Анатольевна посмотрела вслед удаляющейся Лизе, еще раз критически прошлась взглядом по ее фигуре, и затем полностью переключилась на новую задачу.

– А мы, пожалуй, останемся, – обратилась она к Надежде Алилуевне, – подберем что-нибудь из джинсов. Мне-то джинсы носить можно. Имея в виду, что Лизе – нельзя. При этом она кокетливо взглянула на Эльдара, но тот, подцепив псевдопевца и квазиманьяка, уже потянулся в банк. «Ну и дурак», – подумала Кристина Анатольевна про хозяина джинсовой лавки. «Дурак» в смысле, что не обратил на нее внимание, и «дурак» в смысле «кто ж тебе даст деньги в банке без самого Стаса и без его паспорта». Но вслух она это не сказала.

Вика увязалась за Эльдаром и Горюхиным. – Вы что, не собираетесь сдать его милиции? Вы что, купились на эти жалкие деньги?

– Девочка, послушай опытного человека, деньги жалкими не бывают.

Эльдар заговорил менторским тоном:

– Для того, кто как я, зарабатывает их в поте лица... (тут он вспомнил баню, где потел, проводя переговоры о трех уличных туалетах с главой микрорайона, и улыбнулся сам себе) ... каждая маленькая прибыль – это большой шаг к состоянию. Состояния с неба не сваливаются. Надо крутиться.

От этих слов Вася проникся уважением к своему компаньону. «Вот человек! Не то, что ты» – брезгливо сказал он сам себе.

– Но он же маньяк! Вы его отпустите с деньгами, и он продолжит свои ужасные преступления, – не унималась Вика, тыкая пальцем в Горюхина.

– Не перебивай, старших, – оборвал ее Горюхин, – продолжайте, пожалуйста. Мне ваши мысли очень даже интересны.

Эльдар впервые нашел такого благодарного слушателя и неожиданно для самого себя выболтал свой бизнес-план по освоению целинных ста рублей.

– Вот смотри, – и Горюхин внимательно посмотрел на собеседника, – беру я сто рублей и иду к Анзору. Анзор – сапожник. Говорю: «Анзор, дай мне обрезков кожи. Где-то такого размера». Эльдар сделал ладонями сердечко, а потом

сузил его до трапеции. - Анзор дает мне кожи. Я даю ему 30 рублей, не, 40 рублей даю, и говорю: «Анзор, выжги на этих кусочках вот рисунок, как на американских джинсах». Анзор знаешь как лошадей рисует? Потрясающе рисует. Лейбл будет лучше, чем оригинальный. Потом пойду к Рина... - Эльдар осекся, решил не выдавать место, где берет дешевые китайские джинсы из Турции, - в общем, куда надо пойду, джинсы достану. Потом пойду к Марьиванне в ателье и дам ей 20 рублей. Дам 20 рублей и скажу: «Пришей, Марьиванна, это к этому». На оставшиеся сорок рублей друзей угощу! А потом продам все и получу тысячу рублей. Нет, тысячу двести пятьдесят!

Но тут радость от получения тысячи рублей и еще двухсотпятидесяти в придачу была омрачена мыслью, что Анзор за лошадку на лейбле возьмет не меньше пятидесяти пяти рублей. Сорок плюс пятьдесят пять получается девяносто пять рублей. Плюс двадцать Марьиванне. Это ж грабеж!

- Нет, другой бизнес-план родился! Поеду к Сергейсеменычу в Дмитровград на мебельную фабрику. Скажу: «Сергейсеменыч, дай дерматину на 50 рублей. Потом к Марьиванне поеду, скажу: Сшей, Марьиванна чехлы на автомобильные кресла и дам ей 30 рублей. Потом приду на рынок и продам все и получу тысячу пятьсот шестьдесят пять рублей!

Но и тут ждал Эльдара облом - за место на рынке надо будет отвалить сто рублей!

– Стоп! Рынка же теперь нет! Чехлы теперь в магазин сдавать придется, а там комиссию возьмут и цену сбросят. Трудно нынче бизнес вести. Толи дело лет 15 назад. Рыбхоз чешую и тухлятину на берег сбрасывал, так я из нее клей начал варить.

Идейный наследник Костанжогло мечтательно посмотрел куда-то в потолок.

– За лето получил 300 тысяч старыми и пять лет за спекуляцию. Да, к Анзору надо идти. Делиться надо.

Эльдар повернулся к маньяку, который должен был принести ему сто рублей дохода. Маньяка рядом не было.

25

Маньяк был в метрах пяти и пытался вырваться из цепких рук Виктории Ключевой. Он вырывался молча, делая умоляющее лицо, а Вика в ответ молча отрицательно мотала головой. Она давала ему шанс вернуться в лоно компании без скандала. Горюхин был готов выскользнуть из куртки и убежать, как ящерица, которая жертвует хвостом ради спасения. Но ему стало жалко теплую, хоть и неказистую вещь. Привязанность к вещам подвела Горюхина. Если бы он был высокодуховной личностью, презирающей вещи, он бы вырвался на свободу. Но нет, он был в плену у своих вещей и своих желаний. Все еще дергаясь, Вася с ужасом наблюдал за громилкой, который отвлекся от своих бизнес-планов и стал поворачиваться в его сторону. Их взгляды встретились, и Вася перестал сопротивляться. Его руки опустились сами собой.

«Я не высокодуховная личность так мне и надо!» – подумал Вася, поправил куртку и зашагал под конвоем навстречу катастрофе.

Страшная истина, что в банке его ждут не деньги, а катастрофа, открылась Васе на слове «дермантин». До этого в его правом полушарии рисовались картинки их совместного с Эльдаром бизнеса. Причем себе Вася отводил роль мозгового центра. Вот они сидят в кабинете, оба в костюмах, бизнес идет замечательно, как по нефти. Вася предлагает какие-то новые схемы, а Эльдар почтительно соглашается. «Чехлы из дермантина – это не комфортно. Давай из него что-нибудь другое шить, – предлагает Вася, – например ...корочки для паспортов. Да, корочки! Для паспортов! Смотри!» Вася лезет за паспортом... И тут в левом полушарии Горюхина загорается красной лампочкой и звенит сигнальной сиреной горькая, ужасная мысль: «ДЕНЬГИ МОЖНО ПОЛУЧИТЬ В БАНКЕ ТОЛЬКО ПО ПАС-ПОР-ТУ! Паспорту Стаса Атасова!»

26

Преимущество диванов модели «Фаворит» Шмаровской мебельной фабрики заключается в компактности. Легко и удобно помещается шмаровский диван «Фаворит» в малогабаритной квартире. Тысячи людей оценили это преимущество, а вот Феликс Эдмундович Буряк не оценил. Не помещался Феликс Эдмундович на таком диване. Точнее помещался, но не весь. Он был слишком крупной личностью для

этого дивана. То нога соскользнет, то рука. То шея затекает, то ухо на шов легло. Неудобно было спать Феликсу Эдмундовичу. Не получалось провалиться в сон до полного забвения. Все слышал сквозь сон хозяин торгового центра. И как занижают количество стульев по накладной, и как поломали шкаф при доставке и чем вчера занимались на соседнем кресле. Феликс Эдмундович так устал ворочаться во сне, что испытал благодарность к телефону, когда тот зазвонил. Без всякого «здрасьте» из трубки полилось:

– Ты охренел? Ты охренел, я тебя спрашиваю? Его какой-то мудака уже в заложники взял, выкуп требует!

– А? – выразил свое непонимание Феликс Эдмундович.

– Стаса в заложники, говорю, взяли! Мальчик напуган. У него с голосом какая-то фигня. Я аж не узнала его. Может, он там пьяный? А ты в это время чем занимался, а? Я тебе что говорила? Ты думаешь, что я шучу что ли?

Феликс Эдмундович хотел вставить хоть слово, рассказать, как ему было нехорошо, а сейчас более-менее хорошо, что он готов познакомиться, разобраться, помочь, но вставить слово было некуда. Между словами, которые сыпались на Феликса Эдмундовича не было зазора.

– Значит так, ты идешь сейчас в банк «Пирамида» и ждешь этих красавцев. Я им должна туда денежный перевод отправить. Там забираешь у этого мудака моего Стаса и сажаешь его на самолет. Лично сажаешь его на самолет! Понятно? Действуй!

Трубка отключилась.

27

– Понимаешь, у человека должна должна быть цель в жизни.

Тренер заметил туповато-скучающее выражение лица у визави и треснул по этому визави со всего размаху.

– У нормального чувака должна быть цель! – заорал он для большей доходчивости. – Ты должен выиграть этот турнир, понятно. Это твоя цель. Слабак вроде, вон, Тетехина, боится драться, поэтому боится ставить перед собой цель. Говорит, что ему медали не нужны. Не нужны ему, понимаешь, медали. Отговорки слабаков это все! Ты – слабак? Я спрашиваю, ты слабак?!

– Не, не слабак, – проямлил юный стриженный боксер.

– Я не слышу тебя, Феликс?

– Я не слабак.

– У тебя есть цель в жизни?

– У меня есть цель в жизни.

– Ты выиграешь турнир?

– Я выиграю турнир.

Вечером того же дня, за гаражами главный соперник Феликса в турнире неожиданно встретился с кирпичом. Подельники Феликса – Васька и Колька – были слабы в боксе, но в метании кирпича в спину были чемпионы. Это стоило Феликсу червонец. Он выиграл турнир и навсегда запомнил

урок тренера – «У человека должна быть цель в жизни».

Вот и сейчас он твердо и уверенно шел к своей цели. Он вернет этого Стаса в Москву, докажет, что он – солидный бизнесмен и надежный партнер, а не какой-то провинциальный гопник, которого надо закопать в лесу. Он шел к своей цели невзирая на многочисленные помехи: легкое недомогание в голове; короткую отвлекающую юбку на втором этаже, с которой было долго по пути, а потом не по пути; отвлекающие джинсы в обтяжку, которые облокотились на перила; декольте, которое ехало на встречу по эскалатору; пиво в руке у мужика; пиво в руке у другого мужика; три банки пива в пакете у третьего мужика; ящик пива, который нес еще один радостный мужик; три ящика пива, которые ехали на тележке с грузчиком в черном, выцветшем халате... Но несгибаемый Феликс Эдмундович шел прямо к цели. Непокколебимо, сцепив зубы, наливаясь ненавистью от нереализованных желаний.

Отвлекись он хоть на одну из этих помех, по теории Надежды Алилуевны все пошло бы по-другому. Надежда Алилуевна заговорила бы здесь о случае, судьбе и знаках, а Петровский сказал бы, что никаких знаков и судьбы нет, что мелкие колебания не изменят генеральной линии поведения, что все, как шло, так и будет идти. Но Феликс Эдмундович даже не колебался, не дал повода этим резонерам поспекулировать на тему судьбы.

Прорвавшись сквозь помехи, человек, у которого была

цель в жизни, вошел в банк. Он отмахнулся от подлетевшей к нему девушки в униформе и встал по-хозяйски в центре зала. Медленно, как киборг в кино, Буряк просканировал помещение. Никто из окружающих не был похож на Стаса. «Цель не обнаружена», – доложил мозг. Смутный образ певца находился где-то в оперативной памяти, был связан в нейронную сеть с восторженным и назойливым жужжанием жены Кристины, с дребезжанием бухгалтера, с каким-то завыванием по телевизору, а так же с черным «мерсом», словами: «круто», «ни у кого не было» и с завистью коллег на банкете. Самого Стаса он видел мельком, перед открытием. «Подождем», – целеустремленность сочеталась в Феликсе Эдмундовиче с терпением киллера. «Блин, да сколько ждать-то», – лопнуло терпение киллера через 57 секунд. Да и киллером Феличита был так себе. Да и не долго он им был. Однажды стоял на шухере, да, и то, за пивом убежал. Он и сейчас уже собрался за пивом пойти, так сказать, влиться в когорту беззаботных людей, но ему помешали. Странная компания ввалилась в банк. Крепко-сбитый мужик пихал перед собой какого-то мятого субъекта, а за ними семенила что-то щебечущая курица. Лицо крепкого мужика показалось знакомым. «Знакомая рожа, откуда знаю?» – запросил свою память Феличита и, не дожидаясь ответа, рванул в разведку.

– Здорово! Как... э... дела! Как жизнь? Знакомая рожа просияла:

– О, какие люди! Потихоньку, потихоньку. У тебя как?

– Да все пучком, – сказал Феличита и сделал первый вывод: «Он меня знает». Продолжил разведку.

– Давненько не виделись, да?

– Да! А здорово мы тогда...

Феличита призадумался: «Ноль информации. Что было здорово? И когда?» Но отступить было не в его правилах. Хотя он только что чуть не отступил, но то была практика, а практика и правила – это же разные вещи. В правилах у директора «Нового света» – «никогда не отступить».

– А чё здесь делаешь? Бизнес в гору идет? За дивидендами пришел?

Эльдар напрягся. Он с самого начала не обрадовался, увидев Феличиту. «Щас обстрижет как овцу» – подумал Эльдар, – «не, не как овцу, как барана» – мысленно исправился носитель мужского достоинства. Поэтому на «как дела?» он ответил уклончиво, с максимально кислой миной, чтобы никоим образом не намекнуть на какие-нибудь доходы, какой-нибудь успех по жизни, на самое что ни на есть малейшее удовлетворение от этой жизни. С другой стороны, надо было показать всю радость от встречи с большим человеком. Но эти колебания, вся эта тонкая игра оттенков на лице хозяина джинсового магазина прошли незамеченными Феличитой. На слове «дивиденды» Эльдар окончательно убедился в хищных намерениях директора «Нового света». «День не прошел, он уже аренду собирается поднять!» – мысленно простонал вечно-эксплуатируемый индивидуаль-

ный предприниматель. «Ему про деньги из Москвы точно говорить не стоит. Все отнимет, жадный шакал», – решил про себя Эльдар, и застонал вслух:

– Ай, какие дивиденды, говоришь. Что за дивиденды, дарагой. Весь в долгах. Весь в долгах, дарагой. Вот и сейчас пришел заплатить. Совсем ничего себе не осталось. Видишь, человеку должен.

Эльдар с горечью вытолкнул вперед мятого субъекта.

– Даа, долги надо отдавать, – задумчиво произнес Феличита.

– Да, я отдаю, отдаю. Вот пришел в банк полтинник со счета снять, чтоб человеку отдать, – с еще большей горечью проговорил Эльдар. – А сам-то, что здесь делаешь? – попытался сменить тему неожиданный должник.

– Человечка одного жду, точнее нескольких. Они мне тоже кое-чего должны. Но вот что-то не идут. Директор еще раз окинул банк в поисках компании со Стасом и, не найдя никого похожего, вернулся к своим собеседникам. Мятый субъект по-идиотски улыбался. Улыбался, глядя прямо на Буряка. Буряк принял улыбку за ухмылку, а прямой взгляд за прямой вызов.

– Ты чё лыбишься, лишенец? Мы чё, знакомы?

Феликс Эдмундович не узнал человека, которому недавно одолжил бутылку с остатками коньяка «Багратион». Коньяк он помнил, что подарил его помнил, а кому подарил – не помнил. Похмелье до, эйфория после «Багратиона» за-

туманили происшествие в универмаге до смутного непонятно-чего. Зато Василий Горюхин был абсолютно трезв, когда столкнулся с аттракционом невиданной щедрости и запомнил пьяного Буряка хорошо. Встреча для него прошла ярко, с последующим адреналиновым салютом. Сначала Вася равнодушно отнесся к повторной встрече с «пьяным олигархом», как он сам для себя назвал Буряка. Затем, когда Вася увидел, как изменился его мучитель в присутствии «олигарха», как этот громила сжался и уменьшился в размерах, он посчитал эту встречу хорошим знаком. И, наконец, после того, как Эльдар опрометчиво соврал о долге, Вася Горюхин понял, что это его шанс на спасение, а заодно и отмщение за все испытанные унижения. Собравшись с духом, он начал отчаянную, головокружительную игру.

– Конечно знакомы. Спасибо за коньяк. Хороший такой, бодрящий. Может, еще бутылку, пока вы знакомых ждете? Ну или пивка?

– Слушай, ты дай мне двадцатку, – Горюхин повернулся к Эльдару, – остальное потом отдашь. А мы пойдем освежимся.

У Горюхина дух захватывало от своей смелости, концовку фразы он произнес зажмурившись. Эльдар же потерял дар речи от такой наглости. Хотел хорошенько врезать, но было поздно.

– Хорошая мысль! – подхватил идею «олигарх».

Угрюмое чело «олигарха» расправилось, лик просветлел.

Он весело хлопнул Эльдара по плечу: – Ну, гони двадцатку!
– Чирик, больше нету, – вяло соврал вероломно обману-
тый вымогатель.

Феличита великодушно удовлетворился одной купюрой, игриво схватил в борцовский замок голову Васи Горюхина и двинулся к выходу.

– Ну, приятель, рассказывай, как мы познакомились.

28

– Ну, наконец-то! – раздался суровый окрик откуда-то сбоку.

Дюша вздрогнул и обернулся, чуть не уронив свой груз. Сердце упало куда-то к мочевому пузырю. Перед ним стояла она.

– А-ня, извини-те меня. Бес попутал, – начал заикаясь лепетать раскаявшийся вор.

Тут он заметил разницу. Хвост и челка те же, джинсы, футболка те же, а лицо незнакомое. Дюша был готов впасть в полное замешательство, но не успел.

– Аня, Аня! Я двадцать лет Аня! Сколько можно ждать? Джинсы неси сюда. Ну, быстрее, что завис? Сюда ставь! Вот корявый какой!

Опешивший Дюша не посмел перечить незнакомке и автоматически исполнил приказания. Когда джинсы попали в ловкие руки девушки и были раскиданы в считанные секунды на полки, он понял все. Он понял, что НИКОГДА не вернет пропажу на склад, НИКОГДА не исправит все, как было.

Ничего не исправит! Он понял, что такое необратимость. В голове Дюши запела Алла Пугачева: «Мир невозможно повернуть назад. И время не на миг не остановишь...»

А ведь с каким трудом он принял решение о явке с повинной! Как дрожали его руки когда он поднимал джинсы из под складского окна. Как он ждал громового голоса сверху! Сколько страха и стыда натерпелся, неся назад украденное! Перед каждым охранником он леденел от страха и сгорал со стыда! Каждый встречный взгляд принимал за укор и презрение. Он нес джинсы и пытался придумать, что скажет Анне, настоящей Анне. Все гадал, какие слова раскаяния вырвут у нее прощение. «А если там Женек этот будет?» – вопрошал он себя по дороге. Он представлял себе это глупое торжествующее лицо и просто съеживался от грядущего унижения. Леденел, сгорал и съеживался, но все равно шел. Шел, шел и не дошел.

Столько всего произошло, что «просто Аня» не сразу вспомнила про нехватку джинсов больших размеров. Только когда тело Кристины Анатольевны Буряк не поместилось в запрошенный 53-й, проблема снова дала о себе знать. Рубенсовские формы выплескивались за борта джинсов, как кипящее молоко из кастрюли. Сама Кристина Анатольевна тоже кипела. Причем она мастерски умела доносить свое плохое настроение до окружающих. Поэтому появление Дюши с джинсами «просто Анна» восприняла как желанное и естественное избавление. Может, его Эльдар нанял, или эта

стерва Анечка подсуетилась. Получив свой размер, Кристина Анатольевна вошла обратно в берега и потекла спокойно. Она самозабвенно мерила штаны, пару за парой. Краем глаза Дюша увидел край плоти из-за края занавески. Ну, даже не край, а такой знатный кусок. «Вот ведь как странно, человек по уши в беде, в смертельной опасности, а все равно дамскими ляжками интересуется», – подумал о себе в третьем лице Дюша. Что делать с этим своим очередным откровением он понятия не имел. Кристина Анатольевна перехватила его взгляд и задергивала занавеску с уже приподнятой самооценкой. Дюша перевел взгляд на продавщицу. Другая Анна тоже была ничего. Только попроще и помягче Анны первой.

– Алё! А чё эти джинсы грязные? Ты их куда уронил-то? У тя как фамилия? Криворучко? Те Эльдар, знаешь, чё за это сделает? Не знаешь? Стирать заставит! Не тормози, чудо! Бегом их в подсобку, на нижнюю полку. Понял?!

То есть рассердился человек, но мягко. Не то, что менеджер Анна. Менеджер Анна дала бы волю своему гневу: «Стоп, я не поняла! Вы меня за кого тут держите? За прачку? Почему джинсы грязные? Я не слышу? Вас на работу нанимали, что бы товар портить? Вам за ЭТО деньги платят? Вас кто так работать учил? Может, вас родители не отучили штаны пачкать? Не слышу ответа! Хозяин придет, он вас заставит эти джинсы купить. Понятно? Или скорее всю партию, чтоб неповадно было! Вы уволены!» При этом менеджер Анна покраснелась бы или побледнела, говорила бы

таким визгливым голосом или таким ледяным тоном, в общем, была бы гораздо грубее. Но её в магазине не было.

Дюша поспешил в подсобку, куда показал палец «просто Ани». Зачем он туда пошел? Зачем стал выполнять указания какой-то незнакомки? Так не бывает? Да, нет, так бывает. В голове его, как белье в стиральной машине, монотонно крутились вопросы: «Что делать?», «Что со мной будет?» Они крутились, а ответа не было. Тут пришла незнакомка и выключила стиральную машину. Затем она вытащила ненужное белье, то бишь вопросы, и загрузила нужное, то бишь простые инструкции. В конце концов, люди же ходят на работу или в магазин, хотя у них, может, еще жизненно-важные вопросы не решены. Вроде: пить или не пить, жениться или не жениться, съехать от родителей или не съехать... Вот так Дюша пошел в подсобку. Там он бросил грязные джинсы на грязную футболку. Рядом валялась другая футболка, на которой были написаны какие-то кривые цифры, причем написаны помадой. «Эээээ?», – подумал Дюша. А что еще он мог подумать по этому поводу? Еще он подумал: «Ну, и фиг с ним».

– Фиг ли ты тут застрял? – влетела в подсобку явно чем-то встревоженная продавщица. Она как-то нервно убрала футболку с надписью в пакет и быстро вытолкала Дюшу наружу. Он оглянулся и заметил, как она... Привычка была у Дюши, привычка без всякой пользы или злого умысла, любил подсматривать за людьми, само как-то получалось. Идет, быва-

ло, по улице, а потом ловит себя на мысли, что в окна на первом этаже смотрит. Где просто занавески увидит, где кота в форточке, где фикус там, герань какую-нибудь, где люстру не какую-нибудь, а хрустальную, такая в магазине была за 17 рублей 48 копеек. Иногда взгляд отводить приходилось – мужик какой-нибудь курил, а иногда никак не получалось отвести – женская фигура мелькала. Так и сейчас, само получилось как-то, взял и посмотрел в щелку. А там продавщица в другой пакет залезла, вынула оттуда кошелек и проверять что-то стала. Вдруг в ладони мелькнуло что-то. Что-то такое подозрительное и интересное. Но тут же, как мелькнуло, так и пропало. Был бы Дюша в другой обстановке, не такой драматичной, он бы что-нибудь заподозрил, что-нибудь подумал, что-нибудь вроде этого: «О! Так блещут бриллианты или стразы бриллиантовые! Это же стразы самого Стаса, которого я должен ограбить!» Но его бедный мозг был слишком занят собственным горем, чтобы еще заниматься окружающим миром.

– Ну, чё вылупился! – вежливо спросила Дюшу продавщица.

«Что я, действительно, вылупился?»-спросил себя Дюша и отступил в торговый зал.

«Уважаемые покупатели и гости торгового центра! Потерявшего ключи от автомобиля ВАЗ 2105 просьба подойти к центральному пункту охраны. Повторяю. Потерявшего ключи от автомобиля ВАЗ 2105 просьба подойти к централь-

ному пункту охраны». Вор-неудачник ошарашенно смотрел на потолок, словно услышал оттуда трубный архангельский глас, а не объявление из репродуктора.

29

Что это за число такое «двадцать девять»? Невзрачное какое-то число. Разве под таким числом можно начинать ключевую, важнейшую главу? Совершенно невозможно. Вот «тридцать» – совсем другое дело. Солидное число для солидной главы.

30

– Ну, скалолаз, что это такое? – Патроныч потряс находкой из брюк складского вора.

– Ключи, – недоверчиво и неуверенно ответил Женек.

– Ключи, – передразнил начальник своего помощника. – Ну, а вы что скажете, миссис... как там ее зовут, ну, эту старушеницу из Агаты Кристи?

– Не миссис, а мисс. Мисс Марпл ее звали.

– Ну, что скажете, мисс Марпл?

Мисс Марпл молчала, чтобы не уронить свой авторитет, выросший после анализа дюшиного экстерьера.

– Так вот, – Патроныч начал важно вышагивать, – скажите, вы можете отличить настоящие джинсы от поддельных?

– Да, это мой конек. Там скрытый двойной шов...

– У меня тоже есть свой конек! Для меня разница между

ключом от Жигулей и ключом от Москвича так же очевидна, как и для вас разница между джинсами. Более того, – Патроныч торжественно позвенел ключами, как колокольчиком, – это ключи от пятерки!

Бывший участковый не стал распространяться, что ключи от пятерки – это единственные автомобильные ключи, которые он смог бы опознать, потому что у него самого в гараже стоит такая же машина.

– И что это нам дает? – спросила мисс Марпл.

– Да, что это нам дает? – с нетерпением и энтузиазмом повторил Женек.

– Что это нам дает? – автоматически переспросил Патроныч. – Что это... нам дает, – повторил он еще раз, но уже медленнее и задумчивее.

Помолчал и повторил еще раз, только еще более задумчиво: «Что это дает?» потом еще раз: «Что?» Потом детектив потряхнул головой, как будто пытался стряхнуть дурацкий вопрос.

– Что дает, что дает! Да, фиг его знает!

Повисла неловкая пауза. Наверняка есть такие ситуации, когда зависают и висят себе паузы ловкие. Вот, например, охотники в засаде сидят, ловят медведя на приманку – это ловкая пауза. Не поймали, значит – не ловкая. Или, например, розыгрыш какой... Тут Анна встрепенулась, и неловкая пауза, повисев в воздухе, рухнула.

– Я ж забыла, смотрите что я нашла внизу! Это страза с

джинсов Стаса! По правде, Анна и не забывала о страже, просто не хотела делиться ценной информацией. Но расследование топталось на месте, и его надо было подстегнуть.

Подстегнутый Патроныч язвительно спросил: – А это что дает?

– Это улика. Доказательство, что Стас здесь был. И не раз. Что у него, то есть у его банды, были ключи! Значит, эти ключи он откуда-то взял или кто-то ему их дал! Есть третий сообщник, который помог украсть джинсы со склада! И я догадываюсь кто. Его надо искать у нас в магазине!

Анна ликовала, но скромно про себя. Месть все-таки состоится! «Нет, не уйдешь от меня, ты, злая ехидна. Мойры настигнут тебя по нашей наводке. Будешь молить о пощаде, но ее не дождешься. Вылетишь вон из бутика, подобная пробке! Будешь на рынке сидеть – торговать овощами...»

Подстегнуть начальника охраны получилось, но придать правильный ход его мыслям не вышло. Мысли Патроныча шли своим ходом. Петляя по извилинам, они направились из правого полушария назад, в сторону мозжечка, затем они сделали круг вдоль продолговатого тела, затем перешли мост, задержались в центре удовольствия, крадучись подползли к гипоталамусу, а потом резко рванули к лобным долям в левом полушарии. Вот такой был ход мыслей Патроныча. А гулял по его серым клеточкам такой вопрос «Что же дает расследованию находка ключей?»

– Ну, точно! Это же ключи к успеху! Даем объявление –

мол ключи на центральном пункте охраны и будем ждать. Подозреваемый сам придет к нам в руки! – ликовал Патроныч, в отличии от Анны открыто.

– Точно! Гениально! – возликовал за компанию Женек, – Ага, попался! Как вы, шеф, все хитро придумали. Мне б это в голову не пришло.

– Все дело в серых клеточках, – Патроныч гордо постучал пальцем по своему черепу.

– Стойте! – возмутилась менеджер Анна. – Вы что не слышите? Я вам третьего сообщника вычислила. На блюдечке принесла! Его можно брать прямо сейчас! Известно, кто он и где он! А вы собираетесь сидеть в пункте охраны и ждать... – Анна чуть не проговорила «Дюшу», но вовремя опомнилась, – грабителя? Да он, может, и не придет совсем. Испугается, например.

– Да, что ты говоришь! Не придет! Как это не придет? – Патроныч терпеть не мог, когда пререкались с его непререкаемым авторитетом. И сейчас не стерпел.

– А я тебе говорю, что придет. Это я тебе говорю! Понятно. Где это видано, чтоб мужик за машиной не пришел! Плохо ты людей знаешь.

– Да, да. Не может быть, чтоб за машиной не пришел. Я бы пришел! – поддакивал своему начальнику Женек.

– Придти за машиной, чтобы срок получить? – не сдавалась Аня. – Если он придет за ключами, значит он подтвердит, что это он склад ограбил! Он что – идиот?! Надо в ма-

газин идти за сообщником.

Женек увидел легкое замешательство на лице Патроныча и переметнулся на сторону Ани:

– Точняк, он же не идиот, Патро... Антон Петрович. Надо в магазин двигать.

– Заткнись, тебя не спросили, – рявкнул Патроныч на своего подчиненного и продолжил дискуссию с менеджером.

– Третий сообщник, говоришь. Хорошо, допустим. А почему этому сообщнику не слинять после ограбления? Он что – идиот, оставаться и ждать, пока его не схватят?

– Вот-вот, правда. Разве он – идиот? Надо на пункт охраны идти, Дю... грабителя караулить, – снова стал на сторону начальника Женек.

– Плохо вы ее знаете. Анечка до последнего будет выкручиваться.

– Какая еще Анечка? – Ну, помощница моя. Она мне всегда завидовала!

– Понятно. Начались бабские разборки, – отвесил фунт презрения Патроныч. – Все, сворачиваемся и идем на пункт охраны, как я сказал. Хватило нам и одной Анечки!

– Что-то ты сказал? Бабские разборки?! – Аня в гневе перешла на «ты».

– Ты мне не тыкай, пигалица!

После этого дискуссия о следственных действиях перешла на новый уровень. Спорящие горячо обсуждали интеллектуальные способности и личные качества друг друга.

На словах «козел старый» менеджер Анна поняла, что она поступает контрпродуктивно. Что ей «козел» нужен больше, чем она ему. Что если «козел» обидится за «козла» и забудет на поиски грабителя, то она кругом проиграет. Придется не только про месть забыть, но еще и перед Эльдаром за пропашу оправдываться. А это не факт, что получится. Лучше пока уступить «козлу». Пора тормозить дискуссию. По инерции она бросила еще что-то про высохшие мозги, волшебную тупость, пропитую совесть, но уже не так эмоционально. Затем, на излете у нее вырвалось: «чемпион среди дебилов», «мудак», «инвалид на всю голову». Уже почти владея собой, она назвала Патроныча пенсионером и ментом подержанным. И, под конец, совсем примирительно – «старым хреном».

– Ладно, я согласна. Пошли на пункт охраны, – затихла, как буря, Анна.

На словах «козел старый» до Патроныча дошло, что, в принципе, девчонка права. Лучше сначала заскочить в магазин, проверить, на месте ли третий сообщник. Тряхнуть его или ее на тему ключей и алиби. А после этого можно давать объявление и заманивать этого Дюшу-грабителя. А объявление может спугнуть третьего сообщника. Но согласиться с этим, значит одновременно признать что он, Антон Петрович Мотыль – старый козел, упрямый баран, мудак с высохшими мозгами и прочее. Признать это самолюбие Патроныча решительно отказывалось. То есть сам себя он мог так

приложить, да и прикладывал регулярно, но другим позволить такое – это перебор!

– Да, мы идем на пункт охраны, – гордо резюмировал дискуссию Патроныч.

Троица вышла со склада. Дверь запечатали скотчем. Рядом приклеили листок бумаги с надписью «запечатано».

Для наведения мостов после перебранки Анна решила завести непринужденный разговор. Как можно вежливее она спросила:

– А что там было на месте преступления? Вы же осматривали примерку Стаса, после того, как он пропал? Что там было?

– Да, ничего особенного там не было, – нехотя откликнулся Патроныч.

– Пряма, совсем ничего?

– Пряма, совсем. Да и примерки-то никакой не было. Он просто у шефа в кабинете обосновался. Ничего. Пусто. Ни записки предсмертной, ни наркотиков, ни крови, ни пистолета, ни ножа, ни черной метки – ничего из того, что вам хотелось бы услышать. Валялись только его футболка и джинсы такие с блестками. Вот и все. Просто человек переоделся и ушел. Хотя помощница говорила, что у него и одежды другой не было. Как будто он голый ушел. Ну, это вряд ли.

– Джинсы с блестками?! – переспросила Аня сдавленным голосом и остановилась.

Ее попутчики обернулись и впервые увидели на лице бо-

евитого менеджера растерянность.

– Ну, да.

– А блески вот такие? – Анна еще раз достала стразу.

– Ну, да, типа того. Я в этой бижутерии не особо силен.

– А где сейчас эти джинсы? – растерянность Анны достигла крещендо, – с блесками?

– Да там, где их и оставили. У хозяина в кабинете. Только в ящик убрали.

– А можно на них посмотреть? – совсем убитым голосом спросила Анна.

– Это вряд ли. Ключи от кабинета у хозяина.

– Не может быть, – встрял Женек. – Он же бухой был. В кабинет не заходил. Прямо с банкета домой спящего повезли. Я его сам в машину с пацанами тащил.

– Точно, бляха-муха! Ключи у меня. А зачем тебе?

Патроныч посмотрел на бледное и совсем не дерзкое лицо Ани, вздохнул сочувственно и махнул рукой.

– Ладно, пошли.

30,5

– Вот, оно что. Понятно, – проворчал Патроныч, напрягая лоб, стоя в кабинете и сравнивая стразу со склада со стазами на джинсах. – Вот, что ты расстроилась. Хотела именно этого певца поймать, да? А раз джинсы здесь и еще все стразы будут на месте, тогда оставил стекляшку кто-то другой, а не Стас. Да кто угодно ее мог потерять там под окном. Что ж давай смотреть.

Анна молча начала разглядывать джинсы. Чем больше он их разглядывала, тем грустнее и растеряннее становилась.

– Ты не расстраивайся так, дочка. Ну с кем не бывает? Не поймали одного, поймаем другого. Кого-нибудь обязательно поймаем. Посадим, дочка, посадим. Всех, кого надо посадим, – по-отечески успокаивал мисс Марпл Патроныч. Успокаивал неловко, то кладя ей руку на плечо, то отдергивая руку обратно.

– Подумаешь, версия развалилась. С кем не бывает. Вот у меня был случай...

Патроныч хотел вспомнить какой-нибудь случай из практики, но не получилось.

– Ну, в общем, был у меня случай похожий. Ну и что, мир рухнул? Не, не рухнул.

Но Анна его не слушала. Она смотрела на джинсы с полным набором страз и ее мир рухнул. Все стразы на месте. Никто не забирался в ЭТИХ джинсах на склад, никто не пытался в НИХ выбраться со склада. Стройная версия событий рассыпалась и на ее месте осталась кучка бессмысленных фактов, никак не связанных с собой, а главное, никак не связанных с Анной. Кто-то был на складе, кто-то пытался вылезти. Кто-то уронил стразу под окном. И это был не Стас. А, значит, «просто Анечка» не звонила ему по телефону, не заманивала на склад, не развлекалась с ним. Или звонила и развлекалась?

– Может, у него были другие джинсы со стразами?! –

предположила Анна, ухватившись за новую версию, как утопающий за соломинку. Но Патроныч сломал соломинку:

– Помощница говорила, что наш певец другой одежды не имел.

Не говоря ни слова, Анна вышла из кабинета.

Минут через пять, когда она шла вся в растерянных чувствах, не зная, что думать и что делать, до ее ушей долетело объявление: «Потерявшего ключи от автомобиля ВАЗ-2105 просьба...»

31

Услышав объявление, которому любой другой на его месте обрадовался, Дюша впал в панику. Ему хотелось метаться по магазину и крушить все на своем пути, как смертельно раненому льву в клетке. Но мало ли, что ему хотелось. Он не был львом, поэтому паниковал неподвижно и про себя. Дюша не знал, что делать: Идти или не идти? Вот бы все решилось как-нибудь само собой. Или кто-нибудь разрешил эту задачку за него. Дал бы совет, отвел бы его за ручку в пункт охраны за ключами или, наоборот, спрятал бы его где-нибудь. Жалость к себе душила Дюшу. Непрошенные слезы наворачивались на его глаза. « Не могу так больше! Рассказать бы кому». «Просто Аня» вышла из подсобки и заметила бледное лицо новоявленного подсобного рабочего.

– Ну, чё случилось-то? – проявила она формальное сочувствие.

Дюша принял ее сочувствие за чистую монету, всхлипнул,

вытер глаза и двинулся рассказывать. «Боже, опять!» – Аня вспомнила мокрую от слез Васи футболку и поежилась.

– Тебя как звать?

– Дюша.

– Рассказывай, Дюша. Только без соплей, ладно.

И Дюша залился слезами.

Сначала Аня ничего не понимала. А потом перестала даже пытаться что либо понять. Пополам со слезами из плаксы лился какой-то бред про ботинки из кожезаменителя, про то, что все вокруг обман и фикция. А еще все вокруг воры и предатели. Воры борсетку украли. А предатели...

– Если борсетку украли, то надо на пункт охраны сходить, а потом в милицию, – решила помочь советом Аня.

Но плакса от такого простого дельного совета взвыл и истерично засмеялся. «Ба, этот совсем больной, еще больше, чем первый», – подумала про себя продавщица-исповедница. На смех прибежала Кристина Анатольевна. Точнее солидно пришла, заглянула.

– Я просто спросить какая цена вот этого, – Кристина Анатольевна махнула джинсами и тут же без паузы продолжила, – а что тут такое?

Плакса повернулся на голос, а Аня в этот момент покрутила пальцем у виска. Дюша продолжил исповедь, обращаясь к новоприбывшей.

– Я не могу к охране обратиться. Я у начальника охраны брюки пытался украсть и еще...

– У Мотыля?! – Кристине Анатольевне стало весело.

– А еще я должен был напасть на эту звезду, как его там, Стаса и отнять у него джинсы с бриллиантами! Но меня подставили, и я совершил преступление. И теперь я не знаю, что делать!

– А какой вы знак зодиака? – вслед за Кристиной Анатольевной в подсобку заглянула Надежда Алилуевна.

– Рыба я, – с энтузиазмом ответил Дюша, почуяв интерес к своей особе.

– Рыба! Что вы говорите! Интересно, интересно. У вас уникальный случай, сегодня в вашем созвездии Плутон вместе с Луной. Плутон – это к богатству, но Луна – это значит обман. Богатство где-то рядом, но вам надо быть очень осторожным. Никому нельзя доверять. Вы должны быть нем, как рыба. А еще затаиться где-нибудь. Желательно рядом с дружественной вам водной стихией.

– Это где?

– Везде, где есть вода или водные знаки. Или предметы, связанные с водой.

Дюша сразу поверил своему гороскопу. « Все сходится. Недаром меня в обувном осенило, что все вокруг фикция. Это Луна подействовала. И бриллианты, значит, еще будут».

– А потом, что мне делать? Ну, сначала я затаюсь, а потом что?

– Ждите сигнала, он обязательно будет. Вы сразу поймете, что это сигнал к действию. И, главное, верьте в свою звезду.

Но помните «молчание – золото!»

– Я понял. Я все понял. «Молчать» и «затаиться». А можно я в туалете затаюсь? А то мне туда надо. – Можно, можно. Там водной стихии достаточно.

Дюша вылетел из подсобки, забыв дорассказать свою историю и даже раскланяться с дамами.

– Ну, Надежда, вы даете, – Кристина Анатольевна не могла сдерживать удивления, – он что, правда разбогатеет?

– Ну, во-первых, гороскоп говорит только о возможности чего-либо, о большой вероятности, о том, что обстоятельства складываются определенным образом. Это не железная необходимость. Во-вторых, вам же хотелось, чтоб этот сумасшедший заткнулся и свалил отсюда подальше? Вот я вам это и устроила.

– То есть Плутон с Луной не в его созвездии? – настала очередь удивляться Ане.

– Понятия не имею. Это надо звездный календарь смотреть, точную дату и время рождения человека знать, – с циничным спокойствием отвечала эзотерик-практик. «Ну, или лучше рубрику гороскопов в газете «Только факты» прочитать, – с не меньшим цинизмом эзотерик-практик подумала про себя.

Дверь резко распахнулась, от чего женская компания хором взвизгнула. Больше всех испугалась Надежда Алилуевна. Опустив очи долу, она изо всех сил пыталась прикинуться неодушевленным предметом и слиться с окружающим

фоном. Каменный гость окинул тяжелым взглядом троицу и робко спросил:

– А вы меня не обманываете?

– Да нет, что вы, Дюша. Это голая правда. Смело идите прятаться. – нашлась Аня.

Она была очень находчива. Когда все гурьбой вышли из подсобки, Дюша еще раз взглянул на джинсы и робко подумал: «Может, все таки вернуть их». Но в новой партии товара уже ковырялись какие-то покупатели, а один, вообще, пошел со штанами в примерочную. «Нет, эта тема закрыта. Теперь один выход – «молчать» и «затаиться». Ждать знака». Приняв решение, раскаявшийся вор, рожденный под знаком рыбы, успокоился и пошел в сортир. Поближе к водной стихии.

Анна была уравновешенным человеком. Но сегодняшние события кого хочешь выведут из равновесия. Сумасшедших вокруг оказалось гораздо больше, чем она думала. И все они целеустремленно идут к ней в гости. Этот Вася, который плакал у нее на груди, а потом оказался маньяком, охотником на невест, вдобавок самозванцем, который разыгрывал из себя певца Стаса. Потом истеричка, которая считала певца Стаса маньяком, который охотился не на невест, а на саму Аню. На конец, этот Дюша, который сам охотился на Стаса. А еще эти стразы. «Быстрее бы рабочий день прошел, а то, как бы чего еще не случилось. Еще один бред сумасшедшего я не перенесу».

– Аня, это бред сумасшедшего! – «просто Анна» театрально схватилась за голову и пустила реплику в сторону, – Нет, я это не перенесу.

– Перенесешь, перенесешь! Куда ты денешься! – менеджер Анна пылала какой-то веселой яростью, – Сама ты, Аня, бредишь, если думаешь, что я тебе поверю. Имей храбрость признаться!

Признание – королева доказательств. Лишившись почти всех улик, менеджер Анна сохранила все подозрения. Они прижились в ее душе и пустили корни. Вот уже больше часа она жила и действовала под их влиянием. Как еще объяснить, что Стас не вышел с ней на контакт? Только обманом соперницы. Это же просто и ясно, как выкройка носового платка! Менеджер Анна, как следователь, у которого нет улик, но есть интуиция, решила выбить из подозреваемого признание. Обычная практика. Кристина Анатольевна и Надежда Алилуевна стояли, замороженные новой сценой. Две Ани стояли напротив друг друга, как две кошки одной масти. Хвост и челка против хвоста и челки, футболка поло против футболки поло, черные джинсы против черных джинсов. Казалось, еще чуть-чуть и они выгнув спины, начнут издавать страшное утробное мяуканье, которое так часто пугает прохожих, идущих по темному двору, когда воет ветер, деревья бешено машут ветками, в окнах гаснет свет, и не слышно ни единого человеческого голоса, даже пьяной ругани или песен. Впрочем, одно различие между Анями все-таки было.

Существенное различие. В руках у «просто Ани» ничего не было. А вот в руках у менеджера Ани было. В ее правой руке замер, как хомяк, которого схватили за шкурку, Дюша. Рожденный под знаком рыбы так и не добежал до родной водной стихии. Он с удовольствием бы притворился мертвым, но боялся еще больше разозлить свою недавнюю мимолетную любовь. Дюша даже не пытался сбежать, когда увидел Анну в коридоре. Она резким жестом подозвала его к себе, не говоря ни слова, взяла за шкурку и так не отпускала до магазина. Хотя в магазине она его тоже не отпускала.

– В чем тебе признаться? А? В чем? – «просто Аня» отбросила субординацию и отвечала менеджеру Анне грубо, как равной. – Ты с горя что ли спятила?! После того как он тебя бросил? Не гуляла я с твоим Стасом, понятно. Я его в глаза не видела после концерта! Не знаю, почему он тебе не звонил. Я ему не звонила. Повторяю для непонятливых: НЕ ЗВО-НИ-ЛА! Хочешь верь, хочешь не верь. Ему, кстати, Эльдар звонил, когда майку твою с телефоном нашел. Бегал – ловил его по всему торговому центру. Тоже от ревности. Даже поймал тут одного хмыреньша. Пошел продюсера Стаса на бабки разводить.

– Какого еще хмыреньша, какого еще продюсера? Что ты несешь? – менеджер Анна поддалась на коварную перемену темы.

Она чувствовала, что проиграла – признание никак не выбивалось из соперницы. Тогда она направила всю свою агрес-

сию против жалкого предателя, который был у нее в руках, и с которым она до этого не разговаривала.

– А ты, сволочь, зачем джинсы украл? Тебе кто разрешил их брать, а? Я тебе, что приказывала? Ты, хоть понимаешь, что ты наделал?

Дюша слабо кивнул, хотя он точно не понимал, что своим мелким проступком сломал гениальный план мести. Месть, которая не осуществилась бы все равно.

– Куда товар дел, предатель?! – Анна впервые повернулась к Дюше.

– Чего молчим? Сейчас охрану позову, с тебя штаны ворованные снимут, и заговоришь как миленький. Смотри ка, себе джинсы со стразами взял!

И тут Анна поняла, что за страза валялась под окном склада, и как она туда попала: «Такой же гад напялил на себя наши джинсы и пытался спуститься вниз. А джинсы-то не для скалолазов, вот стразы и посыпались. А вдруг это те самые джинсы?!» Анна незамедлительно решила проверить свою догадку. Она дернула Дюшу за штаны, так чтобы осмотреть стразы на задних карманах. Маневр был понят бывшим соратником превратно, как желание снять с него ворованные джинсы. Он вяло засопровтивлялся.

– Ну, это слишком, – возмутилась Надежда Алилуевна, которая, как человек возвышенный, не любила людей без штанов и прочую физиологию.

Кристина Анатольевна промолчала.

– Ты спятила что ли со всем?! Ну, точно, спятила! – возмутилась «просто Аня». – Он все джинсы со склада сюда принес. Его, наверное, Эльдар нанял. Вот он в нашей фирме и ходит. А ты не в курсе. Как обычно. У тебя совсем крыша поехала. Хотя у него тоже не все в порядке.

– Кто его нанял? Это я его... – чуть не выдала свой коварный план мести менеджер Анна.

Смысл сказанного «просто Аней» не сразу, но дошел до Дюши. «Он принес джинсы куда надо! Склад, который он обчистил, принадлежит этому магазину. Форма на продавщице такая же, как на Анне. Вот почему он их чуть не спутал!» То, что он считал катастрофой, было на самом деле его спасение! Он хотел расцеловать продавщицу, которая открыла ему глаза, но грозный вид прежней хозяйки его чувств и мыслей остановил его.

– Я, пожалуй, пойду. Меня начальник того... по делам отправил, – впервые за долгое время промямлил Дюша и повторно рванул в сторону родной водной стихии.

32

Лиза лежала раненная в углу подвала. В луче света, который лился из тусклого окошка, плясали пылинки и блестели стразы на ее джинсах. Левая нога была перевязана носовым платком выше щиколотки. Луч света, как прожектор на сцене, выигрышно выделял ее бледное лицо и большие темные глаза. Тень удачно скрывала излишки ее фигуры. Послышались шаги из за двери. Тяжелый, чеканный топот угрожаю-

ще приближался. Вдруг к шагам одного человека добавились шаги второго. Дверь аккуратно открыли. Вошли двое. Впереди Стас. На Стасе была окровавленная футболка, ожерелье из пупсиков и барби. С боку, на поясе болталась голова куклы Маши. Из за стасова плеча выглядывал самозванец Вася. На его голове развевалась порванная фата от свадебного наряда. Лиза испуганно забилась в угол.

– Спокойно, Лиза. Я вас не съем. Вы мне больше нравитесь живой. Приятно, что есть человек, который думает обо мне с такой всепожирающей страстью. Даже если эта страсть, – Стас сделал длинную мхатовскую паузу, которую позволял себе разве что сам Станиславский, когда забывал текст, – даже если эта страсть – УЖАС!

Стас хищно ухмыльнулся. За ним повторил ухмылку самозванец. Под их взглядами Лиза засуетилась, она пыталась усесться то так, то этак. Любая поза ей казалась слишком эротичной и провоцирующей маньяков. Маневры не остались незамеченными. Самозванец с горящим взором выдвинулся вперед и чуть не грохнулся. Лиза съежилась в углу. Самозванец откашлялся и начал декламировать:

– Всадник не отвечает за дрожь коня. Меня подводит собственное тело. Его обуяла дрожь напряженная желаний. Весь день я ждал этого тайного свидания. Обдумывал речь. Все представлял, как назову вас своей московской царицей. Да, у меня есть план. Я решил завоевать столицу! Но момент настал, а я не нахожу затверженных речей. Красивых слов, как

у Пушкина. Лиза! Хочешь ли ты знать, кто я таков на самом деле? Я обычный служащий на заводе. Скучал в конторе, как в неволе. Все ждал чуда, преобразования. Обычно в виде денег. Но увидел тебя и решил изменить свою судьбу сам. Не презирай меня, как самозванца. Во мне таланта не меньше чем в некоторых, хватит на весь московский шоу-бизнес.

Самозванец покосился на Стаса. Стас ухмыльнулся снова:

– Надежды юношей питают или, точнее, пытаются. Зачем тебе этот провинциальный фантазер? Посмотри на эту ходячую нелепость. Он так и будет кормить тебя своими обещаниями, пока ты его будешь кормить супом. Пошли со мной. Я вытащу тебя из этой дыры и подниму на самый топ! Покажу тебе «Крышу мира», клуб такой. Там тусуются такие, как я. Чего ты боишься? Меня? А ты не боишься стать такой, как твоя мать? Толстой, усталой, измученной тетей в стоптанных туфлях, рваных тапках с кастрюлей макарон для опустившегося мудака. А пойдешь со мной, я куплю тебе шубу на ВДНХа, и ты станешь моей Венерой в мехах, моей музой. Узнаешь страсти непостижимые обывателям. Выползешь из их затхлого мирка с их тесной, как коммуналка, моралью. Ты узнаешь о себе такое... такое!

– Да, что такого нового она узнает? – перебил маньяка на самом интересном месте Вася. – Мы все тут цивилизованные люди, так что мы в курсе, что такое моральное разложение. «Дориана Грея» читали. Но зачем нам извращения? Нет, мы будем сеять с тобой, – самозванец повернулся к Лизе, – кра-

сивое, доброе, вечное со сцены Кремлевского дворца съездов. Не попсу какую-нибудь.

– О, как доцента занесло! Сразу в Кремлевский дворец! Ну, доцент, ты даешь...

Вдруг взгляд Стаса остекленел, вперся в одну точку на потолке.

– О! Да! Вдохновение поперло! Так, так, так! Точно! Это будет хит.

Певец ритмично задвигался, задержался и запел гнусавым голосом: «Что же ты, доцент, игрушку новую нашел... гуляй, доцент, гуляй, а девочку мою не трожь...» Тут певец вышел из транса:

– Ну, как-то так. Надо завтра додумать.

Лиза открыла рот от восторга. Она только что присутствовала при рождении шедевра. Самозванец с ненавистью посмотрел на Стаса. Затем задумался, поковырялся рукой в затылке и начал раскачиваться, как бард на грушинском фестивале. Лицо его приобрело блаженное выражение идиота. Открылся рот и из него пролился куплет: «Гудит костер, звенит гитара. И ночь романтикой полна. Сходи, мой друг, за стеклотарой. В магаз с названием «Волна». Стас удивленно оглянулся на самозванца.

– Мальчики, не надо ссориться, – промолвила растроганная Лиза.

– Я не понял, у меня, что конкурент появился? Вот это? Стас был прекрасен в своем гневе. Как лев. Нет, как раз-

гневанный Аполлон. Лиза залюбовалась им, как картиной. Не, как скульптурой.

– Так... Хорошо, – продолжил Аполлон, – говорю открытым текстом – если ты, Лиза, пойдешь со мной, я завяжу с прошлым. Уйду из маньяков. Навсегда. Ни одной жертвы. Пару альбомов выпущу, пару гастрольных туров сделаю и на покой, в теплые края. С тобой и капустой!

– А я, а я, – взвился итак взвинченный самозванец, – я на полном серьезе обещаю, что если ты, Лиза, не будешь моей, я, наоборот, СТАНУ маньяком. Слышишь? Стану маньяком. Самым кровавым из всех маньяков. В сто раз кровавей некоторых. Ну, выбирай! – самозванец сделал страшное лицо.

«Вот это дилемма, так дилемма», – подумала Лиза. «Кому же из них я должна принести себя в жертву? Может, этот Вася не начнет убивать, если я выберу Стаса? Одно дело говорить, другое – делать. Может, он так – от отчаяния кричит?»

– Начну, начну! – заверил будущий маньяк Вася.

«Или, – продолжала думать Лиза, – я пойду со Стасом, а он обманет и не перестанет охотиться на девушек?» Стас хитро ухмыльнулся Лизе. «Может, начинающий маньяк Вася принесет меньше вреда, чем опытный Стас? Может, у него вообще ничего не получится».

– Да, все у меня получится! Я устрою гекатомбы! Кровавый гиньоль я устрою!

– Чего, чего ты устроишь? – обалдел от незнакомых слов Стас.

«Или, наоборот, это Вася наломает дров с гекатомбами, по неопытности, а Стас и сам утихомирится? Ну, Лизка, думай! Надо же выбор сделать», – командовала сама себе Лиза. Стас повернулся к ней, и Лиза по его красивому, но жестокому лицу поняла, что без нее этот маньяк не утихомирится.

– А давайте, – робко предложила она, – жить втроем?

– С кем ты всё шляешься? Кавалеров нашла принцесса каблушная? Где тебя черти носят? Корова без колокольчика! Еще раз себе устроишь такую перемену на пару часов, выгоню в шею из магазина!

Лиза поняла, что вернулась на работу.

– Подумать только, я из за этой гулёны сопливой в туалет не могла сходить, – Светлана Михайловна бушевала, обращаясь по старой школьной привычке к аудитории, хотя все покупатели сбились со страху в дальний угол. – Кто здесь хозяин?

– Вы, тетя Свет, – Лиза окончательно освободилась от грез любви.

– Слушай меня сюда. Я сбегая, куда хотела, потом схожу перекушу. Ты не шагу из магазина! Ты поняла! Убежишь и оставишь открытым – убью. Убежишь и закроешь – тоже убью! Не пожалею еще одной куклы и, как этому ослу Тараканову по башке настучу! Я доходчиво материал изложила?! А?

– Какому Тараканову? – не поняла Лиза.

– Какому, какому! Тому самому! При тебе же этот хам мне

тут хамил по-хамски!

Светлана Михайловна сделала пару нетерпеливых шагов в сторону выхода.

– Подождите, какой Тараканов? Это же Стас был. Певец.

– Курицына! Не беси меня! Не знаю никакого Стаса! – нетерпение Светланы Михайловны заставило ее сделать еще несколько шагов к выходу. – Тараканов это был. Восемьдесят ... забыла какого года выпуска. Школу debil даже не закончил.

– Может он и debil, школу бросил, но зато в Москву уехал и звездой стал! – обиделась за кумира Лиза.

Светлана Михайловна от таких дерзких речей даже замерла.

– Дура, ты, Курицына. У тебя что с головой? Травма? Тараканов дальше колонии в Спиридоновке отродясь нигде не был. Меня из за него тогда в милицию вызывали. К участковому. Вон к Патронычу. Звезда, блин. Он у ларька пивного на Красногвардейской звезда. Всё, Курицына, брысь за прилавок, я сказала!

И бывшая учительница, раскрывшая досье Кости Таракана, побежала нужном направлении.

Не даром говорят, правда глаза колит. Заколело, защипало большие лизины глаза, и навернулись на них горькие слезы. «Гонялась, гонялась за принцем на белом коне, а это и не принц вовсе, а конокрад какой-то. Да и тот ускакал, сверкая копытами. Эх, Курицына, Курицына. Нет в твоей жизни

счастья и не будет», – пожалела Лиза саму себя и вытерла слезу тряпичным Пьеро с верхней полки. Стройная Барби в самодельном сарафане равнодушно глядела на нее. У Барби был и дом, и машина, и брюнет на диване. Хоть и кукольное, но счастье. Лиза зло посмотрела на счастливую блондинку, схватила ее, поставила раком перед брюнетом, отошла в сторону, чтобы полюбоваться на получившуюся картину, затем вернулась и оторвала кукле голову. Подумав немного, Лиза прикрутила голову за волосы к руке брюнета. Безголовая Барби продолжала стоять раком, а рядом брюнет-маньяк помахивал ее головой. Лиза, злорадно улыбаясь, оглянулась по сторонам. На нее с интересом смотрел мальчик.

– Я Толик. Во што ты иглаешь? Можно мне тоже.

Глава 3

1

Если бы мозги давали в кредит, то Вика Клюева взяла бы их под любой процент. Но, увы, таких услуг в банке «Пирамида» не предоставляли. Поэтому Вика смотрела, как уходит маньяк в компании двух мужиков и думала: «Дура ты, Вика, безмозглая! Чё дальше-то делать?!» «Что делать?» Все задавались этим прозаическим и, одновременно, сакраментальным вопросом. И Василий Горюхин, и менеджер Анна, и просто Анна, и Андрей Афанасьевич Мизулькин, и Дюша, и, даже Женек. А кто не спрашивал, тот спросит. Все живут от одного «чё делать?» до другого. Теперь пришла очередь

Вики Ключевой спрашивать. Самый простой ответ – пойти к охране. Но Вика не любила всякое начальство: учителей в школе, вожатых в лагере, заведующего у мамы на работе, милицию. И охранников тоже не любила. Она Лизку Курицыну отговаривала в милицию идти, а теперь сама побежит докладывать что ли? Там же начнут спрашивать «откуда ты знаешь», «а кто ты такая», «а где твоя прописка». И так будут спрашивать грубо, будто это ты виновата, что маньяк у них в торговом центре завелся. «Или, вообще, обстебут, как дуру кудрявую», – грубо, для убедительности аргумента, пугала себя Вика. Второй вариант – самый вероятный. «Иди ка, ты, Вика, домой, залезь на диван и сиди там», – Вика представила себя на диване, под одеялом. Посидела, посидела и пошла на кухню бутерброд сделать. Снова пошла посидела. Включила телек. Там история про маньяка. Вика сжевала бутерброд и к середине передачи, когда маньяка еще не поймали, испугалась. Выключила телек и снова пошла на кухню, стресс бутербродом с колбасой заесть. А колбаса кончилась. Пошла в соседний магаз, не такой большой и красивый, как «Новый Свет», всего один зал, но с мясным отделом. Попросила отрезать грамм 300 «Докторской», потому что не любила жир в «Любительской», а «Молочная» была дорогая. Странно вкус такой же, как у «Докторской». А стоит дороже. И тут вдруг – бац! Нету «докторской». И «молочной» нет. Только салями дорогушая. Сбоку мерзкий такой, хихикающий голос: «Бери вот эту, подороже. Погуляй на полную ка-

тушку... перед смертью!» Вика шарахается в сторону. Рядом ухмыляющаяся рожа этого маньяка, из кармана фата окровавленная торчит. Злодей поворачивается к продавщице и весело так спрашивает: «А вы фарш на реализацию от населения не принимаете?» Вика пытается убежать, но ноги ватные, бег какой-то замедленный, как будто в воде, или во сне, а в спину ей летит: «Нуу, я думал, мы в киноходим, на последний сеанс. Там Ди Каприо сегодня в Атлантическом океане тонет». Вика тряхнула головой, сбрасывая с себя жуткое наваждение, которое сама себе придумала. «Ты что же наделала, дура? Ты открыто объявила маньяку, что знаешь кто он такой. Ты его при всех обвинила! Теперь он на свободе. Он тебя знает в лицо. И ты хочешь просто пойти домой? Ты, думаешь, он тебя в покое оставит? Во что ты вляпалась?» – Вика с нарастающим страхом и отчаянием обвиняла себя в самоубийственной халатности. Вспомнилась Лиза и ее полные горечи слова: «Ты, Вика, думаешь это игра? Тут на кону стоит жизнь! Это все по-настоящему опасно!» «О, мон дьё! Лизка, как ты была права! Что же делать?!»

2

Патроныч сел в кресло и понял, что ему хорошо. Так хорошо, что вставать больше не хотелось. Только что он был собран и упруг, как резиновый мяч, а теперь сдулся и размяк, как...э... проткнутый резиновый мяч. Ему было хорошо. Не мячу, а Патронычу. Очень хорошо, но могло быть и лучше. Левая рука и колено болели после утреннего прыжка

за телефоном. Зачем прыгал? Зачем спасал эту игрушку с риском для здоровья? Телефон потом все равно погиб. Ребра болели после погони за воров в продуктовом универсаме. Наверняка синяки останутся от брошенных банок с вареньем и джемом. Пока Патроныч был весь в делах, весь в раздражении по поводу окружающих, он не замечал боли. А теперь, когда решил на секунду отдохнуть, он ее заметил.

– Ну, чё, будем давать объяву? – спросил Женек.

Патроныч вопросительно посмотрел на подчиненного.

– Ну, объявление то есть.

Патроныч отмахнулся от него, мол, «дай отдохнуть, подумать». Но Женек понял его жест, как отмашку к действию.

– Держись, хмырь! Ща мы тя сцапаем! – и побежал в радиорубку к голосу торгового центра Лилии Эдуардовне Дорогой, между прочим, актрисе драматического театра «Маяк», блиставшей до самой пенсии в роли Снегурочки на всех новогодних елках. Да и после пенсии иногда блиставшей.

Когда взмыленный Женек прибежал обратно, на пункт охраны, там всю гудела толпа. Автолюбителей, желающих получить ключи от машины, оказалось раздражающе много. Протиснувшись внутрь, Женек услышал хриплый сорвавшийся голос начальника: «А ты, дылда, сразу пошел вон отсюда! А то я тебя в каталажку упеку!» Дылда спокойно воспринял неудачу: «Ну, нет, так нет», – и прошел к выходу мимо Женька.

– Где тебя носило тунеядец, скалолаз хренов? – привет-

ствовал Патроныч своего подчиненного, – Я же твоего хмыря в лицо не знаю!

– Да, я... Вы не поверите, там такое... – пытался оправдаться Женек.

Потроныч отмахнулся здоровой рукой:

– Смотри, давай, здесь твой... как там его... грабитель?

Женек огляделся: – Вроде нет. Точно нет.

– Тогда пошли все вон! Вон! Мошенники! Я вас всех под статью...

Толпа медленно начала рассасываться.

Первый посетитель, который заявил свои права на ключи, застал Патроныча врасплох. Операция по поимке вора завершилась сокрушительным успехом, но слишком быстро. Патроныч даже не успел, как следует обрадоваться. Единственно возможный свидетель триумфа – Копыто – шлялся непонятно где. Пришлось отложить триумф и тянуть время. Это бывший участковый умел. «Напишите заявление, опишите утерянный брелок, укажите подробно, где и как его потеряли». Пока посетитель нехотя и с трудом выводил каракули на листке, Патроныч напряженно всматривался в него: «На что этот джинсовый вор рассчитывает? Я ж его сцапаю сейчас. Или он просто тупой? Может, он не сам пришел, а направил сообщника какого-нибудь. Тогда он не тупой. Тогда все усложняется». И все усложнилось, но не так как думал нач. охраны. Вдруг, откуда ни возьмись, появился новый претендент на ключи. Без пяти минут триумфатор растерял-

ся. Следственный эксперимент усложнялся. «Где, мля, этот Копыто? Я как без тебя вора опознаю?» – возмутился про себя Патроныч. Когда разом пришло еще двое претендентов, Патроныч понял, следственный эксперимент на грани провала. Тут он вспомнил описание внешности вора, которое дала эта пигалица, Аня.

– Рост у тебя какой? А штаны твои какого размера?

Один из автолюбителей удивленно развел руками, второй ответил: «пятьдесят первый».

– Пятьдесят первый, говоришь. Тогда свободен, – Патроныч показал претенденту на дверь. Теперь Патроныч по-новому посмотрел на первого посетителя, который скрючился над листком.

– Встань ка, мил человек, – ласково попросил нач. охраны. Через секунду, он так же миролюбиво сказал: – Пшел вон.

Мил человек ростом за 180 хотел возмутиться, но передумал.

– А ты, щуплый, можешь садиться, заявление писать.

Следующему посетителю вместо «здрате» было сразу предложено идти в жопу.

– Что?

– Ты – жирный, вот что. Исчезни.

Но автолюбители все прибывали и прибывали, а Копыто все не было и не было. Патроныч не справлялся с наплывом. Он еле успевал тыкать пальцем в претендентов и объявлять: «Слишком толстый», «слишком длинный», «пишите заяв-

ление». Вдруг до него дошло, что такая громкая процедура опознания может спугнуть вора. Тот просто побоится идти в ловушку. Проклиная Копыто, всю затею с объявлением, менеджера Анну и, в конце концов, свою работу, Патроныч сел за свой стол, закрыл глаза и в отчаянии обхватил голову руками. В темноте, сквозь гул он услышал вкрадчивый голос: «У меня нет с собой прав, доверенности от бабушки, но это точно мои ключи. Я готов дать за них небольшое вознаграждение». Патроныч взорвался:

– Пошел вооооон! Дылда!

И тут, наконец, появился Копыто.

3

– Что заладил, как попугай, одно и то же? «Там такое! Там такое!» – Патроныч вернулся в свое привычное состояние раздражительности. – Зимний, что ли взяли? Или тебе Светличная стриптиз показала?

Женек не знал, кто такая Светлана Светличная, и почему начальник ждал от нее стриптиза. Вот если б он про Салтыкову спросил или про Алену Апинову, тогда Женек бы намек понял. Салтыкова у него на стене висела и почти все показывала. Но увы, не лично. А про Зимний он знал только то, что его взяли. В школе, когда ему рассказывали про штурм Зимнего, он представлял себе штурм вино-водочного магазина, который видел регулярно из окна. Поэтому и взятие Зимнего ему казалось обычным, рядовым явлением. Да, что Зимний, он взятие Белого дома не заметил. В общем, Женек пропу-

стиль тираду Патроныча мимо ушей. Два мира – два детства.

– Там такое...

– Не придет твой Дюша за ключами. Не придет, – думал вслух о своем Патроныч. – Или придет? Как ты думаешь?

Женек не успел переключиться на волну своего начальника и промычал что-то нечленораздельное.

– Понятно. Ничего ты не думаешь! Все приходится самому думать. Шевелить серыми клеточками. И тут Женек, наконец, выпалил новость:

– Там Стаса поймали!

4

«Бить будут», – подумал Василий Горюхин. Подумал уныло, как-то без выражения. Устал Василий идти наперекор судьбе, бороться за свои права, за свое личное счастье. И даже за элементарную личную безопасность! Мозг удивительный орган, а мозг Василия Горюхина – вдвойне. Когда олигарх сказал, что ресторан еще не работает, поэтому за бутылкой надо в «Муравейник» идти, мозг Васи не пошевелил ни одной извилиной. Оба полушария предательски молчали. Не донесли об опасности. Потому что мозг стоял на страже Васиного покоя. Отгонял от Васи беспокойные мысли и дурные предчувствия, как дворовые крестьянки в эпоху доисторического царизма отгоняли мух от спящих барчуков. Даже когда подходили к «Муравейнику», ни одно неприятное воспоминание не всплыло на поверхность памяти. Да что ж там было неприятного? Одно сплошное веселье с гонкой и пе-

рестрелкой. Упоение в бою под предводительством «Багратиона», к подвигам зовущего. И только когда Василий увидел охранников у входа, легкое дурное предчувствие пробило к сознанию: «Ёлки, я же здесь вроде отличился. Меня же скрутят сейчас». Но и тут мозг Васи, как оппортунист со стажем, начал его успокаивать: «Да они уж забыли все. Или помнят, но не узнают тебя». Охранник посмотрел на входящих и что-то сказал по рации. «Да это у них просто привычка такая по рации переговариваться. Для понтов, для солидности дешевой. Рожа важная, а сам, небось, в трубку: «Фикус, Фикус, я Герань. Когда жрать пойдем? Пусть Кактус сменит». Поверь мне, я знаю», – продолжал убеждать Васю мозг. Охранник двинулся навстречу. Мозг в ответ небрежно отмел опасность: «Ерунда. Ну и пусть идет. Как идет, так и уйдет». Охранник жестом попросил остановиться компанию. «Да ладно. Что они докажут? Скажи, что это не ты и всё», – продолжал гнуть свою линию мозг.

– Ну, ты, мужик, наглый! – радостно сказал охранник, потирая кулак, как будто начищая его перед битвой.

– Я? – спросил Вася.

К охраннику подтянулся коллега, еще двое были на подходе, и на заднем плане у мясной витрины в сторону Васи повернулась третья пара борцов за порядок. «Бить будут», – коротко сообщил мозг и отключился. Вася растерянно посмотрел на своих попутчиков.

– В чем дело, братва? – даже не то чтобы спросил, а скорее

отметил свое солидное присутствие Феличита. Присутствие, которое само по себе должно было снять любые вопросы.

«В чем дело, братва?» Фраза вроде бы простая, но сколько тонкостей в ней кроется! В ней и жест мира, в ней и обещание дать в рожу. В ней и демонстрация силы, и намек на возможную дружбу. Многочисленные стрелки и терки сделали Феличиту знатоком этикета. Не задумываясь, он выбрал интонацию, которая звучала не агрессивно, но уже серьезно. Он мог сказать эту фразу веселее, но тогда он бы показал свою несолидность. Уронил бы статус перед каким-то охранником. Как бы весело помахал хвостом, заранее увиливая от драки, а, значит, уступая позиции. Он и так, назвав «братвой» каких-то рядовых терпил, приподнял их на свой уровень. На любой стрелке его солидный бас привел бы к продуктивному диалогу. Например, к правильному делу жу ларьков по Тракторной улице, или о разделе «по-честнаку» контроля за поставками подкрылок и сальников. Или... Но в данном случае Феличита просчитался. Не учел он одну маленькую деталь – перед ним был человек в форме. Он собственноручно, как хозяин и директор, выделил деньги на форму своей охране. А что делает форма с человеком? Она делает его круче. На первых порах, по крайней мере. Женек, правда, столкнулся с обратной стороной ношения формы: на него не раз кричали и вечно что-то требовали. Но охранник, с которым столкнулся Феличита, еще не до конца узнал про эту обратную сторону. Даже не вся форма сыграла роковую

роль, а лишь армейские ботинки нового образца, которые пришли на смену кирзачам. Был бы охранник в своих старых стоптанных туфлях, был бы скромн и тих. А, может, даже вежлив. Но в этих высоких, brutальных, на шнуровке, ботинках он стал дерзок и заносчив.

– Тя это не касается, мужик. А ты, клоун, – охранник ткнул в сторону Горюхина пальцем, – иди сюда.

– Ты кого тут мужиком назвал? – Феличита ринулся восстанавливать порушенный авторитет, убрав с линии конкретного разговора Горюхина. – Мужики все в колхозе. Ты сам кто такой? Ты откуда появился тут? – продолжал Феличита.

Вместо того что бы представиться, показать рекомендательные письма, охранник, воодушевленный армейскими ботинками, грубо толкнул напирającego незнакомца. Завязалась потасовка. Эльдар пытался держать Буряка, за что ему досталось от хозяина торгового центра несколько хуков, подоспевшие охранники пытались утихомирить своего оборзевшего коллегу, и только Вася стоял в стороне и пассивно наблюдал за происходящим. Он впал в странное оцепенение: звуки, крики доносились до него откуда-то издалека, все что происходило, происходило тоже, как бы, не с ним. Потом, в том же отстраненном состоянии, он медленно двинулся внутрь магазина. Люди бежали ему навстречу, привлеченные скандалом. С видом сомнамбулы Горюхин медленно дошел до полки с алкоголем и медленно взял 15-ти летний

«Наполеон». Все так же бесстрастно он раскупорил элитную бутылку и сделал большой глоток. Никто не сделал ему замечание. Потому что активная часть покупателей, которая обычно делает всегда и всем замечания, убежала смотреть драку. Затем он пошел обратно к выходу, медленно попивая «Наполеон». Сосредоточенный на своем, теперь уже светлом и благостном самочувствии, он прошел мимо дерущихся, не оглядываясь. Равнодушная фигура с коньяком вывела из боевого угара сначала одного охранника, потом второго, потом третьего, потом Эльдара и остальных охранников, и, наконец, Феличиту. Завороженные, они смотрели, как человек плавно переходит из алкогольного отдела в nirvanу. Нарушитель прямо у них на глазах дошел до ближайшей скамеечки и безмятежно присел. Глотнул. Вечно хмурое чело его разгладилось, на лице возшла блаженная улыбка. Ему стало хорошо, шрамы от последних ударов судьбы рассосались, вселенская несправедливость рассеялась, как утренний туман. Еще раз глотнул. Глядя на него, солидарно сглотнул Феличита.

– «Наполеон» из горла! – с завистью пробормотал один из охранников.

– А в первый раз чувак был скромнее. «Багратион» и «Слыньчев бряг» бухнул. Колбаской закусил.

– Видимо, в следующий раз будет «Хенесси» употреблять.

– Гасить надо красавца. А то он так весь универсам сожрет и выпьет, – подвел итоги тот страж порядка, который первым

опознал Горюхина.

Феличита вопросительно посмотрел на охранника. Тот попытался еще раз нагрубить: «А тебе-то какое...» Но ему громко зашептали в оба уха, что перед ним хозяин торгового центра.

– Да это ж погромщик! Напился днем на халяву, разгромил тут все и Патроныча еще товаром чуть не прибил! Ущербу-то, ущербу! Его ж вязать надо! – оправдывался испуганный служащий в простых армейских ботинках, лишенных всякой харизмы. Погромщик все так же сидел на лавочке, игнорируя явную опасность расправы. Феликс Эдмундович задумчиво посмотрел на пьющую фигуру, и вдруг теплое чувство солидарности к этой нелепой фигуре залило его, чувство солидарности с нотками какого-то умиления.

– Не надо вязать, пусть сидит. Ущерб сосчитайте и спишите на непредвиденные расходы.

– Как это « пусть сидит »? Он деньги для меня должен получить в банке! – возмутился Эльдар и тут же понял, что проговорился.

– Какие деньги? – моментально среагировал Феликс Эдмундович Буряк. Он всегда реагировал на слово « деньги ». Рефлекс такой.

Разгоряченный дракой хозяин джинсового магазина потерял бдительность. Он, понимаешь, удерживал Феличиту от неравной драки с неизвестным исходом, а в благодарность за это получил пару ударов и даже оскорбления! А теперь еще и

без денег придется остаться! Возмущение выплеснулось наружу как-то само, без разрешения Эльдара.

– Какие деньги? – с ласковой улыбкой переспросил Феличита, – Ты же говорил, что это ты должен. Эльдар помялся, помялся, и, не найдя, что соврать, сказал правду.

– Ему из Москвы должны денег перевести. Часть мне, часть ему, на билеты.

– На билеты? – переспросил дотошный Феличита.

Вот за что не любили Феличиту на заре его рэкетирской карьеры ларечники безымянского района. Не за пьяную грубость, не за жестокость, а за вот эту мелочную дотошность. Сядет в ларьке и расспрашивает, расспрашивает. Откуда товар, кто поставляет, почему, про родственников расспросит, про детей. Ласково расспрашивает, молчать неудобно. К концу расспросов хозяин ларька уже в панике, а у Феличиты – полное досье.

– Да, на билеты! Это певец какой-то, Стас что ли. Потерялся тут у нас или сбежать хотел. А я его поймал. Он моих продавщиц соблазнял без спросу, понимаешь.

– Стоп. Это Стас? – недоверчиво спросил Буряк, покосившись на совсем опьяневшую фигуру, которая уже размякла и начала стекать по скамейке. – Что-то сомневаюсь. Не похоже это на столичную звезду.

Эльдар с Буряком подошли поближе к таинственному человеку с богатым прошлым и бутылкой «Наполеона». Взъерошенные волосы, помятое лицо, сонные слюни из по-

луоткрытого рта, а главное – какой-то второсортный зано-
шенный прикид – ничто не выдавало в человеке гастролера
из Москвы.

– Да, нее, это не он. – Буряк брезгливо отвернулся.

Прошла у него трогательная солидарность с пьяницей как
минутная слабость.

– Ну, с виду не похож, зато у него телефон. А по этому
телефону с ним разговаривает одна очень крутая женщина и
называет его Стасом! Она ему обещала деньги, чтоб с долги-
ми расплатиться и билет купить до МОСКВЫ, – устало вы-
ложил все, как есть, Эльдар. Ну, почти, как есть.

– Женщина, говоришь, крутая – задумчиво повторил Бу-
ряк.

– Да, дарагой, очень крутая.

Буряк поморщился от напряженных раздумий. Вроде, все
удачно складывалось. Потерянный певец нашелся сам собой.
Но нелепая фигура на лавке не внушала доверия.

– Отнесите это к Мотылю, пусть подержит у себя. Очу-
хается, меня позовите. Попинаю на тему установки лично-
сти. Но сами не трогайте! Вдруг, мать его, это действительно
Стас. Проблем не оберемся.

Отдав приказ, Буряк повернулся к Эльдару и пояснил
свои сомнения: – Кто их там знает? Может, их гримируют
перед сценой до неузнаваемости? Может, это, правда Стас.

– Конечно, может, уважаемый, – поддакивал Эльдар.

Тут раздался звонок. Буряк полез в свой карман, Эльдар –

в свой, а человек, которого подозревали, что он Стас, никуда не полез. Не шелохнулся даже.

– Это не мой, – Эльдар сунул телефон обратно. Буряк сделал тоже самое. Звонок продолжался. Они с интересом посмотрели на человека, который устроился на лавке в позе отдыхающего Будды.

– Вот видишь. Я же говорил! – торжествовал Эльдар. Звонок затих. Через некоторое время телефон зазвонил снова. Раздался «Полет валькирий», Буряк снова достал свой побитый «Ямамото-стурлусон».

– Слушаю.

– Это я слушаю, а ты докладываешь. Понятно? – раздавалось из трубки. – Ты отправил Стаса на самолет?

Феликс Эдмундович деликатно промолчал.

– Вы только едете в аэропорт?

Феликс Эдмундович молча поморщился.

– Ты нашел их в банке? На лице Феликса Эдмундовича появилось выражение сильнейшей муки, но он все равно молчал.

– Слушай меня! Осталось 4 рейса до концерта. В Олимпийском 35 тысяч мест. Каждый билет от 150 до 950 рублей. А в VIP-зону билеты по 1500 рублей. Если Стаса не будет и концерт не состоится, ты заплатишь неустойку в двойном размере. И это только мне, а есть еще другие люди, которые будут очень-очень расстроены. Хватит ли твоей лавки, чтобы расплатится со всеми?

– Да нашел я твоего Стаса, не кипятись, – прервал молчание Феликс Эдмундович.

– А почему не отвечает на звонок?

– Бухой он в стельку. «Наполеона» обожрался!

– Торта?

– Зачем торта, коньяка.

– Хорошо, мой железный. Ты только что спас свою лавку и свою шкуру. Ну ладно, жду звонка из аэропорта.

– Конечно, конечно. Все будет в ажуре. Доставим в целости и сохранности! – бодро рапортовал Феликс Эдмундович. Но когда из трубки послышались гудки, он в отчаянии опустил руки и с горечью подумал: «Никакой это не Стас. Так фуффло какое-то случайное». Но вслух скомандовал:

– Ну чё стоим? Чоо, спрашиваю, стоим? Тащите это к Патронычу.

Потому что сомнения никому не нужны, их на рынке не продашь. Всем результат подавай. Вот это товар ходовой. А Феликс Эдмундович Буряк – бизнесмен и занимается только ходовым товаром. От него требовали результат, он его предоставил.

В это самое время Женек отклонился от прямого маршрута из радиорубки в пункт охраны. Он решил свернуть в «Муравейник» с целью купить себе кефира с батоном. На обед не отпустили, так хоть на ходу перекусить. Но перекусить не получилось, он услышал, как хозяин «Нового света» докладывает по телефону, что нашел Стаса. Скамейка скрывала

от Женьки пьяную фигуру, над которой стоял начальник его начальника. Забыв про кефир и батон, Женек повернул на 180 градусов и понесся с новостью к Патронычу.

5

«Может, я упустил свой шанс? Может, надо было брать то, что предлагала сама судьба, а не идти вопреки ее воле? Надо было в институт идти, раз там отец работает. А теперь вот картошку с пола собирать приходится. Поиграл в хозяина своей судьбы, ничего не скажешь», – мучительные сомнения в правильности своего выбора одолевали Александра Петровского всякий раз, когда в работе случалась очередная авария. А аварии случались регулярно. То он кофе расплескал, то, как сейчас, картошку рассыпал. Дома кухня была вся на бабке, Ирине Ильиничне. Она ходила за Сашенькой, подкладывала ему под руку пирожки, яблочки и убирала грязные тарелки с огрызками.

– Что ты упустил? – Микки Рурк лениво прислонился к стене, достал сигарету и красиво закурил. – Что ты упустил? – он затянулся, медленно выпустил дым в табличку «Здесь не курят». – Семь часов снотворных лекций? Латынь? Вечные нотации отца? Тебе дома материнского нытья мало?

– Да я бы в Москву поехал, в первый Мед поступать. – запротестовал Александр.

– Москва – это круто. Там бабки нужны. Будешь денежки

у отчима просить?— презрительно спросил Микки Рурк.

— Петровский! Петровский! Уснул что ли? Бумбургер с колой не женщине с ребенком, а вон парню надо отдать. Да вон! Разуй глаза! Вон видишь, модный такой, на Стаса похож, с кучей пакетов. Нонна впервые с интересом посмотрела не на Александра, а в сторону.

— А сейчас я чем занимаюсь? — с обидой и вызовом спросил Александр Микки Рурка. — Прислуживаю тут всяким!

— Так не прислуживай, — все так же спокойно и равнодушно ответил Микки Рурк. — Да что я, вообще, с тобой разговариваю? Меня Ким Бесинджер ждет, да и на ринг пора.

Микки бросил окурок в поддон с картошкой фри, шлепнул Нонну по попе и ушел. Послышался удаляющийся рев Харлея.

— Ну, и ладно! Сам справлюсь. В гордом одиночестве Александр продолжил работу. Продолжил, так сказать, тянуть лямку самостоятельного человека. «Все таки, я — дурак. Люди ищут, где лучше, а я...»

— Может, хватит дурака валять?

Александр Петровский остолбенел.

— Может, хватит дурака валять, я повторяю! Что ты здесь делаешь, а? Что молчишь, язык проглотил? Да что же такое, отвечай, когда с тобой мать разговаривает!

— Что будете? — еле-еле пролепетал самостоятельный человек.

— Ты как с матерью разговариваешь!

– Кристина Анатольевна, вы фраппируете его. Кристина Анатольевна, дорогая, вы ставите мальчика в неловкое положение. Сашенька, голубчик, будьте добры, дайте нам чаю с круассанами.

– У нас нет круассанов, Надежда Алилуевна.

6

Дюша сидел на унитазе и ждал знака судьбы, как завещала ему женщина-астролог. Сначала он ждал знака у писсуара, потом у умывальника. Знака не было. Дюша пошел ждать знак к сушилке. Сушилка не работала. Сзади стоял человек с мокрыми руками и ждал своей очереди, чтобы испытать шанс у аппарата с горячим воздухом. По логике вещей надо было выходить из туалета. Но знака не было. Дюша сделал неуверенный шаг в сторону выхода, затем с мукой на лице, стараясь не глядеть на окружающих, быстро зашел в кабинку и закрылся. Ждать знак в кабинке было легче. Но ничего знакового не происходило. Только вонь значительно увеличилась, после того, как из соседней кабинки раздались какие-то анатомические звуки. «Неужели я должен это терпеть?» – взывал непонятно к кому Дюша. «Да, должен», – отвечал от имени непонятно кого Дюша. Он оглядел свое временное убежище. Несмотря на свежесть ремонта, стены уже были украшены народным творчеством. Большая часть посетителей были правши. Правая стенка была разрисована гуще левой. Знаки были незатейливы. Сжатый кулак, правда, без одного пальца. Попа женского пола, написанная с

претензией на реализм. Несколько мужских членов, нарисованных грубо, схематично, совершенно недостойно великой русской реалистической живописи, как будто автор не имел перед глазами предмет своего изображения. Череп и кости. Надписи: «Кастет рулит», «Ляля – сука». Рядом кто-то подписал «Кастет – козел». Зачеркнуто. Ниже кто-то поделился своей упаднической философией: «Живи и молчи. Жри, сри и др...чи». Тут же стоял отклик: «Перейдешь на крик, интеллигенция. Когда будет язва, запор, импотенция!» Еще ниже был грустный вывод: «Жизнь – говно». Еще ниже – стоический ответ: «Вытри жопу и иди, работай». Еще ниже – ответ на ответ: «Сам вытри». Про работу ни слова. На дверце фломастером старательно выведено «METALICA», буквы ровные, объемные. Под «Металикой» шариковой ручкой и не так старательно, кто-то объявил своего кумира: «Алиса», название украсил стрелочками. Под «Алисой» красовалась уже просто нацарапанная ключом или ножиком надпись «Любэ». У шпингалета жирными, неровными буквами было написано «ВЫХОДА НЕТ». На левой стене карандашом были нарисованы: звезда, серп и молот, лозунг «Слава КПСС». «А вот и знаки!» – осенило Дюшу. «Но как это все интерпретировать? На что намекают мне эти знаки? Что может подсказать такого эта мазня?» Потаенный смысл окружающих росписей ускользал от испытателя судьбы. В голове пронеслись, как ветер, строчки из народной песни. «Орлом сидит в открытом поле молодой казак. Кручина злая одолела, в жи-

воте гопак. Коня увел татарин хитрый, казак же все сидит. Сожрал ворованные дыни, а в дынях пестицид». Потенциальный начальник народных хоров вдруг встрепенулся: «А песня-то права! Вот что значит народная мудрость! Там у меня, может быть, в этот момент, ключи от машины уводят! А я тут высиживаю. Какие, на фиг, знаки? Я же джинсы почти все вернул! За что меня сажать? А за эти,— Дюша погладил синеву на коленках, — я расплачусь, как только мне вернут борсетку». Где находится пункт охраны человек в джинсах, но без ключей в кармане уже знал.

7

В то время как Дюша нашел выход из сортира, две Ани никак не могли найти выход из конфликтной ситуации. Поэтому полные чувства собственного достоинства, праведного гнева друг на дружку они впервые за долгое время взялись за работу. Результатом их неожиданной трудовой активности стали три пакета вещей в руках Кристины Анатольевны. Этикетки с лошадьми были засчитаны как символы большой брендмагической силы, способные защитить хозяйку от неблагоприятного астрологического прогноза. Количество вещей, которые подошли по фигуре, убедило Кристину Анатольевну, что у нее и без диет с фигурой все нормально. А значит, она может пойти подкрепиться. Она страстно захотела молочный коктейль с пончиками, поэтому предложила Надежде Алилуевне пойти выпить чашечку кофе. В голове Надежды Алилуевны тут же выросла горка блинов с ва-

реньем, сметаной, семгой и самоваром, поэтому она тут же согласилась на чашечку черного, без сливок и прочих излишеств, кофе. Родного сына в фирменном чепчике на голове Кристина Анатольевна не узнала. А Надежда Алилуевна чужого сына в нелепом чепчике, в нелепой ситуации, ранее такого высокомерного, а теперь слушающего нотации от кого-то мальчишки, тут же узнала.

– Ой, это не Саша там стоит? Как ему идет эта форма!

Она с удовольствием и не без злорадства наблюдала за удивлением, замешательством и, в конце концов, гневом Кристины Анатольевны. Ничто человеческое мастеру высокодуховных практик не было чуждо. Сначала Надежда Алилуевна бескорыстно наслаждалась унижением богатой клиентки, но вскоре, как женщине умной и с фантазией, ей пришла в голову чудесная картина будущего: она наставляет клиентку не только в выборе одежды, но и в семейных отношениях. «Вот где болевая точка у этой блонды!» – мысленно потирала руки Надежда Алилуевна. «Клиент на крючке! Астрологические консультации по семейным делам – это же золотое дно!»

– Ты меня убиваешь, Александр! Ты меня убиваешь, – произнесла мелодраматичным грудным голосом Кристина Анатольевна. Таким голосом обычно говорят женщины, чтобы показать, насколько они взволнованы.

Убиваемая собственным сыном мать тут же представила себя на смертном одре сначала у себя дома, потом переду-

мала и представила себя умирающей на больничной койке, так жалостливее. Рядом люди в белых халатах и безутешный убийца матери. Безутешный убийца стоит на коленях, рыдает: «Прости меня, мама!» Кристина Анатольевна вся такая бледная, с большими выразительными глазами, подведенными новым инновационным карандашом от «хайвон» из серии «ева седакшен», берет последнее слово.

«Я пожертвовала всем ради твоего будущего! Ушла от твоего нищего отца. Связалась с этим бандитом! Думаешь, я по любви к нему ушла? Я ушла к нему ради тебя. Чтобы у тебя все было! И джинсы, и кроссовки, и перспективы. Мне самой ничего не нужно. Мне не нужны были эти шубы, платья, сапоги. Хотя между прочим, удовлетворенная в житейском плане мать – это одно из условий счастливого детства ребенка. Но речь не об этом. Я думала о твоём будущем. Я думала, ты поступишь в МГИМО, станешь дипломатом или, на худой конец, журналистом-международником, как двоюродный племянник у тети Лены. Ну, помнишь, рыжая, маленькая такая, к нам забежала на майских. Ну, они жили еще у «Стекляшки». Нет, не Васька. Эдик. Ты не знаешь его, он в Пензе жил. Вот. Теперь его по телеку показывают. «Специальный корреспондент Эдуард Лабода передает из Улан-Батора». А ты? Ты продаешь какие-то бутерброды, Александр. Ты разбил мне сердце. Сердце любящей матери, которая вскормила тебя своей грудью. Прощай, Саша! Обещай подумать над моими словами и поступить в МГИМО».

Все заливаются слезами. У медсестер и у врачей некрасиво течет тушь, а у умирающей Кристины Анатольевны тушь не течет. Потому что она использует только суперстойкую тушь «Пассион авек плезир» от «Жи и ши». Кристина Анатольевна протягивает руку к сыну: «Подумай о своей бедной матери!»

Петровский отшатывается, нервно срывает с себя фирменный фартук, шапочку, пытается рыкнуть, так чтоб всем страшно стало, вместо этого дает петуха в традиционном подростковом кличе:

– Как же вы все меня достали! – и бежит сквозь столики с жующими посетителями прочь.

8

Новость, что Стас найден, должна была доставить Патронычу облегчение, но вместо этого доставила горькое разочарование. «Как найден? Кем найден? Кто посмел? Да, кто вообще мог его поймать, кроме меня? А как же венец карьеры? Как же попадание в историю криминологии? Тьфу, криминалистики».

– Брехня! Не бось, не того взяли! – бросил как можно презрительнее Патроныч.

– Не знаю, не знаю, – отвечал Женек, – это сам хозяин сказал.

Нешуточная внутренняя борьба развернулась в бывшем участковом. С одной стороны: начальство не обсуждают, с другой – «да, что знает о поиске пропавших этот блатной?»

Столько лет прожил Патроныч без всякой внутренней борьбы, был простой, как чугунная гиря, а теперь, на старости лет, бац – заразился этой дрянью – сомнениями в начальстве. Так ведь раньше начальство было «огого», в погонах, значительное, как портрет на доске почета. Какая при таком начальстве может быть внутренняя борьба? А сейчас?

Восстали одни серые клеточки Патроныча стеной на других. «Пойти посмотреть, поспорить. Доказать, что хозяин не прав. Или дождаться пойманного и сидеть, не дергаясь, до дальнейших распоряжений? А может лучше, наоборот, пойти на встречу, засвидетельствовать, так сказать, усердие? Или надо подкарауливать вора со склада джинсов? Или, вообще, эта Аня права, надо идти в ее магазин и трясти сообщницу вора? Тогда и на настоящего Стаса можно выйти!» Вариантов было куча. Патроныч устал от внутренней борьбы и решил передохнуть. Посидеть. В прочем, он итак не вставал с момента появления Женька.

– Я слишком стар для этого дерьма, – тихо пробубнил Патроныч.

– А? Чё?

– Через плечо! Бегом за потерпевшей в магазин. И пусть подозреваемую сообщницу захватит. Будем очную ставку устраивать.

– За кем? – не понял Женек. Анна, про которую говорил Патроныч, никак не ассоциировалась у Женька с потерпевшей.

– Тупой что ли? За девчонкой. За менеджером, как ее, Аней. У которой джинсы украли. И кого она там обвиняет в пособничестве? Чтоб обе пришли.

– Я без обеда вообще-то. Мне кефиру хотя бы...

– Бегооом!

9

Только Женек скрылся за углом, как на пункт охраны внесли тело, исполняющее обязанности столичной звезды. Тело плюхнулось на скамейку, затем сползло на пол. Голова на теле глупо улыбалась. Патроныч тут же признал в пьянице дебошира из «Муравейника».

– Это ж...

– Ага, он самый, – откликнулся охранник.

Дебошир глубоко вздохнул и выдохнул. Патроныч заинтригованно принялся:

– Это ж...

– Ага, он самый. Коньяк, – снова откликнулся боец. – Только теперь «Наполеон».

Человек с ароматом коньяка встал на четвереньки и пропел куда-то в пол: « Я сваабодееееэээн ийк, словна птиса в нибисааа х». Но даже это не убедило Патроныча, что перед ним певец.

– Дай ка, – ткнул он пальцем в сторону журнала « Уй!», где была фотка звезды.

Охранник передал журнал, и Патроныч недоверчиво начал сравнивать фото с реальностью.

– Я, млять, этого певуна, только одетым видел, да и то, мельком и с жопы, – объяснил свои действия Патроныч, хотя охранник его ни о чем не спрашивал.

На фото, среди вспышек цветомузыки, замер в прыжке брюнет с подведенными глазами. В реальности и. о. звезды был максимум шатеном и плотно прилегал к полу, так что о следственном эксперименте с прыжками не стоило и думать. Патроныч присел к проспиртованному телу и, тыкая в журнал, громко, с артикуляцией, спросил:

– Это ты?

Тело в ответ булькнуло, зажало себе рот, как будто не хотело говорить, но не удержалось и исторгло из себя накопленное. Это были не слова. Патроныч с матом отпрыгнул от подозреваемого, хотел его пнуть, но побрезговал.

– Все. Допрос окончен. Уборщицу позови! – бросил он охраннику и двинулся на свежий воздух. Перед носом дверь неожиданно распахнулась, в нее шагнула щуплая фигура и робко проямлила:

– Я по поводу объявления. На счет ключей от пятерки.

– Документы! – рявкнул Патроныч.

– Понимаете в чем дело, – продолжил мямлить щуплый, – у меня их украли. Точнее, у меня украли борсетку, а там и деньги, и ключи...

– Джинсы, я смотрю, на вас новые, – прервал гостя Патроныч. – И туфли. Как будто только что со склада.

Щуплый замер. Нач охраны смотрел на него тяжелым,

немигающим взглядом. Взглядом без намека на сочувствие, словно двухстволка уперлась в жертву. Взглядом, который видит насквозь, словно это уже не двухстволка, а рентгеновские лучи. Взглядом презрительным, словно это и не двухстволка, и не рентгеновские лучи, а мусоровоз, который приехал очистить двор. Это был знаменитый взгляд Патроныча. Взгляд, который заставлял жалко лепетать в свое оправдание даже матерых рецидивистов, вроде Тусклого Вани из 17-го ПТУ, который дважды чистил ларек на остановке, но оба раза, говорил, что не он. А, когда столкнулся со взглядом Патроныча признался, что он. Ой, как плохо было Дюше под этим взглядом. «Как же так, – подумал бывший хозяин борсетки, – я же – водолей, у меня сегодня по гороскопу полное ведро успеха?» Тут у ног водолея с дрызгом опустилось металлическое ведро, из которого расплескалась грязная вода.

– Я это убирать не буду, – гневно сообщила окружающим уборщица тетя Зина, указав резиновой рукой на валявшееся тело.

– Не нанималась я блевотину убирать, – без всякой деликатности продолжила она. – Задолбалась я сегодня за идиотами убирать. В Муравейнике нагадили, сейчас здесь. Сколько можно? Я свои права знаю. Я, между прочим, работала в профкоме жилхоза, так чё свои права знаю. Я когда у Журавлевой в кабинете мыла, она мне всегда говорила: «Ты, Зинаида Петровна, (хотя меня Феокистовной зовут). Ты, Зинаида...»

– Вон.

– Чё?

– Вон пошла.

– Чё?

– Вон пошла отсюда, – взорвался Патроныч.

– Грубый ты, Антон Петрович, человек. Я к нему, понимаешь, со всей душой...

– Зинка, вали на х.. отседова. У нас тут есть кому полы мыть. Да ведь, мил человек? Бери швабру, любитель халявных джинсов.

– Я? – переспросил любитель халявных джинсов.

– Ты, ты. Давай, за работу.

Так Дюша, рожденный под знаком водолея, снова воссоединился с родной стихией воды.

10

«Подумать только, я – единственная, кто знает про маньяка. Единственная. Ну, Лизка не в счет. Она ж не верит, что это – тот хмырь с курткой. Я с ним один на один осталась». Вика Ключева, разоблачительница маньяка несла свою тайну сквозь равнодушную толпу и чувствовала себя одинокой и беззащитной. «Никто-то мне не поможет, бедной, слабой девушке. Все заняты своими покупками. Эгоисты. Ничего кроме шмоток не видят вокруг», – возмущалась Вика, потому что у самой интерес к шмоткам как отрезало. Ничто не могло ее отвлечь от мрачных мыслей: ни пуховик такой серый с красным, адидас настоящий с кнопками, ни топик такой ро-

зовый с Майклом Джексонем, ни шорты такие, как у Памелы Андерсон, о каких Лизка-дура мечтала...

«Эх, Лизка, Лизка. Ничего, найдешь мой труп, окровавленный. Вот тогда вспомнишь мои слова, вспомнишь, как не верила мне, как спорила со мной. Только поздно будет. Буду лежать такая бледная, бледная, в таком вот бордовом платье, как это... Что это тут у нас? А Кальяно. О, дорожка какое. Не, не буду в таком лежать. Сами пусть за такую цену... А, может, взять? На что мне теперь экономить? Все равно скоро помирать. Так хоть красиво буду выглядеть, в Кальяно. И разрез красивый, длинный какой. Легко же мерзавцу будет до ног моих добраться. Какой же все-таки урод, этот маньяк. И обшарпанный весь какой-то. Прямо неприятно как-то. Фиг, ему Кальяно. Недаром, Лизка себе в маньяки красавца выбрала. От такого и умереть не противно». При слове «красавец» тут же всплыл образ Петровского. Вот такая устойчивая ассоциация царила в голове Вики. Что тут удивляться, она у девчонок всего класса царила. Образ быстро погас, Вика его почти не заметила, но двинулась в сторону фуд-корта. Просто так. «Может, перекусить? На месте решу», – сказала она себе. «Да ладно, при чем здесь Петровский, я просто так зашла», – убеждала она себя, когда заметила, что есть не хочет, а одноклассника все равно высматривает. «Ну, хорошо, хорошо. Да, я к Петровскому шла. Он мальчик умный, рассудительный. Подскажет, как быть. Тем более он джентельмен, обязательно защитит девушку от ма-

ньяка. А про ссору он наверняка забыл давно. Я же забыла». Но Александра Петровского в кафе не было. Ни за стойкой. Ни среди столиков. Вдобавок одна работница узнала Вику и, ухмыляясь, помахала ей ручкой. Вика стушевалась и ушла с фуд-корта. Аппетит совсем пропал. Даже намек на него.

А у кого бы не пропал? Какая может быть еда на уме, когда смерть наступает на пятки. Тут погибаешь ни за что, ни про что, а вероятный защитник шляется непонятно где? «Может купить Кальяно?» – совсем упала духом Вика. «Как ни как, такой торжественный момент наступает. Раз в жизни случается. Думаю, мама непротив будет, если я перед смертью ее заначку возьму. Больше ведь никогда не возьму. Пусть на гробе сэкономит. Зато буду лежать в гробу красивая, в Кальяно». «Дура», – вдруг у Вики прорезался какой-то внутренний голос, – «а если он расчленит тебя в твоём Кальяно? Не остановится перед такой красотой? Помнишь, как он с платьем в свадебном салоне обошелся?» «Ну, хоть чуть-чуть в таком платье побуду. Может кто-нибудь успеет увидеть меня в таком платье, влюбится и защитит меня в последний момент. Точно. Это платье – мой последний шанс. Тут дело жизни и смерти. Надо двигать за заначкой», – победила Вика свой внутренний голос. «Решено – беру!» Но не судьба носить Виктории Ключевой платье от Кальяно. Даже примерить не успела. Да, надо сказать, оно и сидело бы не очень. Еще там шов этот стал бы топорщиться, который под грудью. Да, там вообще, с левой стороны такая затяжка – жуть. Ле-

жала бы в гробу такая, а подруги: «Смотри, какая затяжка на платье!» Расстройство одно. Но судьба уберегла Вику от расстройства. Только она подошла к выходу из центра, как увидела своего маньяка. Ведут его под руки два охранника, даже не ведут, а тащат. Дотаскивают до двери и выбрасывают наружу. Вика от удивления забылась и вышла вслед на улицу. Маньяк растянулся в своей нелепой куртке на асфальте и пьяным голосом замычал в спины охранников: «Господа, вы звери, господа! Я требую посадить меня в тюрьму и должного обхождения!»

11

–Ты что сделал???

–Я его отпустил.

–Ты его отпустил???

–Выкинул на улицу.

– Выкинул на улицу???

Феликс Эдмундович Буряк был ошарашен поведением своего зама настолько, что даже не мог ругаться матом. Он просто задыхался от негодования и хватал ртом воздух. Его зам по общим вопросам был внешне спокоен, но внутренне тоже расстроен. Он впервые за многие годы изменил своему правилу: не пользоваться своим умом, когда рядом есть ум начальства. Девчонка попутала. Точнее две. Дуэтом как заголосили, что это не Стас, что если это Стас, то они – Пугачева с Алегровой. А они просто продавщицы из джинсового магазина. Аня и Аня. Точнее менеджер Аня и просто

Аня. Надсмехаться начали, что Патроныч – великий продюсер, может из алкаша подзаборного звезду сделать. «Да, я сам знаю, что это не Стас», – оправдывался перед девчонками Патроныч. «Что я Стаса не узнал что ли? Это начальство с похмелья что-то напутало». И с этими словами Патроныч приказал выкинуть пьяницу на улицу. Через минуту он опомнился: «А за дебош в Муравейнике кто ответит?» Но было поздно, охранники ушли, да и перед этими пигалицами было неловко брать свои приказы назад. Подумают, что начальства испугался. «Мля, а Буряк реально будет недоволен», – успел напрячься Патроныч, и тут же ввалился не к добру помянутый хозяин.

– Ты хоть понимаешь, что наделал? Ничего ты не понимаешь! Мне надо было эту звезду сдать сегодня обратно! Законным владельцам! У него, йоп, срок аренды кончился уже! Меня на счетчик из за него поставят. За этого Стаса такие проценты будут списывать, мы все по миру пойдем! Если в живых оставят!

– Это не Стас, Феликс Эдмундович. Вон, свидетели есть, – кивнул в сторону Патроныч. Присмирившие Ани молча кивнули в ответ.

– Да какое твое дело, Стас это или не Стас, если я сказал, что это Стас! Тебя кто учил приказы начальства обсуждать? На гражданке так быстро испортился? Даже если это чмо – не Стас, мы бы его отправили в Москву и время выиграли. Хозяева нам такие: «Это не он!» А мы такие: «Как не он? А

он говорит, что это он. И телефон у него... И по телефону он с вами о деньгах на «ты» разговаривал!»

Рядом зазвучал Эльдар:

– У него телефон был, его по телефону Стасом называли.

– Слышишь, что деловой человек говорит. За базар отвечает. Пока хозяйева звезды там бы у себя разбирались, мы бы здесь разобрались, настоящего Стаса нашли. Понимаешь. Понимаешь ты своей тупой, круглой головой?! А теперь, что делать? Ты мне должен найти этого Стаса в течение часа! А не с сосками лясы точить. Бегом!

Пораженный Женек смотрел, как его шеф, страшный и суровый Патроныч, кряхтя поднимается и послушно бредет к выходу. В этот момент Женек понял, что все в мире относительно. Особенно люди. Буряк гневно пучил глаза на своего зама по общим вопросам, как Петр Первый на приговоренных бунтовщиков в «Утре стрелецкой казни» Сурикова. Подавленный Патроныч совсем повесил голову, как будто ее вот-вот отрубят, даже забыл громко хлопнуть дверью. Всем стало его жалко, а Буряку стало неловко.

– А как по другому с людьми, если не понимают? Блин, все самому надо делать! – и вышел вслед за замом.

В комнате стало тихо. Только мокрая тряпка редко чавкала, когда Дюша вяло переворачивал швабру. Всем хотелось выбраться на свежий воздух, но малейшее движение, означало старт неприятных разборок. Пятеро человек застыли, как ковбой перед финальной перестрелкой. Менеджер Анна

молчала и нервно переводила взгляд то на Женька, то на Дюшу, то на Эльдара, оценивая свои шансы в грядущем столкновении. Просто Аня молчала, нервно поглядывая на Эльдара, и ожидая от него очередной порции криков: «Почему ты не в зале?!» Женек молчал, потому что ему нечего было сказать. Но он чуял, что на него начнут сваливать пропажу джинсов и нервно смотрел на менеджера Анну. Сильнее всех старался молчать в тряпочку Дюша. Он нервничал, не поднимая головы, изо всех сил пытаясь спрятаться за швабру. Только Эльдар молчал, ничего не опасаясь, а, наоборот, раздумывая, на чем или на ком разрядить свое накопившееся раздражение.

– Почему ты не в зале? А?! – не смог ничего придумать Эльдар и взялся за старое. – Я спрашиваю, па-че-му?!

Запустилась цепная реакция скандала.

– А чё я-то? – взвилась просто Аня и дала залп в сторону Женька. – Вон этот нас вызвал. Сказал, что на опознание вора, который у нас со склада джинсы украл.

– Кто это тут у меня джинсы украл, я не понял? – повернулся Эльдар к охраннику.

Выглядел хозяин магазина внушительно и угрожающе. Женек невольно отступил назад и быстро перевел стрелки на соседа:

– Да вот он украл.

Эльдар повернулся куда показали. До этого он не замечал фигуру со шваброй, теперь увидел и фигуру, и джинсы на

фигуре. Швабра не помогла Дюше защититься. Когда Эльдар перевел дыхание и снова смог задавать вопросы, Дюша лежал в луже из содержимого ведра.

– Ты как на склад проник, хапуга?

– Меня Аня туда привела! – истерично всхлипнул хапуга, моментально сдав свою бывшую, хоть и недолгую, любовь без всякого внутреннего сопротивления.

Просто Аня сделала широкие глаза:

– Это не я!

Менеджер Анна успела подумать: «Предатель», но вслух заклеить Дюшу не успела.

– Ты запустила на склад вора?! – взорвался Эльдар, – Как ты могла? Я для тебя... Я тебя... А ты... Да я тебя...

Пожар гасят встречным пожаром, Анна не стала молчать. А то смолчишь, попытаешься переждать гнев, а обвинения уже зафиксировались, зацементировались. Вроде все успокоились, а оправдываться поздно. Поэтому Анна взорвалась в ответ:

– Да как ты смеешь на меня бочку катить?! Я твой товар спасала, понятно.

Эльдару было не понятно, но подобрать нужные слова он не успел.

– Я на тебя ищачу уже сколько? Я у тебя хоть раз что-нибудь украла? И ты смеешь меня в чем-то обвинять? У тебя совесть есть?

Эльдар набрал воздух, чтобы ответить про совесть, но

опять не успел.

– Нету у тебя совести! Да ты мне по гроб обязан, между прочим. Склад с утра кто-то вскрыл. Там даже окно было открыто. Джинсы в веревку связаны. Я, видимо, вора спугнула. Да. Не веришь, его спроси, – Анна кивнула в сторону Женька. – Его и начальника охраны вызвала. А потом я сама решила вора поймать! Понятно. Взяла этих двух, склад сторожить. Тебя же не было. Где ты шлялся, пока я товар защищала? А? Где ты шлялся, я спрашиваю?

Эльдар онемел от такой наглости. Всего за секунды он превратился из обвинителя в обвиняемого. – Ну, что? Нечего сказать?!

– Я где надо шлялся, – очнулся от шока работодатель. – И, вообще, я не понял, что ты несешь? Какой вор? Еще один? Джинсы крал кто? Вот этот лох со шваброй? Или еще кто-то? У меня что, склад – это двор проходной? Кто, спрашиваю, там еще был?

Со злорадной усмешкой Анна всю эту кучу вопросов перекинула тезке:

– А это ты, дорогой, у Анечки спроси. Кого она на склад водила? С кем там джинсы с трусами мерила, бюстгальтером хвалилась?

– Что?! – градус возмущения Эльдара резко повысился. К хищению добавилась измена. Честь альфа-самца была задета. Утренние подозрения подтвердились. – Ты? Мне? С кем? – мавр Отелло в костюме хозяина джинсового магазина

мрачно надвигался на Дездемону в костюме продавщицы.

– Кого я водила? Никого не водила! – роль Дездемоны «просто Аню» не прельщала. – Просто кто-то совсем свихнулся от паранойи. Кто-то думает, что я у нее Стаса увела. Увела, отвела на склад и переспала с ним там. Бред какой-то. Блин! Ты чо? Мне не веришь? – испугалась Дездемона в джинсах, видя, что Отелло продолжает надвигаться. – Блин, Эльдар, ты, не пугай меня так! Чо ты тут губы кусаешь? Ты чо, поверил этой дуре, этой злобной Яге? Посмотри на меня! Чо у тебя глазки забегали?

– Убью с..ку. Признавайся.

«Просто Аня» допустила ошибку, не надо было оправдываться, тем более не надо было самой объяснять в чем ее обвиняют. Пока Эльдар ничего не понимал, его больному воображению не за что было ухватиться. Теперь же паранойя Эльдара получила в распоряжении четкий сюжет. Ярость пошла по нему, как река по новому руслу. «Просто Аня» была права и невиновна. Она не совершала преступление, в котором ее обвиняют, но допустила грубую ошибку. Каждое слово в свою защиту теперь только ухудшало ее положение.

– Да, я вообще не была на складе!

– Конечно, конечно. Рассказывай, рассказывай, – зловеще согласился ревнивец, показывая, что не верит ни единому слову своей неверной продавщицы.

– Че ты пристал, как прошлый раз? – сделала еще одну ошибку в конец напуганная Дездемона. Она лишний раз

напомнила о прошлых подозрениях. Только неожиданность сложившейся ситуации может объяснить такие грубые проколы, которые допустила доселе находчивая продавщица. «Что бы сделала на моем месте мама?» – подумала в отчаянии Аня. «Я б в такую ситуацию и не попала. Я ж всю жизнь на заводе, у станка... Нам с твоим отцом некогда было...» – ответила за маму Аня и тут же ее оборвала, – «Ладно, понятно. Зря только спросила». Отчаяние усилилось. Ждать помощи было неоткуда. Как выкрутится, что соврать этому бешеному быку? Аня уже видела заголовки местных газет: «Продавщица задушена из ревности», «Распродажа смерти», «Убойный маркетинг». Маркетинг...? И тут «просто Аня» поняла, что спасена. Что гласит золотое правило «Маркетинга для продавщиц»? «Аргументируйте, но не навязывайте товар покупателю. Если клиенту не нравится товар, не упорствуйте. Предложите что-нибудь еще!» Просто Аня набрала воздуха для храбрости и бросилась в контратаку.

– Ну, ты чё?! Ты чё молчишь, я не понимаю? Давай расскажи им всё! Или ты собираешься стоять и ничего не делать? Кавалер называется.

Женек даже не понял сначала, что продавщица к нему обращается. Он непонимающе хлопал глазами. Сначала он хлопал глазами только в сторону «просто Ани», через секунду – он делал это, испуганно поворачиваясь то к ней, то к красному от ярости Эльдару. Анна продолжала искренне возмущаться:

– Так и будешь стоять, как истукан, пока меня не задушит этот бешеный?

Бешеный хозяин магазина повернулся к охраннику. Он по-боксерски опустил свою бычью голову и сделал шаг вперед. Кто б мог подумать, что в провонявшем пункте охраны будут кипеть такие страсти, прямо как на корриде! Эх, Хемингуэя бы сюда. Он бы описал эту корриду любви. Он бы описал своим скупым, но емким слогом драму тореадора, титаническую борьбу с обстоятельствами и последний кровавый бой. Широким мазком нарисовал простой, но сильный характер. Он бы... Хотя зачем тут Хемингуэй? Что ему здесь делать? Бык еще ничего, достойный, а тореадор так себе. Вот у тореадора засосало под ложечкой. Вот как-то пусто стало внутри. Вот как-то он и не бросился навстречу рогатой смерти. Не, недостойн Женек пера Хемингуэя. А тут и вовсе случилась какая-то профанация: сосед-пикадор, вместо того, чтобы атаковать быка, со всего маху как даст тореадору шваброй по голове.

– Ты же говорил, что твоя девушка не она, а она! Дюша мотнул головой от одной Ани к другой. – Ты же говорил, – Дюша замахнулся на охранника шваброй, – что у вас все так серьезно. Швабра со свистом опустилась на плечо обманщика. – Ты же говорил, – снова замах, – что вы татуировки себе сделали в знак любви! Швабра снова попала по цели. Женек ойкнул и прижался к стенке. Менеджер Анна зло посмотрела на избиваемого.

– Я тебе поверил! – продолжил отрабатывать удары обманутой Дюша. – Я ведь от обиды на грабеж пошел! Из за ревности. Если бы я знал, что у вас с ним ничего не было, – экзекутор опустил швабру и повернулся к менеджеру Анне, – я бы ни за что! Я бы никогда! Ведь между нами... это... искра?! Если бы не дурацкая байка про татуировки, я бы ему и не поверил.

Женек истерично захохотал. Майкл Дудикофф был выбит шваброй из его головы, как гарнизон из крепости или, даже, как пыль из ковра. На его месте в голове появился или остался какой-то доктор Зло, только мелкий. Такой жалкий докторишко Зло появился. Или остался.

– Ну, покажи ему свою татуху! Покажи! Помнишь, как мы их вместе кололи? – брызнул ложью в сторону менеджера Анны злобный докторишко. Даже голос у Женька Копыта стал мерзкий и противный.

– Ну, ты и гнида оказывается! – удивилась менеджер Анна.

Мука изобразилась на лице Дюши.

– А! опять меня нае... али! – закричал он. Хотя раньше не то что мата, дурного слова от него нельзя было услышать. – Всюду обман! Всюду! Никому нельзя верить! И ничему! Ничему! И джинсы ваши тоже наверняка липовые! И ботинки эти из кожезаменителя!

На словах про джинсы Эльдар напрягся, но решил смолчать.

– Да подавитесь своими шмотками! Ничего мне не надо!

Дюша спихнул с ног туфли и распинал их в разные стороны. Затем рывками начал снимать джинсы. Джинсы поддавались плохо, но его это не остановило. Сорвав джинсы, он бросил их прямо в ведро.

– Натэ, получите! Где мои старые брюки и кеды? Вот они родные.

Дюша ловко проскользнул в свои старые штаны, радостно побренчал ключами в кармане, затем деловито зашнуровал кеды и беспрепятственно вышел.

– Графа Монте-Кристо из меня не вышло, придется пере-квалифицироваться в нач департамента! – весело сказал он незнакомым прохожим.

Но где-то глубоко внутри ему было не весело. Где-то глубоко внутри кто-то пропел шепотом: «Каким ты был, таким ты и остался... Лузер ты, а не начальник департамента».

12

У Светланы Михайловны были никудышные нервы, но здоровые легкие. Это частично объясняет, почему она постоянно кричала. Раньше Светлана Михайловна кричала чисто в педагогических целях, чтобы лучше донести материал до дебилов за партами. Потом на нее обрушилась эпоха безденежья, и она притихла и приуныла. Но не надолго. Как она может опускать руки, когда сама учила брать пример с Саньки Григорьева? Как? Если сама задавала сочинение на тему: «Бороться и искать! Найдя, не обосраться»? «Нет, – решила

Светлана Михайловна, – лучше кричать на рынке, чем ныть в учительской!» Она гордо хлопнула дверью родной школы и бесстрашно бросилась в мир дикого капитализма. С этого момента жизнь ее превратилась в один длинный бесконечный стресс. Она кричала, ругаясь с конкурентками за место на рынке, кричала, бесстрашно споря с рекетирами из за дани, кричала, скандаля с проводниками, которые не пускали ее с огромными сумками в поезд... В общем, ей постоянно приходилось включать громкость. И вот, казалось, после долгих боев, наступило время стабильности. У нее свой магазин в главном торговом центре города, в магазине продавщица, на которую можно оставить дела и пойти попить кофе. Но нет же.

– Это уму непостижимо! Она бросила магазин! Она бросила магазин и закрыла его! Да что же это за поколение дебилов такое?! Что за безответственность? – бушевала Светлана Михайловна перед Патронычем, как море перед утесом. – Я тебя спрашиваю, откуда они такие взялись? Вот раньше, у Гайдара, мальчик с кортиком... Все его забыли, а он все на посту стоит! А ведь он с пацанами просто в войнушку во дворе играл. Но пост не оставил. Вот с такими людьми можно бизнес делать! С такими хоть в разведку на Черкизовский! А как с этой вредительницей бизнес делать? Что, вообще, с такими дебилами делать? Я ее найду и убью на месте! Нет, ты, Антон Петрович, найдешь ее мне! Ты! Ты же тут за порядком следишь, вот и найди мне эту корову без колоколь-

чика! Магазин стоит – денег нет. Мне как аренду платить, я спрашиваю? Найди ее, а я убью эту дуру и уволю!

13

«Лизка, дура! Тебя же за это убьют и уволят!» – Лиза стояла в дверях магазина с ключами и отговаривала сама себя от рокового поступка. «Пускай убивают, – отвечала она себе, – не могу по-другому. Это сильнее меня! Я должна увидеть его! Я должна ткнуть ЭТО ему в лицо и посмотреть, как он отреагирует». Ткнуть в лицо Лиза собиралась простого пупсика. Нет, не простого пупсика, а сложного. Точнее сложно-составного. Пупсика, у которого ручки, ножки, голова были от разных кукол. От разных кукол разного цвета и размера. Голова держалась на проволочке. В одной руке у Лизы были ключи, в другой – этот пупсик Франкенштейна. Рядом стоял зареванный Толик. «Это моя кукла! Отдай мою куклу!» Буквально пару минут назад у него было великолепное настроение, он встретил родственную душу – тетя отрывала кукле голову. Он радостно предложил играть в «оторви голову» вместе и достал СВОЮ куклу. Тетя выхватила у него игрушку и замерла. Не дала поиграть Толику, и сама не играла.

– Отдай мою куклу! – завопил Толик.

– Где ты взял это? – строго спросила Лиза.

– Залаботал.

– А как заработал?

– Выиграл.

– Так. А у кого выиграл?

– У девочки.

– У какой девочки?

– Не знаю.

Допрос зашел в тупик, Лиза была в растерянности. Тут на вопли Толика прибежала его мама.

– Это он не у вас в магазине взял! Верните куклу ребенку.

Лиза не сдвинулась с места, даже не посмотрела на зареванного Толика.

– А где он это взял? – допрос пошел по новому кругу.

– Это приз за победу в конкурсе, понятно. Толику клоун дал в фойе. Понятно!

«Понятно, подумала Лиза, – вот что она сделает – она ткнет куклу в лицо клоуну и посмотрит в глаза! И по глазам тут же поймет, кто перед ней: маньяк или не маньяк».

– Верните, я сказала, куклу, – продолжала бой мамаша.

– Это кукла с нашего склада! – торжествующе отчеканила Лиза.

– У нас там целая полка таких уродцев. Это краденая кукла. Тот, кто вам ее подарил или вор, или знает вора. Лиза благоразумно умолчала о своей версии про маньяка. – Так что куклу я вам не отдам. Хотите, можем вместе пойти и разобраться с вашим клоуном. Только быстрее думайте. Мне еще склад надо проверить!

Лиза решительно сунула ключ в замок.

Бывало, бредешь по осеннему лесу, вокруг стоит мертвая тишина: птичка не чирикнет, мышка не пискнет. Кажется, что даже деревья обернуты мхом, как зеленой ватой, чтобы не шумели. Только редкие сучья иногда трещат под сапогами, да осина иногда зашелестит листьями-купурами. За плечами ружьишко болтается забытое, в голове пусто. Безмятежность елисейская царит внутри и снаружи, как будто пришел Будда и сдунул все мысли и заботы, а заодно все города и веси. Вдруг – бац! Рядом магнитофон заорал про эскадрон шальных мыслей, сквозь песню прорывается веселый шум, мат, в воздухе висит дым шашлыка, и ты понимаешь, что сказка кончилась, начались дачи. Вернулись мысли, заботы, мир высыпался тебе под ноги, как мусор из порванного пакета. Так вот у Патроныча все было по-другому. Абсолютно по-другому.

Шел он через суету торгового центра, и в голове его было не пусто, а густо. Густо от сладких фантазий о мести. Вот он гордо и решительно увольняется. Вот он тут же открывает свое дело. Вот на неизвестные шиши возводит торговый центр в два раза больше этого. На открытие приглашает спеть самого Газманова, да что Газманова, Пугачеву с Алегровой дуэтом. Буряк от обиды кусает локти. Весь город ходит только в торговый центр Патроныча, Буряк разоряется и приходит к Патронычу проситься на работу. «Ну, не знаю, – отвечает Патроныч, – мест нет. Хотя ладно, по старой памяти, могу взять тебя младшим охранником, ну или

сторожем». Фантазия Патроныча на этом не останавливается и подсовывает ему еще более крутой сюжет. Вот он увольняется гордо и решительно. Вот ему тут же предлагают место начальника всего городского РУБОПа. Не, не городского, областного. Вот он дает команду ОМОНу на штурм «Нового Света». И вот уже Буряк лежит мордой в пол и жалобно скулит: «Патроныч, за что? То есть я хотел сказать: Антон Петрович, не губи. Простите, уважаемый Антон Петрович, я больше не буду. Только под тобой буду ходить, половину барыша отстегивать». А Патроныч ему сурово: «Я тебя закрываю, Буряк. Вместе со всеми барышами. Твое место на зоне у параша». И так иронично добавляет, глядя на бывшего начальника сверху вниз: «Может, туда когда-нибудь Стас приедет с благотворительным концертом!» И, вдруг, на пике самого триумфа Патроныча кто-то дергает за рукав:

– Ну, ты чё, меня не слышишь что ли, Антон Петрович? Глухой что ли?

Патроныч рассерженно оглядывается:

– Чёё!

Такую торжественную минуту ему испортили. Кто посмел? Перед ним стоит рыжая тетка из игрушечного магазина, которую он по доброте, точнее по глупости устроил в торговый центр. Виделись всего раза три, а она уже фамильярно тыкает ему и что-то еще требует. Кто она и кто он. За ним РУБОП... блин, какой РУБОП? Патроныч с горечью вернулся к реальности. Рыжая что-то возбужденно орала про за-

крытый магазин, про расплотившихся дебилов, пропавшую продавщицу. Ее крики никакого сочувствия в Патроныче не вызывали, только досаду. Чужой гнев всегда выглядит таким глупым, беспочвенным. Причины его какие-то мелкие, не важные. Патроныч решил показать истеричке пример самообладания и рассудительности.

– Кончай орать, как сирена. У меня от тебя голова трещит. Давай по порядку. Кто пропал?

– Я те повторяю, Лизка – продавщица моя. Магазин закрыла и ушла куда-то с ключами. Пока я кофе пила.

– Может, по нужде убежала?

– По какой нужде? Нету ее в туалете, я сама оттуда.

– Ты же говоришь, что кофе пила.

– А я вот такая – все успела.

– Может, она встретила кого-то?

– Да, забегала сюда ее подруга. Такая же дура.

– Ну, вот, может она с ней кофе пьет?

– Какой, на фиг, кофе? Она и так целый день где-то носилась, как угорелая. Я ей сказала, чтобы она ни шагу из магазина больше не делала. Тем более подруга сама сюда приходила потом, искала Лизку!

Патроныч устал показывать пример рассудительности и решил закончить бессмысленный разговор.

– Слушай, не знаю я, где искать твою продавщицу. Если она тебе ничего не говорила, то она может быть где угодно.

– Да что она могла сказать, эта дура? У нее в голове одни

тараканы бродят.

На слове «тараканы» Светлана Михайловна запнулась, как будто вспомнила что-то.

– Кстати о тараканах. Я тут Тараканова встретила, гаденыша. Смазливый такой стал. Ну, помнишь, дефект такой ходячий? Ты его еще за мелкое воровство взял? Еще меня в участок вызывал, «куда смотрит школа?» и все такое. Так вот этот гаденыш мне хамить вздумал, я об него даже куклу сломала. А Лизка, кстати, вот дура, приняла его за Стаса, певца этого.

Патроныч передумал уходить и в первые с интересом посмотрел на рыжую истеричку.

– Тараканов? Полтора года за колесо от Запорожца? Хмырь такой тощий у пивнушки все время торчит?

– Ну, да! – Значит, говоришь, наш Таракан на Стаса похож? Сильно, видать, изменился, что его со Стасом путают.

Патроныч весело подмигнул и прищурился. Лицо его стало хитрое, как у Ленина.

– Я ж, говорю, смазливый стал. В джинсах таких обтягивающих, прям бабских, ходит. В футболочке.

– А когда, говоришь, ты его видела? – с плохо скрываемой радостью спросил Патроныч.

– Сегодня я его видела. Как раз перед тем, как Лизка убежала. Я не поняла, ты мою продавщицу искать будешь?

– Конечно, буду! Как не помочь хорошему человеку? Прямо сейчас дам указание своим людям. Не уходи никуда.

Светлана Михайловна чувствовала какой-то подвох, какую-то неискренность в бодрых словах начальника охраны, но промолчала, надеясь на лучшее. Зря надеялась, Патроныч действительно забыл о Лизе, едва договорив свои обещания. Все его мысли занял Таракан. Он найдет этого Таракана, ласково поговорит с ним, и тот поедет в Москву вместо Стаса, как раньше поехал на зону. Всё. Проблемы кончатся.

15

Таракан стоял и не рыпался. Ему сказали не рыпаться, вот он и не рыпался. Потому что тот, кто ему сказал «не рыпаться» такое делает с теми, кто рыпается, что лучше не рыпаться. Да, и что теперь рыпаться? Раньше надо было рыпаться. А теперь поздно рыпаться. Таракан смотрел на радостного человека перед собой и малодушно думал о смерти. А о чем еще думать, когда тебя держит за шкирку и хлопает по шее сам хозяин района, чувак со связями в ментовке, чья кличка сначала смешила, а потом пугала всех в округе, чувак, про которого пацаны такое рассказывали, что кровь стыла в венах. И в артериях тоже стыла.

– Я вижу, ты меня узнал. Это хорошо. Проще будет. А то тут некоторые не знают, кто такой Феличита. Рыпаются. Ничего, я им скоро объясню, кто я такой. Но это потом. Сначала с тобой разберемся.

«Дзинь», – подумал Костя. Да, так и подумал «Дзинь». Бездна смысла уместилась в одном слове. Тут и мысли о скоротечности жизни, тут и мысли о ее хрупкости, тут и удивле-

ние крутым поворотом судьбы. Удивительно, что Костя вообще мог думать, когда глядел в веселые глаза Феличиты. Не, не смотрел он в глаза Феличиты, боялся. Но думать – думал. «Говорил же мне батя: «Не испытывай фарт на прочность. Бери немного, беги далеко». Какого фига ты, дебил, – ругал Костя себя, – не ушел сразу, как борсетку сработал? Какого фига ты по магазинам шлялся? Какого фига ты петть начал? И какого, ну скажи, КАКОГО ФИГА ты решил стырить микрофон? На фиг он тебе нужен был? У тебя дома даже колонок нет! А теперь стой и не рыпайся, а то микрофон из трусов выпадет и тогда точно кирдык». Вот так рухнул Константин Тараканов с вершины пирамиды Маслова к ее подножью. Из-за беспечности своей и гордыни рухнул, как падший ангел. – Ну чё, красавец, а ну ка повернись. А рукой сделай так вот. А еще раз. А ну– ка пройдишь. Ну, да, звезда экрана.

«Издевается, – подумал Костян про Феличиту, – все он видел и про микрофон знает. Теперь просто издевается, садюга». Но делал, что приказывали.

– Ну, чё ты идешь, как в штаны наложил? – не унимался садист. – Ну– ка, спой еще раз. Для меня. Где микрофон, дайте ему микрофон. Продавец и менеджер магазина заматались вдоль полки. Костя замер.

– Быстрее. Я чё, вечность ждать буду? – начал сердиться Феличита. Косте вручили и включили новый микрофон. Микрофон зафонил.

– Странно, – удивился продавец, – как будто рядом еще где-то включенный есть.

У Кости засосало под ложечкой и там, где ворованный микрофон лежал.

– Ну, давай пой! Не томи, как Пугачева перед концертом.

Костя попробовал спеть. Всего десять минут назад он пел легко и весело, самозабвенно вкладывая в песню всю свою тараканью душу. Его песня парила на крыльях музыки, как дельтаплан Валерия Леонтьева. А сейчас он с трудом ворочал словами, как мешками с цементом, голос изменял ему, душа была в пятках и совсем не помогала петь. Его песня ползла по ритму, как летчик Маресьев по лесу, на одних морально-волевых. Не осознал, но почувствовал на собственной шкуре певец Костя, как важна свобода творчества. Как губительно насилие для вдохновения, как горек и унизителен труд подневольного артиста.

– Не, чё, за фигня?! Я не понял, ты чё сачкуешь?! В чем дело?! Ты, видимо, плохо понял, кто я такой! – Феличита был явно возмущен услышанным.

Он повернулся в глубь зала, и начал предъявлять претензии в сторону отдела мобильных телефонов:

– Саня! Сань. Чё-то он мне не нравится. Он точно похож? Сааань, ну подойди сюда. Где ты там?

Из за дальнего стеллажа вынырнула голова:

– Ну? Что тут еще? Нашел я тебе мобилу. Нашел. Что ты дергаешь меня? Тут же разобраться надо! Костя с удивлени-

ем смотрел на приближающуюся фигуру. Молодой хлыщ говорил с самим Феличитой без страха и даже пиетета! Фамильярно разговаривал.

– Во смотри, что я откопал. Айкон 37 с камерой! Тут даже видео есть. Смотри, сейчас заснимем этого! – казалось, парень не замечал плохого настроения Феличиты.

– Ты подожди с телефоном, Сань. Проблема у нас с твоим кандидатом, – неожиданно миролюбиво отвечал злой и страшный Феличита.

Костя не понял, почему его назвали каким-то «кандидатом».

– А что с нашим «кандидатом»? – спросил хлыщ.

– Да, деревянный какой-то и поет хреново, как медведь на ухо наступил, – все так же поразительно миролюбиво отвечал Феличита.

– Да, я же слышал его, нормально пел. Не хуже оригинала. Да и нам не по фигу ли, кого посылать? – с некоторым вызовом заговорил молодой собеседник Феличиты.

– По фигу, но лучше, чтоб пел и двигался, – пропустил вызов мимо ушей авторитет.

«Говорят, как будто меня нету. Опять «кандидатом» называли. Я же их «депутатами» не называю. Послать куда-то хотят», – растерянно думал Костя.

– Я не понял, куда меня посла... – не успел выяснить кандидат.

– Ты рот закрой. Раньше надо было открывать шире, когда

петь просили. Теперь заткнись, – заговорил в своем обычном стиле Феличита. – Куда надо, туда и пошлю! У тебя, козла, из всех достоинств – только аппарат, что из трусов выпирает, прям ширинка лопнет.

На этих словах Костя снова захотел умереть. Но тут самоуверенный хлыщ прервал Феличиту.

– Слушай, а дай-ка я с ним тет-а-тет поговорю. Ну, с глазу на глаз. Он исправится, я тебе обещаю. Идеальный кумир будет. А ты пока мобилу посмотри. Как в руке сидит. Меню удобное или нет, хорошо?

Феличита послушно взял телефон и отошел. Хлыщ повернулся к Косте и протянул руку:

– Александр Петровский. А тебя как звать?

16

Почему у Микки Рурка есть мотоцикл? Потому что мотоцикл может унести Микки Рурка далеко отсюда. Откуда отсюда? Из скучной, ничтожной жизни. Вот откуда. Поэтому мотоцикл символ его свободы и независимости, а не просто средство передвижения. Почему у Микки Рурка мотоцикл, а не автомобиль? Потому что мотоцикл – только для ОДНОГО. Вот Микки Рурк садится в машину, а там: мама, папа, бабушка, дедушка, еще одна бабушка, еще один дедушка, братья, сестры, учителя... Маме нужно в магазин, папе – в гараж, бабушке – в аптеку. Ты не так едешь, ты не так водишь, выключи музыку, включи музыку. Какая же это свобода? Только мотоцикл может умчать тебя ОДНОГО из

этой жизни, где все тебя достают. А почему у Микки Рурка есть куртка? Потому что байкерская куртка показывает, что у Микки Рурка есть мотоцикл, символ свободы и независимости. То есть у Микки Рурка есть символ свободы и независимости, и есть символ символа свободы и независимости. А чем Александр Петровский отличается от Микки Рурка? Тем, что у него нет ни мотоцикла, ни даже куртки. Нет у него ни свободы и независимости, ни символа свободы и независимости, ни символа символа свободы и независимости. Есть у него плакат дома с Микки Рурком на мотоцикле, но это разве считается? Разве это символ свободы и независимости? Нет, это символ тоски по свободе и независимости. Поэтому Александр Петровский находится здесь, где все его достают! Здесь – среди бургеров и идиотов, которые их делают, рядом с кассой и со смешливой, вечно подкальывающей Нонной, перед мамой, которая позорит его перед всеми!

– Вы достали меня все! – кричит Александр.

Но вместо желанного львиного рыка, от которого все присели бы со страху, у него получается визгливый фальцет, от которого окружающим несколько смешно, а маме даже неловко. Александр ненавидел быть смешным. Как они смеют ржать над ним? Кто они такие, чтобы ржать над ним? Жалкие ничтожные личности! Чем ответить на это ржание? Ответный ход Александра был совершенно спонтанным. Потом ему станет стыдно за этот мелкий защитный рефлекс,

недостойный Микки Рурка. Он, так чтобы все видели, вынул из кармана свою мобилу, свою роскошную черную раскладную «Воторолу. Блэйд», небрежно откинул экранчик, вытянул антенну и с максимально выраженным презрением окинул толпу, как бы говоря им всем: «Сто лет будете вкалывать как черти, а на такую вещь не заработаете!» Даже такая цельная натура, как Александр Петровский, скрывала в себе бездну противоречий. Дома Александр делал все, чтобы показать свое презрение к дорогому подарку отчима: он оставлял его в ванной, на раковине, ронял (правда, только на диван), все время предлагал вернуть. Но сейчас он размахивал своей Воторолой, как оружием, чтобы защитить свою гордость. Но и это было еще не все. Глядя матери в глаза, он громко и отчетливо сказал по телефону: «Пап, я к тебе переехать хочу!» Отомстив всем сполна за унижение, Александр гордо удалился с фудкорта. Расплата за недостойное поведение настигла его моментально, отец вместо того, чтобы обрадоваться, начал растерянно бормотать по телефону про трудные обстоятельства, про занятость, а потом осмелев, про ответственность перед мамой. В гневе и отчаянии Александр прервал разговор, хлопнув своей раскладушкой. Затем тут же набрал новый номер и истерично прокричал в трубку: «Жизнь всегда такое говно? Вот, чё делать, когда все достали?!» Это был последний из серии странных, резких поступков, которые Александр никогда раньше не делал, а сейчас сделал. Десять минут назад он сам бы не поверил,

что позвонит отчиму, человеку, с которым он не разговаривал месяцами.

17

– Хочешь в Москву поехать? – моментально отреагировал на истерику пасынка Феликс Эдмундович Буряк. Что-то, а реакция у Феликса Эдмундовича была хорошая. «...ведь может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать!» – сказал бы поэт, если б знал о Феликсе Эдмундовиче. Правда, Феликс Эдмундович подумал со скоростью Ньютона не о проблемах взросления пасынка, а о своих собственных проблемах. Подвернулась возможность решить проблему со Стасом, он тут же за нее ухватился. Послать вместо не пойманного Стаса Сашку – это, конечно, решение рискованное, с последствиями, но Феликс Эдмундович о последствиях не думал. На то они и последствия, чтобы думать о них после. Ответ из трубки поступил незамедлительно: «Да, хоть сейчас!» «Как все складно!» – обрадовался про себя Феликс Эдмундович и продолжил ковать железо, не отходя от кассы:

– Тогда приезжай ко мне в торговый центр.

– Да, я уже здесь! – радостно прокричал ничего не подозревающий пасынок.

«Ну, значит, судьба!» – еще более обрадовался Феликс Эдмундович.

Однако дальше судьба начала пробуксовывать. Сашка заупрямился, когда Феликс Эдмундович сделал свое предло-

жение.

– Что за ерунда! Какой еще конкурс двойников?

– Ну почему сразу ерунда?

С Феличитой редко кто так разговаривал. Но перед ним был как бы сын, с которым надо быть как бы ласковым. К тому же других вариантов не было, так что придется уговаривать это капризное чадо. Поэтому Феличита продолжил ласково.

– Обычный конкурс типа «але, мы ищем таланты». Лучший из двойников Стаса выступит в Олимпийском.

Не мог же Феличита сказать правду, что скорее всего Сашку возьмут в заложники, пока Феличита не вернет Стаса и проценты за его просрочку.

– Не, ты не слышишь меня, – возмутился Саня, – Я о разных карьерах, конечно, думал, но точно не о карьере поп-звезды. Ручками, ножками дрыгать – это не мое.

Феличита решил временно отступить. Сменить тему.

– Слушай, Сань, давай не будем делать поспешных выводов. Помоги мне пока мобилу выбрать, а то я старую разбил. Вон в «Электронику» зайдем.

Пока они шли к полке с мобильными телефонами, Феличита откопал веский, как ему казалось, довод.

– Делать практически ничего не надо. Почти все время будет свободное. Оторвешься там в клубах. Но зато повод оставаться в Москве будет железный.

– Блин, ну не знаю. Какая-то лажа во все этом кроется.

«Надо уломать пацана во что бы то ни стало. Конечно, ему там не сладко придется. Припугнут там его конкретно. Но я ему все компенсирую, когда настоящего Стаса найду. Надо только потерпеть. Такое и раньше прокатывало. С тебя, например, требуют килограмм товара, а ты сначала отдаешь полкило какой-нибудь пудры. Пока идут разборки, часть товара можно продать. Деньги покрутить...»

– Блин, кто там орет?

«Остальную часть бодяжишь... Да, твою мать, невозможно думать, что за концерт?»

Феличита рассерженно посмотрел в направлении звука и продолжил атаку:

– Твоя мама будет гораздо спокойнее, если будет знать, что ты занят делом. Мне тебя легче будет отма... – Да, епт! Кто там орет так? Поговорить спокойно, по-семейному не дадут! – наконец возмутился вслух Феличита. – Что там твориться?

– Ну, пойми ты, я петь не умею! Не умею, не умел и не буду уметь! – гнул свою линию пасынок, рассчитывающий попасть в Москву без всяких отягчающих занятий. – Вон, этот местный Дитер Болен и то лучше поет. Может к нему приглядеться. Стоп. А этот мудака реально на Стаса похож. Я не шучу. Смотри. Елки, да вылитый Стас. И в фас и профиль! Вот кто точно мечтает поп-звездой стать.

Уговаривать отчима не пришлось. Он тут же направился навстречу песне.

– Александр Петровский. А тебя как звать?

– Костян.

– Костян, ты его не бойся. Он только с виду злой. А так он тебе добра желает. Просто на своем бандитском языке.

Затравленное выражение на лице Кости Таракана не изменилось.

– Да, не дрейфь. Я прикрою. Это мой... как бы отец. Слушай, Костян, он тебя не прессует для развлечения. Он реально хочет из тебя звезду сделать. У него связи есть с продюсерами из Москвы, так что можно подняться на большую сцену. Андестенд? Если ты ему понравишься, то прямо сегодня в Москву полетишь. Такой шанс раз в жизни бывает. Ну, что думаешь?

Костя думал вот что: «Разводка какая-то, как пить дать. Феличита что ли молодого кидалу дрессирует? Только в чем кидалово не понятно».

– Это не кидалово, поверь мне. Это конкурс типа «але, мы ищем таланты», он прямо на этих днях будет идти в «Олимпийском».

«Точно кидалово», – подумал Костя.

– Я же вижу, у тебя талант есть! – по правде, Петровский увидел на лице собеседника сомнение. – Я же вижу, у тебя тяга к сцене! Не зарывай свой талант в землю! Да и чем ты рискуешь? Не получится, вернешься. Хоть Москву посмотришь. Ну, что скажешь, талантище?

– Интересно, – без энтузиазма ответил талантище.

– Я вижу, тебе не интересно. Не ценишь ты свой талант. Да и жизнь свою ты видимо не ценишь. Странно, прикид у тебя четкий, современный, шузы такие зачетные, а ведешь себя, как лох отсталый. Джинсы у тебя фирменные... Стоп, а что ты там хранишь? Ты рехнулся? Придурок, ты что-то спер, что ли? Ты знаешь, что он делает за воровство в его магазинах? Ты сейчас не в Москву поедешь, а на помойку! Частями! Блин, я тебе сочувствую.

Александр изо всех сил нагнетал ужас, привлекая все свое знание гангстерских фильмов.

– Ты думаешь, ты быстро умрешь? Тебя привяжут к грузовикам и они разъедутся в разные стороны.

Тут Александр сменил тон на более дружелюбный.

– Но, ты мне нравишься. В смысле, по-человечески. Поешь хорошо. Вынимай, что ты там стырил, пока никто не видит. Я не скажу. Так. Осторожно. Оба! Микрофон! Я же говорю, у тебя тяга к музыке. Вот. А теперь, спой что-нибудь от души, по случаю своего чудесного спасения. А потом в Москву.

Костя испытал прилив благодарности к новому знакомому и кивнул. Через минуту снова заиграли бессмертные аккорды «Модерн Токинга».

Патроныч думал так: «Если удача улыбнулась Таракану, и он смог кого-то обчистить, то свой барыш будет обмывать

в пивнушке. Если Таракан облажается, уйдет пустым, то с горя он пойдет куда? – опять же в пивнушку». Не верил Патроныч, что у такого низкого существа как Таракан могут быть какие-то высокие запросы. Зато Патроныч верил в свою дедукцию и в свои серые клеточки. Таракана он вычислил, осталось поставить перед бойцами задачу о его поимке.

– Эй, ты! Да, ты. Чё встал? Подь сюды, боец. Чё тянешься, как резинка от трусов. Бегом! – подозвал начальник охраны первого встречного охранника. – Боец, ты ближайшую пивнушку знаешь?

– Не, не знаю.

– Что?! – Патроныч аж поперхнулся от удивления.

– Не знаю, где пивнушка. Я непьющий, – ответил боец пораженному начальнику.

Сначала Патроныч решил объяснить непьющему бойцу, где находится пивнушка, потом посмотрел на гладкое, неестественно-белое, без единой красной прожилки на носу, лицо и махнул рукой: «Кто ж с таким разговаривать будет?» Досада охватила Патроныча, из-за того, что задача поимки Таракана усложнялась такими мелкими обстоятельствами. «Блин, понаберут с улицы черти кого!» – возмущался начальник некомпетентностью подчиненного. «Надо брать кадровую политику в свои руки. Кадры решают все! А что решит этот кадр? Ничего не решит. Вот сейчас вся операция могла провалиться из-за халатности того, кто нанял этого трезвенника», – заговорила в Патроныче ответственность.

«Так это ты же сам и нанял этого охламона», – ехидно заметила память Патроныча. «Во-первых, не я, – оправдывалась гордость Патроныча, – во-вторых, у меня были причины его взять, мне его навязали, а в-третьих, другие были хуже!» «Так, разговорчики в строю – рывкнула командующая инстанция в голове Патроныча, – идем к «Муравейнику», там охранников побольше, и выбрать из них приличного пьющего человека – легче».

Лица охранников у продуктового универсама внушали Патронычу гораздо больше доверия. Тут были и красные носы и затаенная тоска в глазах. Люди с такими носами и глазами не могли не знать, где ближайшая пивнушка.

– Здорово, орлы! Где ближайшая пивнушка знаете? – не сомневаясь в ответе, спросил Патроныч. Лица оживились.

– Чё, начальник, выпить хочешь? Настроение поправить? – начал неуместно выеживаться не соблюдая субординацию тот самый охранник, который перед этим не узнал Феличиту.

– Ты, борзый такой что ли?! Субординации не понимаешь? – вспылил уязвленный начальник. – Я тя ща на улицу выкину. Ты у меня ща амуницию сымешь и снова вступишь в армию безработных, понял.

– Да, понял, понял я. Чё сразу уволить, – стушевался теперь уже не борзый охранник.

Обещание Патроныча лишиться обмундирования и работы подействовали на него сильнее, чем угрозы Феличиты про

расстрел на месте.

– Я так шутя. Пива, вон, в магазине завались. Там и чешское и немецкое и этот, как его там, «Хинесс». Про жигулевское не говорю, хоть залейся.

Патроныч с тоской подумал, что за десять минут он так и не смог поставить задачу перед составом, что Таракан, наверно, допивает свое последнее пиво, пока он, Патроныч, теряет здесь время. С ностальгией вспомнил бывший участковый свое отделение, где на простые вопросы следовали простые, единственно правильные ответы. «Знаешь, где пивнушка? – Так точно! – Где? – Там!» Патроныч не стал тратить время на ответ штатскому дебилу и молча повернулся к другому охраннику.

– Ты знаешь, где ближайшая пивнушка?

– А те зачем?

Патроныч взорвался. Окрестные витрины лопались, продукты в универсаме падали с полок, кассовые аппараты ломались, радиосвязь исчезла. Толчки зафиксировали все сейсмостанции страны. Взрывной волной выкинуло на улицу двух разговорчивых охранников, причем без зарплаты и формы.

– «Да» или «нет»? «да» или «нет»? Вот, мля, и все, что нужно отвечать, когда я спрашиваю! Не ваше шакалье дело, зачем мне нужна пивнушка! Я понятно объясняю? «Да» или «нет»? – чеканил Патроныч каждое слово перед неровным строем оставшихся подчиненных.

– Да, – вяло и подавлено ответил строй.

– Теперь повторю вопрос. Кто знает ближайшую пивнушку?

– Я знаю.

– И я.

– И я знаю, – откликнулся неровный строй нестройным хором.

– Отлично, – успокоился Патроныч. – Теперь рассказываю, зачем. Вы, трое пойдете до пивнушки и спросите Таракана. Когда вам его покажут, вы возьмете его под руки притащите его сюда. Силой притащите, если будет сопротивляться. Но, думаю, если назовете мое имя, то этот лишенец пойдет добровольно. Все понятно?

Тройка охранников мало что поняла, но ответила «Да», чтобы не злить начальство. Патроныч посмотрел на лица бойцов, в которых не было ни смысла, ни энтузиазма, и решил идти за Тараканом сам. Но передумал. Если он побежит сам делать то, что приказал подчиненным, то его авторитет рухнет, как подкошенный.

– Что стоим, тогда? Выполнять поставленную задачу! –скомандовал Патроныч, но уже сам мало верил в успех операции. Настроение упало. Махнув рукой, он пошел, куда глаза глядят, приняв для маскировки деловой, озабоченный вид.

«Все идет не по плану. Все идет наперекосяк. Вместо стройного штатного расписания какой-то бардак! Какой-то,

понимаешь, разброд и шатание! Не приведут к тебе никакого Таракана. Вокруг тупые уроды ни на что не способные!» – неприятные мысли жужжали в голове Патроныча, как жирные мухи на кухне, которые не дают насладиться ароматным бордовым борщом, в желтых узорах масла, с айсбергом сметаны и островом из мосла и мяса. Только опускаешь ложку в это чудо домашней кулинарии, как мерзкая черная тварь норовит сесть на тарелку, а когда ее прогонишь, сядет рядом на хлеб и лапы потирает от удовольствия. Тьфу! Раздражение нарастало в Патроныче с каждым шагом. И источник его был не только внутри головы, но и снаружи.

Начальник охраны снова приближался к рекреационной зоне, где по-прежнему вопили дети и играла мерзкая музыка. Патроныч взглянул с ненавистью на клоуна-аниматора: «Сейчас бы взять этого раскрашенного мудака и в кутузку! Да! В кутузку! Посмотрел бы я тогда на него! Он бы у меня по-другому запел!» Видео с поющим клоуном, дрожащим от страха в кутузке, прокрутилось в голове Антона Петровича Мотыля и доставило ему злорадное наслаждение. Тут в кутузку вваливается начальник Патроныча майор Мухин: «Мотыль, что у тебя за вопли Видоплясова?» «Вот, товарищ майор, оформляю правонарушителя», – бодро докладывает молодой Антон Мотыль, тогда еще не Патроныч. «Молодец, нам план по административным правонарушениям выполнять надо. Набирай побольше таких клоунов. Премии получишь! А на суде разберутся, виноват или нет», – похвалил

Мухин Мотыля и исчез.

– Мля! – очнулся Патроныч от сладких грез.

«А Муха, старый хрыч, земля ему пухом, прав! Вот ведь старая школа! Возьму этого клоуна и приведу Феличите! Чем не Стас?! А если еще Таракана найдут, то, вообще, двойная выгода – будет из кого Стаса выбрать. Пусть Феличита сам разбирается, кого в Москву отправлять».

– Дядя, те чё нада? Чё вылупился? Ты на мне дырки про-
сверлишь, – развязно заговорил клоун с задумавшимся Па-
тронычем.

– Концерт окончен. Снимай маскарад, вытри моську и со
мной на гауптвахту, – как можно суровей скомандовал на-
чальник охраны.

– А в ЗАГС с тобой не пойти, дядя? – огрызнулся клоун.

– Ты не в моем вкусе, кукла ряженая. Болтаешь много.
Лавку, я сказал, закрываем и на пункт охраны.

– Да, кто ты такой, что б командовать? – перестал шутить
клоун. Явное беспокойство проступило у него через грим.

– Я начальник охраны торгового центра, шут гороховый.
Встал и пошел со мной. – Патроныч сказал это максимально
суровым тоном, какой был в его распоряжении.

– Ааа! То есть ты тут главный сторож? Понятно. Только
знаешь, дядя, без погон ты сам – шут гороховый! Понятно.
Нет у тебя ни каких прав и полномочий! Так что иди в свою
сторожку один. Удар пришелся по самому больному месту
Патроныча. Отсутствие погон воспринималось им как самый

главный минус гражданской жизни. «Погнался за рублем, – с горечью думал бывший участковый, – теперь каждая обезьяна смеет тебе тыкать!»

– Да я тебя... – оскорбленный Патроныч рванулся в сторону наглеца.

– Я просто выполняю свою работу! Меня директор торгового центра сам лично нанял! Не портить праздник людям! – завопил клоун, отшатываясь от охранника.

Толпа мамаш загудела как стадо пингвинов и стала наступать на Патроныча.

– Оставьте аниматора в покое! Да как вы смеете вмешиваться! Мы специально с детьми пришли! Нашелся тут начальник. Ишь, выискался.

– Спокойно, товарищи. Расходитесь, – попытался старомодно утихомирить мамаш бывший мент. Однако его слова произвели противоположный эффект.

– Ты сам успокойся. Ты сам отсюда двигай! Мы на тебя жалобу напишем.

Патроныч растерялся от натиска грудастых матрон. Он оглянулся в поисках поддержки и перехватил взгляд мужика, который стоял в стороне. Взгляд был сочувствующий, но недолгий. Мужик стушевался и юркнул в магазин от греха подальше. Клоун, подлая рожа, почуял, что перевес на его стороне и ехидно заблеял:

– Дети! А дети! Знаете что? А давайте сыграем в игру! Кто быстрее и выше залезет на дядю! Готовы?! На старт. Внима-

ние. Марш! Мелюзга с визгом рванула на штурм дяди. Хаос и бардак снова побеждали человека порядка. Чтобы не предпринял Патроныч, какое бы решение проблем не находил, все вязло и гибло в окружающем бардаке, как в болоте. Все сносилось каким-то броуновским вихрем окружающих идидотов. «Если бы я остался в милиции, ничего этого со мной не произошло!» – снова укорял себя Патроныч, в то время, как орава детей уже карабкалась по нему со всех сторон. Клоун злорадно торжествовал победу.

– Ну, кто же первый? Приз победителю вот эта кукла!

Барби с головой пупсика приветливо замахала руками разной длины и разного цвета.

– А откуда она у вас? Откуда у вас эти куклы? – вдруг раздался требовательный голос.

Клоун нервно и как-то натужно захихикал.

– Ах, ты, моя пышечка, тоже куклу хочешь? Как тебя звать, красавица? Какие у тебя глаза красивые.

– Меня Лиза звать. Мне не нужна кукла, у меня такая же есть. Вот! Я хочу узнать, где вы взяли эти куклы?

Лиза решительно раздвинула кордон из мамаш и шагнула к аниматору.

– Спонсоры выдали, моя красавица. Спонсоры. Хочешь автограф дам?

– Автографы будешь в милиции раздавать. Эти куклы с нашего склада! Тебе их никто не давал. Ты их сам взял!

Лиза подошла поближе и заговорила дальше взволнован-

НЫМ шепотом:

– Что ты делал ночью на нашем складе? Отвечай прямо, ты – маньяк?

Тем временем Патроныч освободился от последнего малыща и оказался с другой стороны от аниматора.

– Ну, что шутник, доигрался? Проникновение на склад, кража – это уголовные статьи. А ты говоришь, что тебя не за что задерживать. Кто теперь шут гороховый, а?

Поникшая фигура начальника охраны снова надулась важностью.

– Ну, что, гражданочки, – торжествующе обратился Патроныч к мамашам, – будете проходить свидетелями по уголовному делу. Давай запишем ваши имена, фамилии и координаты.

Мамаша быстро похватала своих детей и заспешили по магазинам. Когда толпа рассеялась, Патроныч повернулся к Лизе.

– Благодарю за проявленную бдительность, так сказать. Затем помявшись, начальник охраны продолжил менее официально:

– Спасибо, тебе дочка. Ты не представляешь, как мне помогла. Только теперь расскажи мне все по порядку. А ты, клоун, пошли, куда сказали. Теперь тебе бежать некуда.

ни, ни в гробу. Сейчас он меня выследит и грохнет в чем есть: в новых кроссовках, старом пальто, перешитых маминских брюках и в трусах с дыркой. Я же не знала, что так все обернется. Может, приделась бы, если бы знала», – Вика Ключева затравленно смотрела на маньяка и не могла оторвать от него взгляд, как кролик не может оторвать взгляд от ползущего к нему удава. Маньяк, можно сказать, тоже полз, только без смертельного изящества хищной рептилии.

– Ну, мне поможет кто-нибудь встать? – пьяно ворчал он, обводя пространство мутным взглядом. «Змеиное коварство! Обвел охранников вокруг пальца. Притворился пьяным или специально напился для правдоподобия. Кто на пьяницу подумает, что он опасный, как его там, психопат? Да он хитрее их всех вместе взятых! Что же мне делать? Бежать? Так почему я не бегу? Куда? Домой? Да я там с ума сойду от страха! Жить и трястись в ожидании, когда он из за угла выскочит. Боже, я пропала!» – мысли вихрем носились в голове Вики, но сама она стояла, как вкопанная у входа. Люди недовольно обходили ее, бросали какие-то неприятные замечания, но она эти замечания не замечала.

– Эй, милочка! – какая-то женщина с сиреневыми волосами дергала Вику за рукав, – это твой что ли на дороге валяется? Прибери его с полу-то. А то стоит, красotka, смотрит. Подцепила алкаша, теперь возись с ним. Эх, дура горемычная.

– Это не мой, – возмутилась Вика.

– Конечно, не твой. Поэтому ты стоишь и караулишь его. И взгляд у тебя такой добрый, как будто ты его убить хочешь. Так только семейные смотрят. Уж я-то знаю, у меня у самой такой же был.

– Бааа-рыш-ня! А мы с вами раньше нигде не виделись? А мне кажется, я вас знаю! – раздался пьяный игривый голос.

У Вики все похолодело вплоть до кончиков пальцев, как будто смерть, как снежная королева из мультика, дыхнула на нее. «Все, он меня заметил».

– Ну, подойди, не бойся, чё скажу, – пьяный маньяк поманил Вику к себе.

Вика, как зомби, пошла к нему. Она шла, и с каждым шагом внутренний голос все сильнее бился в истерике: «Что я делаю? Что я делаю?! ЧТО Я ДЕЛАЮ!! ААА! Мама, что я делаю!»

– Фемина! Слышь, чё скажу. У меня к тебе предложение. Маньяк повалился на клумбу и принял среди высохших цветов аристократическую позу.

– Пошли ко мне домой! Пре...ик...пре...ик...предадимся страсти. У меня своя комната в коммуналке, между прочим.

«Совсем ничего не боится, маньяк бессовестный», – прокомментировала про себя Вика.

– А чё нам бояться? Я свободный человек. Почти. Так что перед тобой знатный жених. Принц на белом коне!

Кто-то из прохожих засмеялся.

– Хорошо. Без коня, – тут же поправился принц. – Ну, что

вы молчите, миледи? Или щас, или никогда. Между прочим, меня завтра арестуют... Да, да. Арестуют. И посадят в тюрьму! Пожизненный срок. Комната будет полностью в вашем распоряжении. Это хорошая сделка, миледи.

Миледи лихорадочно анализировала сказанное: «Все, как в той статье из «Спид Известий». У маньяков есть последняя стадия, когда они идут на дело в открытую и мечтают, чтоб их поймали. Этот, видимо, на такой последней стадии. Тогда у меня есть шанс».

– А зачем откладывать на завтра, то что можно сделать сегодня, – смело шагнула на встречу опасности Вика Ключева. – Представляете лица охранников или полицейских, если сдадитесь сами. Они такие ничего не ожидают, а вы такой: «Я тот, кто вам нужен!» Получится красивый жест. Ведь, красиво. Не будет этих унижительных сцен насилия при аресте. А я буду ждать вас из заключения. Носить передачи. А если я сейчас пойду с вами в вашу берлогу, то вы все равно мало что запомните, вы же пьяны. А то и вовсе выйдет конфуз. К тому же сейчас вы смелы и дерзки, а завтра вас будет мучить похмелье. Сможете вы сохранить достоинство при аресте? Ну что, давайте руку. Сделайте последний дерзкий поступок в вашей карьере. И вы войдете в историю! – Вика была сама убедительность.

Маньяк поразмышлял над предложением, закатывая глаза и закидывая голову, потом медленно протянул руку. Раза три он своей клешней промахивался мимо изящной ви-

киной кисти, раза три у нее был шанс отдернуть руку, уйти, убежать, но Вика была сама решительность. Наконец, с четвертой попытки клешня маньяка поймала цель. Вцепилась мертвой хваткой. Вику передернуло от страха и омерзения. Вот оно зло! Потное, прохладное, не клешня даже, а щупальца скользкого мерзкого осьминога.

– Что ж я согласен, – прошипел осьминог, хотя в природе они не шипят. – Только сначала мне надо в туалет. Отведи меня туда.

«Вот, значит, как у него все просто. Ва-банк пошел. Даже не пытается что-нибудь придумать. В сортир и все. Совсем за дуру держит. Пусть держит. Посмотрим, кто в дураках останется», – глядя прямо в мутные глаза человека-осьминога, подумала Вика. Маньяк попытался подтянуться и встать, но потерял равновесие и повалился обратно на клумбу. Так бывает: голова принимает решение, а подчиненные члены ее не слушаются. На себе испытал Василий Горюхин разницу между коньяком «Багратион» и коньяком «Наполеон». При чем в один и тот же день. Пылкий Багратион начисто сносит голову, но укрепляет члены. Характер у выпившего становится бесшабашный, поведение – буйное, но движения и координация – точные, как у танцора. И правда, Горюхин, отпив Багратиона, учинил дебош в Муравейнике, но от охраны увернулся ловко, как тореадор, и в Патроныча продуктами попал точно, как снайпер. Совсем по-другому ведет себя «Наполеон». (Контрафактный, конечно. Настоящий Го-

рюхин не пробовал, да и не попробует). Голова от «Наполеона» становится ясная, как у великого полководца. Смыслы открываются тайные, перспективы новые. Людей видишь насквозь. А тело подводит. Как армия под Ватерлоо. План гениальный, но приказы теряются по дороге, конница скачет не туда, пехота не может взять высоту, артиллерия стреляет по своим. Крах. Далее похмелье на острове святой Елены. Так и Горюхин, выпил «Наполеона», просветлился. Все про всех понял, про себя тоже, смысл обрел, красноречие обрел, а тело потерял. Как каша, растекалось его тело по любой поверхности. А как же Феличита? Он же тоже «Багратион» употреблял, а не буянил? Так у него масса тела больше. Тем более, пил Феличита в стадии похмелья, а это ж совсем другая химия!

– Пардон, мадам. Всадник не отвечает за дрожь коня, – извинился за свою неловкость маньяк. Вика потянула лежащего еще раз, но безрезультатно. «Как в сказке про репу», – подумала она растерянно.

– А вот ты где! Не далеко ушел.

Вика повернулась. Перед ней стоял молодой, ушастый охранник, тот самый, которого она видела с Лизкой Курицыной.

– Мне забрать этого надо, – обратился ушастый к Вике. – Вор он. И еще дебош в магазине устроил. Главное начальство в ярости. Так что извините, – легким движением руки охранник выдернул маньяка из клумбы, как репу.

– Не извиняйтесь, – Вика с интересом посмотрела на избавителя. – Я с вами. Я тоже кое-что про него знаю.

– С восторгом предаюсь в руки родной милиции, – продекламировал маньяк и, булькая, захихикал.

Глава 4

0.

Ноль.

1.

«Просто Аня» решила выкинуть из головы все переживания дня и просто дождаться конца работы. Для очистки памяти она использовала припев «Все пройдет, и печаль, и радость. Все пройдет, так устроен свет». Откуда она знала этот припев, «просто Аня» не помнила. А как она могла помнить? Это же был припев для очистки памяти. Но, вообще-то, давным-давно ее мама ставила эту песню Боярского на магнитофоне вместо колыбельной, чтобы «просто Аня» уснула. Припев сделал свое дело. Прокрутившись в голове раз семнадцать, он стер переживания, как ластик детские каракули. Ну, не совсем стер, оставил какие-то неразборчивые пятнышки, но они уже не мешали «просто Ане» спокойно приводить в порядок одежду после покупателей. Когда в магазин вернулся мрачный Эльдар, она допевала припев в восемнадцатый раз и, поэтому встретила начальника безмятежной улыбкой.

«Вот, бабы! Как ни в чем не бывало! Как с гуся вода», –

удивился Эльдар. Через секунду он понял, что ошибся. Не все Ани одинаково отходчивы. Из другого угла магазина на него смотрела тяжелым взглядом менеджер Анна. В этом взгляде не было ни забвения обид, ни безмятежности. «Эта помнит все. И припомнит всё!» – Эльдару было неприятно, что хоть кто-то думает о нем плохо. «Может ее уволить?» – подумал он. Но даже если бы Анна знала, что ее хотят уволить за тяжелый взгляд и мрачное настроение, она бы ничего не смогла с собой сделать. Она не знала счастливого куплета, стирающего память. Раз за разом она прокручивала события на складе. Раз за разом она возмущалась предательством Дюши, тупостью охранника Копыто и, особенно, ленью Патроныча, который не бросился тут же расследовать странное происшествие, а спокойно смирился с «глухарем». Как заноза на филе, как заусеница на пальце, как затяжка на чулках, Анне не давала покоя загадка о стразах под окном. Анна не сомневалась, что стразу оставил сам Стас, что это он пытался вылезти из окна. Это был ее пункт веры. Она не могла отказаться от этой версии. Но как тогда в раздевалке остались его джинсы, причем в целости и сохранности, этого она объяснить не могла. Это выводило ее из себя и заставляло ненавидеть окружающих. Ей казалось, что они назло скрывают от нее правду. Ну, ничего, она выведет их всех на чистую воду! И первым делом эту Анечку. Менеджер Анна перевела свой недобрый взгляд на просто Аню. «Строит из себя невинную овечку, овца! А сама подсидеть хочет меня.

С должности спихнуть. Что ты, трудолюбивая какая, заработала, засуетилась перед начальником», – как бы сказала своим взглядом менеджер Анна и сама начала суетиться и работать. Демонстрировать, так сказать, трудолюбие. Вдруг «просто Аня» перестала демонстрировать трудолюбие и прильнула к витрине. «Что она там увидела?» – встrepенулась менеджер Анна, но продолжила перекладывать вещи. Не могла же она последовать примеру этой овцы. Овца от витрины не отлипала. «Что ж там она увидела? Что ж там такое происходит?» – росло в менеджере Анне любопытство. Она уже с трудом сдерживалась, чтоб не подбежать к витрине, и перекладывала вещи с усилием воли. К овце присоединился Эльдар. Его развеселило то, что происходило за стеклом. Он наклонился к уху продавщицы и явно пытался шутить про происходящее. Менеджер Анна решила поправить вещи на полке, которая была поближе к витрине. Но оттуда тоже было плохо видно. Тогда она подошла к вешалке, которая была еще ближе. Сняла и снова повесила джинсовую рубашку с вставками в виде цветочков. Но и это не помогло, обзор закрывала широкая спина хозяина магазина. В конце концов, измученная любопытством Анна решительно шагнула к витрине.

– Чё не работаем? – сердито бросила она в спину продавщице и стала жадно смотреть в общем направлении.

Она как раз успела вовремя. Холл пересекала странная кавалькада. Впереди шел клоун, (тот самый, что устраивал

жестокие игры среди детей), его за шкуру вел Патроныч, а рядом семенила эта крупнокалиберная дура из детского магазина. Клоун по-клоунски ревел и плакал, поливая прохожих длинными бутафорскими слезами. Тут он увидел зрителей из джинсового магазина и попытался остановиться для приветствия. Патроныч грубо толкнул вперед аниматора, так что приветствие получилось смазанным. Кавалькада продолжила движение. «Просто Аня» с жалостью посмотрела вслед поникшему клоуну и вернулась к работе. Эльдар зевнул и переключился на разглядывание «просто Ани». Только менеджер Анна продолжала смотреть на клоуна хоть и без жалости, но с напряженным вниманием, как будто увидела что-то. Это что-то заставило сильно биться ее сердце и лихорадочно работать ее мозг. Из-под клоунского костюма выглядывали джинсы. Джинсы со стразами! Все из-за грубых манер Патроныча. Он постоянно толкал и тянул клоуна, хватаясь за его наряд. «Может, это ничего не значит? Может, это просто совпадение? Подумаешь, начальник охраны тащит клоуна, одетого в джинсы со стразами. Опять влипну в глупую ситуацию. Опять этот нач. охраны будет меня отчитывать, как девчонку», – мучилась сомнениями Анна. Так она мучилась, мучилась и, вдруг, оказалась уже у выхода.

– Ты куда? – успел возмутиться Эльдар.

Но ему никто не ответил.

2

Кристина Анатольевна не пошла по стопам Анны Карени-

ной по многим причинам. а) Из-за удаленности железнодорожных путей. б) Из-за чувства стилиа. Ей было важно, как она выглядит в любой ситуации. в) Из-за гордости. За что она должна себя наказывать? г) Из-за предубеждения. Ей никогда не нравились ни Каренина, ни роман про Каренину. Честно говоря, она и не читала этот роман. Зачем читать, если там все плохо кончится? Вот Мариэлла Стилл другое дело. «На тропе любви» – потрясающий роман. Сколько там Эсмеральда испытала! А закончилось все не под поездом, а под мускулистым брюнетом-миллионером, на собственной вилле, с видом на восход и океан! И все же Кристина Анатольевна подумала о Карениной. Так велико было ее горе, что она впервые, со школьной скамьи подумала о Карениной. Она подумала, что ее горе, горе Кристины Буряк, гораздо более горячее, чем у Анны Карениной. И оно, ее горе, тоже достойно романа, даже еще более достойно.

– Сейчас умру, – выдохнула Кристина Анатольевна, уронила пакеты на пол и рухнула на стул.

– Колы? – услужливо предложила Надежда Алилуевна.

Пока магистр брендмагии ходила за живительной влагой, Кристина Анатольевна грустно смотрела на свои пакеты. Потом она грустно выпила стакан колы объемом 0,3 миллилитра. Выпила залпом, но без всякого удовольствия. Потом из ее груди вырвалась грустная отрывка.

– Ну что, Надежда Алилуевна, не помогла мне ваша брендмагия. Не помогла. Ни крокодил от «Лакост», ни Ме-

дуза Горгона от «Версаге» – никто не помог.

– Так потому что надо было с самого начала меня слушаться! – бросилась защищать свою науку Надежда Алилуевна. – Я же говорила, что должно что-то произойти? Говорила! А вы «Стокеры» купили! Вот вам слабое звено в обороне. Вот вам и пробоина, куда зло просочилось. А я говорила! Тем более, моя дорогая, может, вас поджидало зло пострашнее! Но мы от него защитились. А?!

– Что же может быть хуже? Родной сын бросил, – сквозь отрыжку проговорила брошенная мать и продолжила горевать, как Эсмеральда в любимом романе, – Нет, я умру. Умру с горя в одиночестве.

– Да подождите вы умирать! У вас в гороскопе ничего такого нет! Саша – умный мальчик, но он – подросток. У него ветер в голове. Он вспыльчив, переменчив. Как убежал, так и вернется. Надо только с умом разрулить ситуацию. Все сделать по феншую, – попыталась влить оптимизм и восточную мудрость в опустошенную горем мать Надежда Алилуевна.

– Щас я все сделаю по феншую. Щас я кому-то устрою такой феншуй, что мало не покажется! – начала закипать Кристина Анатольевна, наливаясь вместе с оптимизмом еще и яростью.

Она порылась в сумочке и извлекла из ее недр сотовый телефон, точно такой же как у ее сына, только серый. Когда Буряк подарил ей аппарат, она помнится, даже посетовала на унылую расцветку: «Не могли, что ли делать телефоны белы-

ми или красными?» А теперь она, не обращая внимания на расцветку, начала решительно тыкать в кнопки телефона.

– Как ты смеешь переманивать сына, подонок?! – закричала Кристина Анатольевна, как только кончились гудки.

– Кто тебе позволил?! Как ты... Что? Доктора Петровского нет в ординаторской? А где он? Позовите его! Позовите, я сказала! А мне плевать! А мне плевать, что прием! Скажите, что я тогда сама к нему приеду! Ты знаешь, кто я! Знаешь, знаешь. Я тебя тоже знаю. Быстро тащи Петровского к телефону!

Следующие пару минут прошли в напряженном молчании. Потом еще пару минут прошли в еще более напряженном молчании. Потом в трубке раздалось робкое: «Алле», и тут же Кристина Анатольевна взорвалась, как мина, на которую наступили.

– Как ты смеешь переманивать сына, подонок?! Кто тебе позволил!? Как ты... Что? Саша не у тебя? А где он? Как ты не знаешь, где он? Он же твой сын!

Через пару минут ярость вылилась из Кристины Анатольевны полностью.

– Мама, Саша пропал. У тебя его нет? Придет, позвони мне, ладно. Не знаю из-за чего. Ничего я ему не говорила такого. Нет, ничего. Нет, не говорила! А я говорю, что ничего не говорила! Что ты меня обвиняешь? Что ты меня всегда обвиняешь?! Вот всегда ты такая! Все, не слушаю тебя. Не слушаю. Все, я бросаю трубку.

– Поговорила, называется, с мамой, – с горькой усмешкой пробурчала Кристина Анатольевна. Следующий разговор она решила провести спокойно, по-деловому.

– Буряк, нужна твоя помощь. Да, привет. Нет, не подойдет. Нет, не подойдет разговор. Это срочно. Не вешай трубку. Скотина!

– Скотина! Повесил трубку! Вот как жить с таким человеком?! – бросила риторический вопрос в Надежду Алилуевну оскорбленная жена.

Оскорбленная, но не побежденная. Она не собиралась сдаваться.

– Я, в конце концов, жена! Будь добр ответить!

Она упрямо набрала последний номер еще раз, потом еще и еще. Потом еще и еще, еще и еще. Наконец, она победила, из трубки раздалось: «Чё нада?»

– Саша пропал, – выпалила без подготовки Кристина Анатольевна. – Слышишь, пропал. Нашелся? Как нашелся? Где? С тобой?! Где? Где тут? Понятно. Я к вам! А я, говорю, что к вам. Нет, мне надо его видеть! Не пытайся меня остановить!

Кристина Анатольевна поднялась и начала решительно собираться, как солдат перед боем. Привела волосы в порядок, поправила блузку, взглянула в зеркальце, чтоб оценить свое боевое состояние и тут увидела, что за ней с интересом наблюдает вся бургерная. Особенно люди в колпаках. Зрители были готовы рвануть за ней следом, чтобы не упустить развязку драмы.

– Чё ты уставился?! Чё ты уставился, я спрашиваю? – начала грубить ближайшему зрителю в колпаке Кристина Анатольевна. – Чё ты ржешь? Тя уволят сегодня же! Понятно! Ну, завтра, в крайнем случае! У меня муж – хозяин всего торгового центра, понятно!

Героиня местного романа помахала телефоном как пистолетом и с шумом удалилась со сцены. За ней, подхватив пакеты, побежала брендмагистр Надежда Алилуевна.

3

Параллельные линии не пересекаются. Например, рельсы. Рельсы бегут себе параллельно с вокзала на вокзал и заканчиваются то на переполненном перроне, то в пустом тупике, но все равно не пересекаются. А вот на картине с закатом, с туманной далью, эти рельсы сойдутся в точке на горизонте. Да что рельсы! Вот усталый мерчендайзер фотографирует параллельные стеллажи в универмаге, а те на фото в кучу собираются. Ну, если фотография масштабная. Так и в романах – ближе к финалу сходятся персонажи друг другу совершенно параллельные. Вот, Феликс Эдмундович Буряк кричит:

– Да, мне параллельно, кто это! Понимаешь? Параллельно!

Он кричит, а человек, хоть и параллельный, стоит и думает: «Столкнулся же с идиотом». Потом поправляет рыжий парик и думает: «Ну и хорошо, что параллельно».

– Чё ты мне тыкаешь своим клоуном? – хозяин магазина

отмахивался от своего зама, как от назойливой мухи, – мне некогда с этим возиться.

Патроныч был в шоке от равнодушия начальника. Он рассчитывал на триумф и восстановление справедливости, как только предъявит клоуна. В мыслях он уже принимал извинения от Феличиты, с достоинством выслушивал слова благодарности. И вот – на тебе. Вместо этого он слышит какие-то упреки: «Чё ты фигней занимаешься? Какой шум, какой беспорядок? Он же аниматор».

– Хорошо. Беспорядок тебя не волнует. Понятно, – тут Патроныч достает главный козырь, – у него проникновение на склад игрушек! Он раздаривал ворованные игрушки!

Лиза утвердительно закивала, а клоун отрицательно замотал головой.

– Вообще-то, я эти игрушки сам делал, из разных деталей собирал. Там без меня так и остался бы мешок мусора, – впервые, с момента взятия под стражу открыл рот клоун.

Лиза что-то возмущенно ему отвечала, но ее речь была заглушена громким спором директора и зама.

– Это круто, что ты лоха ряженого за шмон на складе поймал, но я тебя за чем посылал, Патроныч?

Терпение Патроныча лопнуло.

– Да что ж ты непонятливый какой? Ты чё барана тупого включил? Я тебя не узнаю, Феличита! Где, мать, твои серые клеточки? Это же аниматор! То есть плясать и петь умеет! А у нас на него почти дело готовое!

– И что? Это дает тебе право на меня наезжать что ли? При людях бараном называть? Возьми свои слова обратно, понятно.

– Да, блин, сейчас речь не о званиях идет. Хорошо, Феликс Эдмундович, не баран ты! А пламенный боец геволуции! – Патроныч закартавил с лукавой улыбкой, – Ну, что тебе твоя чекисткая интуиция говорит, батенька? Как мы можем использовать этого лишенца?

Буряк пропустил намеки мимо ушей. Все что он слышал – это то, что его назвали по ненавистному имени отчеству и еще похихмили над этим.

– Ты чёё, Патроныч, совсем страх потерял?! Ты чё здесь за спектакль устраиваешь? Я из тебя сейчас из самого клоуна сделаю! Ты у меня сейчас сам пойдешь людей развлекать!

Ленинский прищур и лукавая улыбка сошли с лица Патроныча. Он захотел картинно положить на стол милицейское удостоверение и сдать ПМ, но вспомнил, что нет у него давно ни удостоверения, ни макарова.

– Ты, Феличита, как был бандюган, так таким и остался. Грубый ты, слишком грубый.

И далее обиженный Патроныч, махнув рукой, сказал то, с чего надо было начинать разговор:

– Я тебе претендента на роль Стаса привел. С эстрадными, так сказать, навыками. Его отмыть, почистить и в Москву. Он против не будет, иначе по статье пойдет. А ты...

– А я, между прочим, – Феличита расхлябанно сделал

блатную распальцовку, – уже сам достал Стаса. Панятна! Такой претендент, тебе и не снилось. Прямо вылитый Стас! Мама не отличит. Звезда, покруче твоего, понятно! Саань! Покажи человека.

Из дверей кабинета вышел Саша Петровский, за ним субъект в джинсах со стразами и майке с надписью «кисми». Клоун с интересом посмотрел в его сторону. Патроныч с горечью признал, что кандидат у Феличиты подходящий. В Лизе все затрепетало. Она не хотела, но все затрепетало. «Не может быть, это он!» – трепетало в Лизе. «Ты, дура сентиментальная, – говорил Лизе голос разума, – перед тобой чучело переодетое, а не Стас. Как там его тетя Светка называла? Тараканов какой-то». «Не может быть, это он!» – все равно трепетало в Лизе. «Ну, ты сверхъестественная дура! – удивлялся Лизой ее голос разума, – вон мужик прямым текстом сказал, что это двойник!» «А может, мужик ошибается», – упрямыствовала Лиза. «А может, это ты ошибаешься?! – заговорил на повышенных тонах голос разума, – Ау, Лиза! Ты что несешь? Ты посмотри на этого лжеСтаса! Посмотри, как он мнется, словно школьник у венеролога! Разве так стоит раскованная, уверенная в себе столичная звезда?» «Это он от стресса, – отвечала Лиза своему голосу разума, – Может, с ним грубо обращались? Смотри, как он хорош, даже когда стесняется. Это робость интеллигента». «Мать, ну ты вообще! Какой интеллигент? – не унимался голос разума, – ты слепая, что ли? Ты посмотри, он джинсы каждую се-

кунду поправляет, как будто они ему мешают. Как будто он не носил их никогда, только сегодня одел! Как будто только треники всю жизнь носил». «Это ничего не значит! Я сердцем чую, что он... И, вообще, прекратим этот разговор», – заткнула Лиза свой голос разума. «Горбатую могила исправит! Попомни мои слова!» – огрызнулся напоследок голос разума и заткнулся.

Александр Петровский принял трепетания Лизы на свой собственный счет. Он считал это естественной реакцией на свое появление. В первую секунду это вызвало у него легкую досаду: «Как это утомляет». Но уже во вторую – досада переросла в тревогу: «Как она его нашла? Что ей от него еще надо? Мало ли что ей в голову взбрело. Что там Клюева говорила? Что эта Курица беременна! А я причем?» Чтобы заглушить нервозность Александр повел себя максимально развязано.

– А мы тут с Костяном пару куплетов выучили. Хоть дуэтом выступай!

– Блин, Саня! Твою... Мы же договорились. Все, теперь он Стас. Стас! Ну сколько можно повторять, – озаботился конспирацией Феличита, хотя сам только что ее нарушил.

– Точно. Извини. Забыл. Мы со Стасом пару куплетов... повторили. Так, просто для удовольствия. «Ну, что, дура, убедилась!? – встрепенулся в Лизе голос разума, – слышала, что Петровский сказал? Это не Стас! Это Костян какой-то». «Да мало ли что твой Петровский говорит!» – заспорила Ли-

за с голосом разума, – он сегодня меня беременной называл, что и этому мне тоже поверить?» «Да ты сама уже не веришь, что это Стас. Просто из упрямства споришь», – урезонивал Лизу голос разума.

Упорное молчание и пытливый взгляд Курицыной еще больше растревожили Петровского. Чтобы расставить все точки над «и», он, как можно отчетливей, демонстративно обращаясь к Лизе сделал заявление:

– В Москву поедем. По делам. Вдвоем со Стасом. Надолго.

Ну, чтобы эта курица не обольщалась, не строила каких-то планов на его счет. Петровский панибратски приобнял лже-Стаса и обвел торжествующим взглядом окружающих. Тут он заметил, что на него пристально смотрит клоун. Костя Таракан вяло попытался освободиться из объятий пижона и вдруг тоже заметил, что клоунская рожа нагло уставилась на него и не отводит взгляд.

– А что здесь делает это произведение искусства? – с заносчивостью наследного принца спросил Петровский и указал на пленного клоуна.

«Да, что это за хер с горы?» – спросил Костя Таракан, но молча, про себя, чтоб особо не отсвечивать в присутствии бывшего участкового. Лиза ринулась объяснять появление клоуна, Петровский ринулся от Лизы, Феличита рванул на перерез, желая узнать у Патроныча, что это за девица, Патроныч шагнул к нему навстречу, чтобы гордо заявить о сво-

ем увольнении, Таракан шарахнулся в сторону, пытаясь уйти от пикирующего Патроныча, клоун осторожно шагнул к двери, пытаясь слинять, но никто в этом броуновском движении так и не завершил свою траекторию, никто так и не смог исполнить своих намерений, потому что вдруг широко распахнулась дверь, и в проеме появилась новая фигура. Точнее две. Три, если уж совсем точно.

4

– Канешна Вася! Трам-та-ра-ра-рам! Вася! Трам-та-ра-ра-рам! Ва...

Первая фигура рухнула на пол.

– Ну, что вы меня все время роняете?! Так я до суда не доживу.

Вторая фигура устало вздохнула и отрапортовала Феличите:

– Принимайте! Вот вам дебошир из Муравейника! Не далеко ушел. Только не знаю, как вы его в Москву отправите, у него и документов нет.

– Какие вам еще нужны документы?! Я – Василий Горюхин! Бла... ик...бла...ик...городный разбой...ик. Гроза общества потребления! Вы, все, тут...ик... жалкие ничтожные личности! Я вас всех презираю! Кроме вас...ик...мадмуазель, – благородный разбойник сделал поклон в сторону Вики Ключевой и чуть не упал, потеряв равновесие, – вы спасли меня от холодной смерти на асфальте.

Тут он увидел аниматора.

– О, рожа! То есть... ик... родственная душа! Арлекино, Арлекино! Есть одна награда смех!

С грацией подбитого танка Горюхин попробовал станцевать. Аниматор попятился назад. Феличита подмигнул Патронычу:

– Вот, еще один умеет петь и танцевать. Может, его в Москву отправить?

– Так ты сам и хотел его отправить! Все полчаса назад. Орал тут, как пострадавший, – обиделся Патроныч.

– То было полчаса назад. Ща другая ситуация. Ты за ситуацией не поспеваешь, уважаемый заместитель по общим вопросам, – тут же нашелся Феличита.

Вика Ключева непонимающе хлопала глазами. «О чем они говорят? Что здесь происходит? Что здесь Петровский делает? Ба! И Лизка тут!» Вика посмотрела в раздумье на свои кроссовки. Их свежий модный вид придал ей решимости. Она отбросила в сторону все свалившиеся на ее голову вопросы и собралась обличить маньяка, как и планировала.

– Я знаю, кто это!

Тут ее перебил телефон. Феличита и Петровский дернулись к своим карманам. Патроныч тоже дернулся, но потом вспомнил, что у него уже нет телефона. Благородный разбойник остановил танец и неловко, чуть не уронив, достал телефон:

– Ааа-лё. У аппарата. Ик.

В трубке зажурчал ласковый вкрадчивый голос:

– Стасик, мальчик мой, как ты? Ты получил денежку? Ты доволен? Ты в аэропорту? Я очень тебя жду, мой мальчик. Мальчик грустно икнул и запел пьяным басом в ответ:

– Па аэрадрому, па аэрадрому лайнер пробежал, как по судьбе, и чево-та там ла-лала-лалала... вот и все, что было, вот и все что было ... Нет денежек, – перешел певец на прозу, – нет денежек, нет концерта.

Лжестас улыбнулся демонически, как Лжедмитрий въехавший в Кремль, и выключил телефон. Феличита схватилась за голову. Он бы схватился за пистолет, но пистолета не было, а голова, и свалившаяся на нее беда, были.

– Ты, урод, я же тебя грохну, я тебя... – Феличита задышался от гнева и не мог придумать страшной казни для алкаша. Любая пытка казалась ему легкой лечебной процедурой. – Звони и говори, что пошутил, мля! Говори, что получил деньги и уже купил билет. Что выезжаешь.

– Я не получил деньги и билет не куплю, – спокойно и даже как-то равнодушно ответил Лжестас, – у меня паспорта нет.

– Да какое мне дело, есть у тебя паспорт или нет?! – ревел Феличита, как раненный медведь, – звони ей и говори, что все нормально! Звони, я сказал!

Но вместо этого звонок раздался в его собственном телефоне. Все затихли. Лиза с Викторией затихли растерянно, Патронич затих злорадно, клоун затих, еле сдерживаясь от смеха, а Женек затих просто так, за компанию. Только Лжестас не

затих, он икал. Лиза, как натура поэтическая, подумала: «Вот, что значит «звонящая тишина»! Телефон звонил, Лжестас икал, а Феличита замер, не в силах нажать кнопку разговора. Он смотрел на телефон, как приговоренный на пистолет киллера. Время замедлилось. Телефонная трель превратилась в гулкий размеренный бой колокола. Пульс не стучал, а заторможенно шаркал, как шаги усталого пенсионера, который поднимается по лестнице в доме, где нет лифта, на пятый этаж, а пока только третий, еще идти и идти, а ноги не идут... Феличита сбросил вызов. Звонок повторился. Он еще раз сбросил. Звонок еще раз повторился. Звонок-сброс, звонок-сброс. Пьяный Лжестас поймал ритм и начал покачиваться в такт. Снова звонок. Феличита с отчаянием и обреченностью самоубийцы нажал на кнопку и поднес трубку к уху. «Где мой мальчик?! Он исчез! Ты должен что-нибудь сделать! Найди его!» – полились из трубки волны паники и ярости. И чем сильнее были волны паники и ярости, тем спокойнее становился хозяин «Нового Света».

– Да, нашелся он. Нашелся. Где, где? Здесь он. Со мной. В офисе. Не, не надо. Не приходи. Не надо, еще раз говорю. Блин, Кристина!

Буряк с растерянной улыбкой повернулся к Саше Петровскому.

– Сейчас твоя мать здесь будет. Готовься к грандиозному шухеру.

Тут снова зазвучал телефон. На этот раз он играл «Полет

Валькирий». Феличита расслабленно пробурчал в трубку:

– Ну, чё ещё? – и тут же вспомнил разницу между звонком «трель» и звонком «Валькирии».

Наего лицо вернулось выражение муки. Предельно вежливый, почти ласковый женский голос спросил, как у него дела, как поживает семья, все ли живы здоровы. Феличита вытер пот. Лучше бы эта московская тетя, эта железная леди шоу-бизнеса орала и истерила в трубку, лучше бы грозила могилой в лесу и разорением, а так не понятно, что у нее на уме. Может, она уже вышла на тропу войны. Может, к нему уже едут из прокуратуры, налоговой, санэпидемстанции. Может, киллер уже навинчивает глушитель на пистолет. Когда пошли вопросы о погоде, Феличита сломался, она начал оправдываться, как школьник:

– Тут просто телефон, понимаете, каким-то образом попал к алкоголику одному. Но вы не волнуйтесь, мы телефон вернем. И Стаса вашего вернем. Нет, не врал. Мы нашли его. Нет, не вру. Он рядом. Трубочку дать?

Феличита повернулся к Таракану. Таракан замотал головой и спрятался за Петровского. С мольбой во взоре Феличита посмотрел на пасынка. Но тот был в шоке от новости, что скоро сюда ворвется его мама, и не реагировал на призывы о помощи.

– Феликс Эдмундович, что же вы замолчали?! – донеслось из трубки. Любой бы на месте Феликса Эдмундовича впал в ступор. Любой их присутствующих. Любой бы хлопал гла-

зами, разводил руками, чесал бы репу, бился бы головой о стену, не зная, что делать. Но не Феликс Эдмундович. Он не стал бы тем, кем стал, не достиг всего, что достиг, если бы делал только то, что знал, как делать. Там, где другой опускал руки от бессилия, Феликс Эдмундович начинал действовать и импровизировать. И, о чудо! Обстоятельства, которые только что окружали его глухой железобетонной стеной, вдруг начинали давать под его напором трещины, просвет возможностей становился все шире и шире, и, наконец, Феликс Эдмундович вырывался на свободу. Вот и сейчас он собрался с духом и выкинул фортель, который сам от себя не ожидал.

– Что, что? Алле! Не пропадите! Не слышу! Что вы сказали?! Какая здесь связь плохая, – Феликс Эдмундович даже подул в трубку для убедительности.

Зачем он дул в трубку, Феликс Эдмундович тоже не знал. Эффект от импровизации проявился незамедлительно, собеседник импровизатора исчез так же вежливо, как и появился. Феликс Эдмундович не успел обрадоваться своей находчивости, как тут же огорчился. Ситуация только ухудшилась. Как же теперь ему оправдываться перед железной леди? Любой другой на месте Феликса Эдмундовича начал бы ругать себя: «Надо думать, прежде чем говорить! Сымпровизировал, блин! Черт тебя дернул! Только все портишь своими выходками. Дурак шепутной!» Любой другой начал бы тратить время на рефлекссию. Но не Феликс Эдмундович. Он

не знал слова «рефлексия» и не привык тратить время. Он тут же попробовал перезвонить. Ему не отвечали. Тогда он вытряхнул из Лжестаса телефон Стаса и нажал последний вызов.

– Вот видите, телефон мы уже отобрали. И Стаса вернем. Уже возвращаем, – затараторил бизнесмен-импровизатор, боясь, что его не будут слушать. – Он здесь, с нами. Просто не может говорить, пьяный в стельку. А телефон у него собутыльник украл, видимо.

– Ничего я не крал! – возмутился Лжестас, – мне его подбросили!

– Заткнись! – заорал Феликс Эдмундович и тут же начал оправдываться в трубку:

– Ой, это я не вам! Что вы. Как можно.

– Не буду я затыкаться! – Лжестас, шатаясь, встал в гордую позу, – Я – Василий Горюхин! Я не вор какой-то! Погром в магазине – моих рук дело. Не жалею! А телефона не брал!

– Как же он у тебя оказался? – язвительно спросил Феликс Эдмундович.

Василий Горюхин в ответ задумался и начал тереть виски с целью стимулирования памяти. Но массаж результатов не дал. Все что вспоминалось – это звонок из кармана куртки.

– Ну, чё молчим?! Нечем крыть? – Феликс Эдмундович отвлекся от своего телефонного разговора и пропустил пару важных реплик про последний шанс и последний рейс.

– Он у меня в кармане зазвенел, – поделилась крохами

информации жертва амнезии.

– Где?

– В кармане.

– Я спрашиваю, в каком месте. Где это случилось? Когда?

Горюхин снова завис.

– Я знаю! – в дверном проеме появилась новая фигура. –

Он у меня продавщиц соблазнял. Я ему позвонил, узнал, где он, и нашел.

Грузная фигура грозно надвигалась на Василия Горюхина. Человек с Наполеоном внутри боязливо отступил, а хозяин торгового центра, наоборот, шагнул навстречу.

– Оба! Какие люди! Давай, Эльдар, выкладывай.

– Я его рядом с детским игровым залом нашел. Он рядом с детьми крутился. Поймал. А потом ему по телефону звонили, называли Стасом. Вот, собственно и все, Феличита.

– Не густо, – посетовал Феликс Эдмундович.

– Может, этот клоун что-нибудь видел, – предположил Эльдар, – он же там заводилой был.

Все как по команде повернулись в сторону аниматора. Василий Горюхин тоже посмотрел на клоуна и послал еще один запрос собственной памяти. Память выдала в ответ какой-то хохот и смутное чувство обиды.

Клоун встрепенулся:

– Ничего я не видел! И этого чувака я не знаю. Я детьми занимался, а не проспиртованными зомби! Чё уставился, дядя, я тя не знаю. Мы с тобой вместе одеколонне пили. Ты ска-

кова раёна? Гнусавые интонации показались Василию знакомыми. «Дядя?» – повторил он про себя. «Дядя», – эхом повторила память.

– Ну ка, скажи еще что-нибудь, – Василий нетвердой походкой двинулся к клоуну.

– Ээ, гуляй Вася! Дыши в другом месте. Мы водку не подаем, пустые бутылки не принимаем, – клоун явно занервничал.

Горюхин почувствовал, что приближается к истине. «Гуляй, Вася!» – определенно что-то знакомое. – Блин! Если бы мне за каждого встреченного идиота давали по рублю, я бы уже миллионером был! – не вытерпел аниматор пытливого взгляда наступающего алкаша.

«Миллионером?» – Вася аж споткнулся на этих словах. Как будто лампочка вспыхнула на складе его памяти.

– Точно! Сволочь! Я узнал тебя! – завопил Вася. – Ты же мне миллион должен! Я его честно выиграл. А ты мне не дал. Еще натравил вот этого громилу! Где мой миллион?!

То ли лампочка на складе Васиной памяти оказалась разукрашена какими-то фантазиями, то ли кладовщик на этом складе что-то с накладными напутал, но на руки Вася получил не те воспоминания. Контрафактные какие-то воспоминания он получил. Такое часто с памятью бывает. Вот кассирша говорит: «С вас 21 рубль». А вы такие: «Как?! Там ценник стоит 12 рублей. Я же помню». Идете, пылая праведным гневом, к полке, а там черным по белому – 21 рубль. «Не

может быть! – возмущаетесь вы, – я же помню! Мне до ма-
разма еще лет 17 с половиной. Это у вас сотрудники ценник
подменили. Я жалобу накаатаю!» Вы возвращаетесь к кассе и
платите 21 рубль. – Чё он несет? У него горячка белая! Убе-
рите от меня от меня этого страдальца! Его в больницу надо
сдать, под капельницу положить, – сделал ответное заявле-
ние клоун и спрятался за спиной своего недавнего гонителя
Патроныча.

Тут Феликс Эдмундович вдруг вспомнил, что у него са-
мого важный разговор по телефону, который по-важнее вся-
ких прочих разговоров.

– А ну заткнулись оба! – рявкнул он авторитетно, после
чего обратился к трубке. Причем поза и тон его при переме-
не собеседника изменились кардинально. – Извините ради
бога, нас прервали, – заговорил он даже как бы слегка кла-
нясь, – Позвольте...

Но ему не позволили. Мобильный уже давно молчал.

– Два барана! – Феликс Эдмундович вернулся в свое
прежнее состояние. – Вы мне такой базар сломали! Вы мне
ответите... Я вас... Феликс Эдмундович в пылу гнева снова
не нашел слов, поэтому сделал жест руками, словно выжи-
мал белье. – Патроныч, держи их у себя в охранке, пока я
не приеду. Как приеду, решим, что сделать: или в ментовку
сдать, или самим разобраться. После этого хозяин « Нового
Света» развернулся на 180 градусов.

– Все, Саш, бери нашу звезду и поехали в аэропорт!

Петровский с Тараканом двинулись к выходу. Один – навстречу славе, другой – навстречу свободной столичной жизни.

Какой волнительный момент! Такое бывает раз в жизни и только в молодости. С кем-то это случается на заплеванном вокзале, когда проводница зовет в раздолбанный плацкартный вагон, мама торопливо и плача сует пакет с продуктами, а папа дает последнее напутствие: «Служи честно, сынок», хотя ты едешь учиться в институт; с кем-то – на деревенском полустанке, когда появляется опоздавший автобус, отец дает ласковую затрещину и мятую трешку, а мама просит писать чаще, хотя ты едешь всего лишь в райцентр, к дядьке на завод; с кем-то случается... Да, с кем и как только не случается! Как будто стоишь на вершине мира и будущее стелется под ногами солнечным пейзажем. Впереди дорога, которая убегает за горизонт. Дышится легко и свободно. Сейчас ты пойдешь по этой дороге, и все будет тебе по плечу или даже по колено!

– Не поняла! Вы куда это собрались?!

Солнечный горизонт будущего закрыла статная фигура с пакетами.

– Я не поняла, ты куда ребенка тащишь? – взволнованная Кристина Анатольевна стояла в дверном проеме, как в раме на парадном портрете в полный рост.

5

«Только не это! Только не это! Только не это. Только не

это. Только не это. Нееееет! Только не это!» – это все, что мог думать Александр Петровский в первую минуту, когда узнал, что скоро здесь будет его мать. Во вторую – он мог думать только: «Так тебе и надо! Так тебе и надо! Так тебе и надо! Так тебе и надо! Так тебе и надо! Так тебе и надо! Так тебе и надо! Так тебе и надо! Так тебе и надо! Так тебе и надо!» В третью минуту он начал думать: «Ну, есть же шанс, что я уйду раньше, чем она придет?! Есть же шанс. Есть шанс. Есть шанс. Есть шанс. Есть шанс! Ее может задержать любая случайность! Нельзя недооценивать его величество случай!» За какие-то секунды он изменил своей философии и начал верить в фортуна, а заодно и в телепатию. «Нам надо в аэропорт! Нам надо в аэропорт!» – напрягал всю свою силу внушения Петровский в сторону отчима. Когда от телепатических усилий у него свело лицевые мышцы, отчим поддался внушению и вспомнил, что им надо ехать. Свет блеснул в конце тоннеля! Будущее снова появилось у Александра! Впереди Москва! «Вот, она, фортуна!» – подумал он, делая первый шаг к двери. «Вот, он, случай!» – подумал он, делая второй шаг. «А ты, дурак, не ве...»

6

Лиза привыкла, что ее прерывают. В любой компании, как только она начинала говорить, то сразу у кого-нибудь появлялась идея по интереснее, и этот кто-нибудь нетерпеливо махал на нее рукой со словами: «Подожди, Курицына. Слушайте лучше, что расскажу...» Или вообще обходилось без всякого «подожди», начинали разговор, как будто Лизы

рядом и не было. Поэтому у Лизы развился богатый внутренний мир, где она беспрепятственно могла развивать свои идеи, и никто ее не прерывал. Так и сейчас, когда хозяин центра презрительно отмахнулся от ее истории про клоуна, наорал на начальника охраны, она просто молча продолжила думать про то, как этот клоун мог попасть на склад их магазина и когда.

А вот Вика не привыкла, что ее прерывают. Ее внутренний мир был не такой большой, как у Лизы, там не помещались все идеи, какие ей приходили в голову. Идеи из Вики рвались наружу. Ей обязательно надо было их высказать кому-нибудь. Более того, ей надо было, что бы ее выслушали. Выслушали внимательно. Тут же все получилось наоборот: она хотела рассказать про МАНЬЯКА, которого ПОЙМАЛА, а ее ЗАТКНУЛИ! Раздражению Вики не было предела. Только она делала глубокий вздох, чтобы снова заговорить, как все отвлекались на кого-нибудь другого. Поэтому, когда в директорский кабинет ворвалась Кристина Анатольевна, Вика, не мешкая, подлетела к ней:

– Ну, скажите им! Меня тут никто не слушает. Это же маньяк.

Вика ткнула пальцем в Горюхина. Кристина Анатольевна непонимающе посмотрела сначала на нее, потом на пьяную фигуру. «Какое это имеет отношение к моему Саше? Не понимаю», – подумала Кристина Анатольевна.

– Мне сейчас не до этого, – махнула рукой взволнованная

мать и повернулась к не менее взволнованному сыну.

– Саша, куда ты едешь? Почему мне ничего не сказал? Ты моей смерти хочешь, да?

Затем Кристина Анатольевна обрушилась на мужа.

– Буряк! Ты на что его подбиваешь? Ты во что его втягиваешь? Ты его в свои дела втягиваешь?!

– Кристина успокойся! – попытался унять жену Феличита, – Успокойся! Ни во что я его не втягиваю! Раскудахталась!

Феличита нервно посмотрел на часы.

– Блин, самолет! Я опаздываю. Ладно. Пусть остается. Ради бога. А я полетел в Москву. У меня дела.

– Как!? – не выдержали нервы у Александра Петровского.

– Как это остается?! Ты же обещал! Охренеть!

– Саша, что еще за выражения! – среагировала Кристина Анатольевна.

– Потому что у меня слов нет! Вы меня задолбали! – сорвался Саша.

– Не ори на мать! – заорал на пасынка Феличита.

Тут уже Вика слетела с резьбы.

– Люди! Вы – идиоты! Здесь особо опасный преступник в комнате! Маньяк! А вы тут со своими семейными ссорами!

Наконец, Виктория Клюева получила то, что хотела – минуту всеобщего внимания. Сначала в кабинете повисла тишина, потом все загалдели: «Ну, ты и дура!» – говорили одни. «А у девочки, что-то с головой», – говорили другие. «Да,

такое не лечится! – Нет, лечится. За муж пора!» Все успели высказаться, даже добрая Лиза покачала головой: «Эх, Вика, Вика. Вот и прославилась». Только один голос поднялся в защиту охотницы на маньяков. Это был голос самого маньяка.

– Господа, вы звери. Что накинулись на девушку? Еще одно слово и будете ..ик... иметь дело со мной!

Василий Горюхин не твердо, но решительно шагнул навстречу обидчикам Вики. Обидчики с наигранным испугом подняли руки. Вася принял капитуляцию на полном серьезе, широким жестом простил врагов, затем по-рыцарски обратился к ошарашенной Ключевой:

– Мадмуазель! Ради вас я готов побыть маньяком! Все равно моя жизнь кончена.

У Вики защипало в носу, она поняла, что вот-вот заплачет. И заплакала. «Господи, какая же я дура! Какой он... хороший. А я его в маньяки... Он хороший, а я – дура. Я – дура, а он – хороший», – всхлипывая, повторяла про себя Вика. Затем она тоже самое повторяла вслух, но уже на плече маньяка, то есть рыцаря. Вася приобнял плачущую девушку, и ему вдруг расхотелось идти в тюрьму.

7

«Ну, слава богу!» – облегченно вздыхает молодой неопытный киллер, когда цель, до этого затерявшаяся в толпе или темных переулках, неожиданно снова появляется под прицелом. Гора с плеч, на душе снова легко и весело. Фортуна улыбается, работа спорится. Он думает про себя: «Все-таки на-

до быть оптимистом!» Так и менеджер Анна вздохнула «Ну, слава, богу!», когда увидела джинсы со стразами под клоунским нарядом. Это мог быть только Он. Это Он в своих знаменитых джинсах со стразами! Это Он был на складе. Это Он пытался вылезти со склада наружу. Рухнувшая концепция снова возродилась. Жизнь перестала казаться Анне бессмысленной насмешкой. Она снова видела цель. «Нет, не уйдешь, коварный предатель, от мести обманутой девы. Сколько угодно меняй ты обличья, но кара настигнет! Гневом сердце пылает! И гнев, как рентгеновский лучик, видит насквозь подлеца, под лицом бы каким не скрывался...» Но тут сомнение закралось в пылающее гневом сердце: «А вдруг это не Он? Ведь если это он, то возникает куча безответных вопросов. Как он попал на склад? Как объяснить джинсы в кабинете с полным набором страз? И, наконец, зачем Ему все это?» Обычный человек под воздействием сомнений становится вялым и бездеятельным. Однако Анна была не обычным человеком, она была решительным менеджером. Сомнения только подтолкнули ее к активным действиям. «Поймаем, спросим!» – завершила она внутреннюю дискуссию и двинулась в погоню.

– Э! Ты куда? – возмутился Эльдар. – Ты куда без разрешения? А работать кто будет? Я кому говорю?

И, действительно, непонятно кому он говорил, менеджера Анны уже след простыл.

– Я что здесь – пустое место? Это мой магазин! Я здесь

главный! Никто не смеет... Дисциплина должна... А то совсем уже... Понятно? – возмущенный Эльдар отчитывал оставшуюся «просто Аню».

– Да, я-то чёё?! Да, я-то при чем? Я стою, никуда не убегаю! Иди, вон, догони и ей скажи! – «просто Аня» сделала обиженное лицо, потом обиженно отвернулась, чтобы скрыть проступающую радость от того что эта задавака, называющая себя менеджером, снова не фаворе у хозяина.

– Да, и пойду! Сейчас догоню ее и уволю на фиг! – и Эльдар побежал догонять и увольнять.

Через пару минут он понял, что не все желания исполняются. Ни уволить, ни догнать не вышло. Да и найти тоже. Куда делась эта шальная – непонятно. Он побегал по коридорам для очистки совести, но безрезультатно. Анны не было. Может она за начальником охраны побежала? Эльдар уже без всякого энтузиазма добрал до «охранки», но там было пусто. Дверь была почему-то открыта. Тут он увидел, как по галерее этажом выше тащат его старого знакомого: соблазителя его продавщиц, алкаша, которого по телефону называли Стасом и, главное, должника, который так и не отдал ему денег. Желание кого-нибудь догнать еще не остыло в хозяине джинсового магазина, поэтому он легко сменил цель преследования.

В отличие от Эльдара, который просто надеялся заметить Анну в толпе и догнать, сама Анна не рассчитывала на случай, она не пыталась найти среди человеческого потока кло-

уна и Патроныча, а строго двигалась к пункту охраны. А куда же еще мог вести задержанного начальник охраны? В этом и заключается преимущество разума перед простым опытом. Опыт хаотичен, а разум указывает прямой путь! Поэтому она была неприятно удивлена, когда уткнулась в закрытую дверь. «Может, я слишком быстро пришла, а они где-то замешкались?» – сделала разумное предположение Анна и решила подождать. Через минуту она сделала еще одно разумное предположение: «Может, кто-то из них, в туалет захотел? Вот они и отклонились от маршрута». Затем она сделала еще несколько, не менее разумных, предположений, но и они не оправдались. Вскоре у менеджера Анны не осталось никаких предположений, даже не разумных. Остались у нее только отчаяние и злость. «Сволочи! Уроды! Где вы шляется!» – крикнула она и начала пинать дверь, окончательно потеряв веру в разум и постижимость происходящего.

– Эй, гражданка, вы что буяните? Что случилось? – подскочил какой-то рядовой охранник, который был скорее удивлен, чем возмущен.

– Где ваш начальник? – не переставая пинать дверь, спросила разбуянившаяся гражданка.

– Где надо наш начальник. Прекратите дверь ломать! – начал сердиться охранник.

В ответ на это гражданка только усилила атаку. Если раньше она по-девичьи била дверь пяткой и толкала ее попой, то теперь она повернулась к двери лицом и пинала ее со все-

го размаху. Женек бы оценил такой таранный йоко-гири, а его коллега по охране порядка не оценил. С каждым ударом возмущение охранника росло, а удивление убывало. Он попытался схватить буйную нарушительницу порядка и спасти дверь.

– Чё ты меня лапаешь? Отпустил, я сказала. Понаберут извращенцев.

Анна вырвалась и продолжила тиранить дверь с удвоенной силой. Охранник позвал подмогу. Подмога пришла вовремя, дверь начала трещать.

– Стойте! Стойте! Да остановитесь, вы, пожалуйста! Я ее вам сам открою! – сделал неожиданное предложение новоприбывший.

Анна остановилась от такой резкой смены стратегии. Руки и, главное, ноги у нее опустились.

– Вот, открываю. Заходим. Смотрим. Никого нет. Видите? – охранник говорил с нарушительницей мягко и ласково, как с умалишенной. – Посмотрели?

– Да. А где Патроныч? – упавшим голосом спросила до этого неистовая Анна.

– Сейчас мы тебя, дорогуша, к нему отведем. Сегодня у всех день тяжелый. Вот один гражданин в магазине продуктами кидался. Видимо с ума сошел от изобилия. Ты, дорогуша, из какого магазина?

– Из джинсового.

– Как звать.

– Аня.

– А дверь-то не закрывается! Все-таки сломала, красотка, дверь-то! – сказал первый охранник с некоторой радостью в голосе.

– Мне в туалет надо, – робко попросилась менеджер Анна. Она была готова разреветься и держалась из последних сил.

– И в толчок сходим и к начальству заглянем. А потом и дверь починим, – все сделаем, – продолжал сюсюкать умный охранник.

– Ты, Женька, вызови, а сам со мной пошли, – скомандовал он коллеге совершенно другим тоном, – вдвоем надежнее, мало ли она чего еще учудит.

Пошептавшись с рацией, первый охранник доложил:

– Женек нашел буйного из «Муравейника», тащит его к самому директору. Отличится хочет. Может, мы тоже сразу к директору эту каратистку доставим? Глядишь, премию получим?

– Патроныча набери сначала.

– Не отвечает.

– Мне в туалет надо, – повторила присмирившая каратистка, чувствуя, что слезы уже вот-вот хлынут.

В то время как менеджер Анна тихо плакала в кабинке туалета, а блюстители порядка караулили ее у входа, Эльдар удивлялся открытой двери в охранку. Она сквозь слезы рисовала себе картину, как начальник увольняет ее за самоволку, а начальник давно преследовал не ее, а новую цель. Когда она

приводила себя в порядок перед зеркалом, Эльдар уже шумно вошел в дверь директорского кабинета. «Что распустила нюни, плаксивая дева? Стойко сноси удары судьбы, как царицы из мифов! Вытри тушь вокруг глаз, соберись-ка, мокрая тряпка!» – рыкнула на свое отражение менеджер Анна.

– Ведите меня к директору, – с холодной обреченной решимостью сказала она, когда вышла из туалета.

8

Вот, например, у вас вселенское горе, драма античных масштабов, а рядом стоит человек, и ему со стороны эта драма кажется жалкой комедией. Всем в кабинете Феликса Эдмундовича Буряка было не до смеху, всем кроме клоуна. Он беспардонно сидел на директорском столе, беззастенчиво разглядывал окружающих и беспрестанно скалился. На лице двойная улыбка: одна нарисованная, другая своя. Его душил приступ смеха, с которым он изо всех сил боролся. «Это ж комедия, мать ее, дель арте!» – думал смешливый человек по поводу суетливого авторитета, который пытался выдать какого-то кренделя за поп-звезду. «Это ж, как его там, «Ирония судьбы» с пьяным веником», – угорал он про себя над Василием Горюхиным. «А это, вообще, «Мимино» какое-то!» – припечатал он Эльдара. Патроныча клоун просто мысленно обозвал «козлом», так как шутить над человеком, который таскал тебя за шкуру, трудно. Лизе досталась обидная кличка «Дюймовочка». В прочем, ее серьезный взгляд слегка сбил градус клоунского веселья: «Однако

ситуация. Вот, вляпался! Рассказать, никто не поверит!» И тут дверь снова распахнулась. Клоун с жадностью начал разглядывать новоприбывших, ожидая очередную порцию веселья: «Так! А это что за новый персонаж в нашей кунсткамере? Что-то знакомое. Хвост, челка, фигурка». На этом его веселье кончилось.

Охранники ступевались, натолкнувшись в кабинете директора гудящую как улей толпу.

– А вам чего! – заорал на них Феликс Эдмундович, который уже плохо контролировал себя и выплескивал свой гнев на первых подвернувшихся.

– Мы, это... вот... Дверь сломала, – первый охранник хотел показать на Анну, но та, молча, раздвигая толпу, зашагала к клоуну.

Второй охранник успел сказать:

– Она Патроныча искала..., – но его уже никто не слушал.

Все смотрели, открыв рты от удивления, на сцену достойную мировых подмостков. На этот раз клоун не был ее зрителем. Он был ее активным участником. Точнее он был участником пассивным и страдательным.

– Э! Ты чё делаешь?! – в панике визжал он, – отдай штаны!

Менеджер Анна, не внемля просьбам, с остервенением стаскивала с аниматора клоунские шаровары.

– Я сексом с абы с кем не занимаюсь! Тем более на людях.

Клоун уцепился за свой костюм, но было поздно – шаровары оказались на полу и взорам зрителей предстали замеча-

тельные джинсы фирмы «Леви-Брюль и сыновья» со стразами! Менеджер Анна торжествующе сказала: «Ага!» Патроныч задумчиво сказал «Ого». Эльдар с угрозой в голосе сказал: «Не понял!» Лиза охнула от удивления. Остальные стали ждать продолжения. Анна окинула тяжелым взглядом полураздетого клоуна и продолжила. Все так же молча, она потянулась за его рыжим париком.

– ЭЭ! Погодите, гражданка, целоваться! Я вам свое согласие не давал! – клоун попробовал отбиваться. – Оставьте в покое парик. Это интимная вещь! Я буду жаловаться! У тебя будут проблемы, на! Те капец!

Анну эти жалкие угрозы не остановили. Завязалась потасовка. Жертва насилия уворачивался как мог. Но тут сзади в него вцепилась еще одна пара рук.

– Я поняла! Я поняла! – возбужденно заговорила Лиза, придавив клоуна к столу своим телом. Из-под нее донеслось: – Отпусти, раздавишь, корова.

Анна сдернула с обезоруженного врага парик.

– Шатен! Так и есть, шатен! Продолжим! – Лиза с горящими глазами схватилась за красный нос. Анна сардонически рассмеялась.

– Платок и воду! – скомандовала она в толпу.

Вика достала платок, Кристина Анатольевна достала бутылочку воды. Анна приняла от них предметы с таким видом, будто участвовала в страшном ритуале. Аниматор забился под Лизой, как вампир, которого собираются окро-

пить святой водой. Он отчаянно вертел головой, но мокрый платок все-таки стер половину его улыбки.

– Отвяньте от меня! Да, вы знаете, кто я такой?! – заорал он в бессильной злобе.

– Догадываемся, – ответила ему Лиза.

Вика тихо, неуверенно запела: «Посмотри в мои глаза, и открой мне свое сердце...» С каждым взмахом мокрого платка голос ее становился все тверже: «У меня в душе гроза гремит на тыщу килоГерцев!»

– Слушайте, я не понимаю, что происходит, не мое дело, – отмахнулся от зрелища с разоблачением Феликс Эдмундович, – Я опаздываю, выметайтесь из кабинета. Мне с моей звездой срочно в аэропорт надо.

– Постой, Феличита, не суетись, – поднялся, крехтя, со стула Патроныч, – кажись, это как раз твое дело. – Девчонки, это тот, кто я думаю?

– Да, блин, я тот, кто ты думаешь! Ну, все, я сам вытру. Ну, слезь с меня, я сам, говорю.

Лиза ослабила хватку, а Анна отдала платок. Шатен вырвался, вытер остатки грима и бросил платок на пол. Затем потряхнул головой и поправил шевелюру. Все дамы в восхищении замерли. Даже менеджер Анна. Ее жажда мести куда-то улетучилась. Немая гоголевская сцена продержалась пару мгновений и тут же была прервана.

– Дай воды попить, – капризно скомандовал шатен Кристине Анатольевне.

Та беспрекословно отдала свою бутылку.

– Блин, что за фигня! Нет нормальной воды? «Ватель» там или «Альпен кристал»?

Кристина Анатольевна отвечала робко, и совсем не обижаясь:

– Извините, у меня нет. Но если надо, я сбегаю.

– Не надо. Ждать еще тебя тут, пока ты сбегаешь.

– Я не понял, это что все значит? – удивился и заодно оскорбился за свою супругу Феликс Эдмундович.

– Чё ты не понял, олигарх захолустный? Трубку дай! – жалкий аниматор на глазах надувался важностью.

– Трубку, кому говорю, дай! Да не свою! Мою!

– Так ты Стас что ли?! – наконец-то добрался до истины Феличита.

Глядя на это чудесное преображение, Лиза подумала, что в детском садике ей не правильно рассказывали сказку о гадком утенке. Милый заморыш превращался не в прекрасного лебедя, а в наглуую птицу, с маленькой головой, змеиной шеей, расфуфыренную, вечно на всех шипящую. Лебедь тем временем обратился к Василию Горюхину:

– Ты, алкаш, чё телефон такой грязный? Это ж «Вирту»! Ты его где носил? У себя в заднице?

Затем он бесцеремонно залез в пакет с покупками Кристины Анатольевны, вытащил оттуда кофточку от «Лакост» и обернул ей мобильный. Кристина Анатольевна не возражала. Василий Горюхин собрался резко ответить бывшему

клоуну, но тот поднес палец ко рту и зашипел на него, призывая к молчанию. Дождавшись тишины, клоун встал в картинную позу и капризно загну савил по свертку с телефоном:

– Алё! Конь в пальто. Да, я. А ты кого хотела услышать? Правильно нервничала. В следующий раз не такое устрою. Ага. В следующий раз думать будешь, как подписывать меня на корпоратив без моего согласия. Подавь своими бабками. Я сказал, я устал. Да, сержусь. Все равно сержусь. Сама пупсик. Ладно, прощаю. Прилечу. Шампанское в гримерку поставь. Имей в виду, я раньше Панайотиса выступать не буду. Раньше Михайлова тоже не буду. Хочу концерт закрывать, вообще. А ты устрой. Слабо? Хорошо. После меня только Билан. Все. Ладно. Твой. Я уже сказал, что твой. Хорошо. Я твой Стасик, довольна? Все чмоки-чмоки. Смотри, еще раз пошлешь в какой-нибудь Мухосранск, я тебя с Голубым огоньком прокачу. Да я такой. Целую. Забыл, позвони в аэропорт, пусть рейс задержат. Уж постарайся.

Оторвавшись от телефона, Стас оглядел окружающих, как будто впервые всех видел.

– Ну, чё замерли. Пока.

– Постойте! – вскрикнули хором Лиза и менеджер Анна, – но как вы... как вы исчезли после концерта? Как попали на склад? Как вы аниматором заделались?

– «Как», «как». Жопой об косяк! Много будете знать, – скоро состаритесь. Некогда мне все объяснять. Да и кто вы такие? – нагрубила звезда девушкам. – Все, поехали в аэро-

порт! Где мои джинсы?

Патроныч достал звездные шмотки и передал их Анне. Она приняла их, как священную реликвию, мантию короля. Увидев еще одни джинсы со стразами, вдруг встрепенулся Василий Горюхин:

– Не отдавайте их ему! На них алмазы наклеены! На миллион! Я вспомнил! Это мой миллион! Я его выиграл. «Вот debil бухой, – бросил реплику в сторону настоящий Стас, затем повернулся Горюхину.

– Выиграл, молодец. Счастливчик. Бери на память! Носи на здоровье!

Звезда махнула рукой Феликсу Эдмундовичу и двинулась к выходу.

– Вы мне телефон свой оставили, можно я позвоню?! – с несвойственной ей робостью пролепетала менеджер Анна.

– Что ж такое, я свалю отсюда когда-нибудь или нет? Хорошо, разоблачительница. Будешь в Москве, звони. Все! Концерт окончен, все свободны!

– Но вы не рассказали... – Лиза сделала последнюю отчаянную попытку выяснить истину.

– И не расскажу, потому что все равно не поймешь.

Стас вдруг задумался и заговорил нормальным, немного грустным голосом:

– У меня полчаса счастья было. Я, вот, все с себя сбросил и голый по вашему торговому центру бегал. Как безумный! Абсолютно голый! В абсолютно пустом торговом цен-

тре! Полчаса полной, абсолютной свободы! Свободы, понимаешь?! Сво-бо-ды. Ну, вот, вижу, ничего ты не понимаешь. А потом мне холодно стало... потом охранники забегали. А дальше не интересно.

– А куклы? – вцепилась в него Лиза, причем буквально, – Как же все эти голые куклы? Зачем вы их чинили? Это по Фрейду? Типа, символическая замена некрофилии...

– ЧевоО? Ты, мать, с дуба рухнула? Какой Фрейд? Какая некрофилия? Вот это да! Вот это заявление! Где мой адвокат?! – опешившая звезда смотрела на серьезное лицо Лизы. – Да, ты, сама извращенка. Я, просто, не люблю поломанные игрушки. С детства! С интерната! Точно валить надо от вас подобру-поздорову. Пора обратно на галеры.

Голос его опять стал гнусавым и капризным:

– Можешь историю продать журналу «Клево», там это любят.

Сказал и вышел. Стало тихо.

Тут он снова появился:

– Э, олигарх, не тормози. Самолет заржавеет.

9

Феличита еще раз крикнул напоследок, чтобы все выметались из кабинета, и исчез вслед за звездой. Василий Горюхин икнул и подвел черту:

– Элвис покинул здание.

Еще минуту назад в кабинете было такое напряжение, что между присутствующими проскакивали искры. Теперь же

люди потухли, словно их выдернули из розетки. «Опустела без тебя земля!» – могли они спеть грустным хором, но не спели. Кто слов не знал, кто, как Патроныч, вообще музыку не любил. Прямо 1 января, только хуже. Костя Таракан не понимал, почему ему грустно. День был удачным, навар приличный, а настроение такое, будто ему пообещали УДО, а потом отказали. Таракан думал незаметно выйти из кабинета, но не решался. Шаг за дверь означал, что он безвозвратно отказывается от шанса попасть в Москву. А ведь он поверил мажору, что это реально. Мажор Петровский вдруг понял, что был слеп. Что у него под носом разворачивалась крутая история, а он от нее отмахнулся. Еще Александр Петровский заметил расстроенную Курицыну. Та печально смотрела на дверь, за которой скрылся Стас. До Александра дошло, что он зря принимал на свой счет ее томные взгляды и ее волнение. «Павлин самовлюбленный, никто о тебе не думает, даже Курицына». Отяжелевшая от горьких истин голова как-то сама собой прислонилась к маминому плечу. Кристину Анатольевну накрыла волна счастья. А Лиза в тоске смотрела на дверь и повторяла про себя: «Он просто не любит поломанные игрушки. Надо же. Просто не любит поломанные игрушки».

– Даа, странная история, – прервал молчание Патроныч, – вроде, кончилась хорошо, а посмотришь, так сплошные белые пятна.

– Как ты догадалась, что клоун – это Стас? – спросил быв-

ший участковый Анну.

– По джинсам со стразами.

– Так евойные портки с бирюльками здесь валялись! Ты же сама видела?

– Видела, но думала, что потом разберусь. Думала, раз ты его поймал, значит это ОН. Кого еще ловить?

– Ха, а я ни сном и ни духом. Так, для отчета прихватил молодца. Думал, отдам вместо Стаса. А вон как оказалось... Ты, дочка, как считаешь, у тебя на складе тоже он был?

– Был. У него на джинсах половина страз оборвано. Ну, в которых, он одет был. Значит, это все таки, он из окна на складе вылезал и стразы растерял.

– Но откуда у него вторые джинсы со стразами?

– Откуда, откуда, от верблюда. Это обычные наши джинсы. Растяпа Анечка должна была забрать все со склада. Я думала, они все в магазине. Вот и решила сначала, что это джинсы самого Стаса.

Менеджер Анна сообщала свои выводы убитым, отрешенным голосом, будто ее уже ничего не колышет, будто она сейчас в монастырь уйдет. Медея в ее голове рассыпалась в труху.

– Занятная картина, – не унимался Патроныч, – а зачем он в окно полез, когда мог в дверь выйти? – Иди, догони, да спроси, – грубо, но все тем же упавшим голосом, без капли агрессии ответила Анна.

Страсть, которая толкала ее на поиски правды, потухла.

Равнодушной стала Анна к установлению точной картины происшедшего.

– Да, мне по фигу, что он там думал, что он там делал. Кто он мне? Велика персона. Таких сотни на телике, – сказала она как можно более равнодушно, так что даже Патроныч догадался, о чем она думала в это время. А думала она в это время: «Бессмысленно ехать в Москву, бессмысленно ему звонить. Он не ответит. Кто я ему? Велика персона – провинциальная продавщица. Таких сотни тысяч». Патроныч деликатно промолчал.

10

Дверь распахнулась, все вздрогнули. На доли секунды в головах Ани, Лизы и даже Костяна вспыхнула бессмысленная и глупая надежда. Бессмысленная и глупая настолько, что даже трудно сказать, о чем эта надежда была. В проем взволнованно вошла Надежда Алилуевна. Анна, Лиза и даже Костян разочарованно выдохнули. Хоть они не успели сформулировать свои надежды, Надежда Алилуевна была не тем, кого они ждали.

– Вы не поверите, Кристина Анатольевна. Мне был знак! Все будет хорошо... шо. Практикующая эзотеричка слегка замешкалась и смутилась, увидев, что на семейном фронте у Кристины Анатольевны итак все наладилось.

– Вот, я же говорю, знак был.

Надежда Алилуевна сделала паузу, в надежде, что ее спросят, какой был знак, но ее надежды не оправдались. Кристи-

на Анатольевна не обращала на нее внимание. Она смотрела на сына, и на ее лице загоралась лукавая улыбка.

– А знаешь что, Санек? – заговорщицки прошептала она.

Заинтригованное чадо наклонило свое ухо. Надежда Алилуевна ревниво скривилась в улыбке и, не видя отклика, вынужденно продолжила.

– Это знак...

Еще одна пауза, но все равно ноль внимания.

– Это знак – «Царица Зимы»! Потрясающий бренд! Он бьет любую астральную опасность! К тому же, там действительно прекрасные шубы. Вы только представьте. Кристина Анатольевна на секунду отвлеклась, нет, на пол секунды, и вернулась к разговору с сыном.

– Так вот, Санек, а поехали сами в Москву?! А?! Махнем?! На концерт ходим?

Вид у Кристины Анатольевны был дерзкий и веселый, как у школьницы, которая подбивает с уроков сбежать.

– Как? – пролепетал потрясенный Санек.

– Самолетом! Чем мы хуже?

Через несколько секунд они уже шли по коридору и громко смеялись глупым шуткам друг друга.

Надежда Алилуевна проглотила обиду, но с трудом: «Царица зимы» обещала хорошие комиссионные за каждую купленную по ее наводке шубу. Когда обида была окончательно проглочена и переварена, брендмагистр бросилась восстанавливать порушенную репутацию.

– Лиза, я думала над вашим случаем. Мы составим ваш гороскоп и вычислим по нему маньяка. А обезвредить его – дело техники. Пару мощных брендов и...

– Маньяка уже раскрыли, – сокрушенно ответила Лиза, – раскрыли, поймали и узнали, что он вовсе не маньяк. А после этого, он улетел и не обещал вернуться. Кстати, Надежда Алилуевна, вы не знаете, что значит слово «метранпаж»? Полдня в голове крутится.

– Не знаю. Наверно, какой-то астральный термин. Точно. Где-то слышала. Эфирный посредник между сферами или лунный...

Когда Патроныч слышал более двух незнакомых слов, он морщился так, как будто лимон откусил, и обзывал это болтологией. Люди, которые занимались болтологией, падали в его глазах на самую низшую ступень общественной лестницы, и уже никогда оттуда не поднимались. Так Надежда Алилуевна стала падшей женщиной в глазах начальника охраны.

– Кончаем болтологию! – сурово оборвал Патроныч брендмагистра.

Он хлопнул себя по коленкам и решительно поднялся, как ставя точку в затянувшейся сцене.

– Торговый центр скоро закрывается. Мне – на инструктаж ночной смены пора. Всё, разбредаемся по магазинам.

– А я? – робко спросил Василий Горюхин, слегка протрезвевший и уже расхотевший идти в тюрьму.

– Можешь валить домой, на первый раз прощаю. Еще раз

дебош устроишь, посажу к нам в холодильник, а потом в отделение сдам. Все таки, Василий Горюхин не зря выпил почти весь «Наполеон», он моментально выбрал верную стратегию – не говоря ни слова двинулся к выходу. Вика еле поспевала его поддерживать. «Наполеон» совершил еще один переворот в голове Василия. Раньше он бы долго мучился вопросами «как быть?», «что делать?», паниковал бы, топчась на месте, по поводу смутных грядущих угроз, теперь же он одним гусарским ударом разрезал гордиев узел проблем: «Да мне по фигу!» и смело шагнул в будущее.

– Ну, чё пригорюнились, красотки? Жизнь продолжается, – попытался приободрить Патроныч Анну и Лизу. – Мы дело раскрыли. Вы, собственно, раскрыли. Как-то криво, но главное же – результат. Родина вас не забудет. Я в случае чего напомню.

Начальник охраны повернулся с Эльдару и, тыкая в сторону менеджера Ани, сделал ему внушение:

– Ты ее береги, она видишь, какая ответственная и дотошная. Таких нонче днем с огнем не найдешь. – А с твоей каргой я сам поговорю. Не тронет она тебя и не уволит, – пообещал свое покровительство Патроныч бедной Лизе. – Без тебя мы бы вообще на него не вышли, на ептова клоуна.

Тут суровому бывшему участковому показалось, что он слишком распустил хвост и слишком рассентиментальничался. Он снова напустил на себя важный вид, придал лицу свое обычное недовольное выражение и рявкнул так, что да-

же Эльдар вздрогнул:

– Так, расчет окончен! Брысь все отсюда!

Остатки компании заспешили к выходу.

– А ты, Копыто, куда? Нам еще обход делать.

– Я, это... – проямлил Женек и вернулся на исходную позицию.

– Ты это, – передразнил подчиненного Патроныч. – Ты, это... задачку-то по матике решил?

– Не. Когда мне? Столько дел, столько всего мешало...

– Вот так всегда в жизни, Копыто. Всегда что-то мешает. Даа. А бывает, ты уже забыл о задачке, а тут бац, ответ приходит. Вот. А ты все мне про какие-то серые клеточки втираешь.

– Да я не...

– Ну и какая отсюда мораль? Мораль какая, спрашиваю, у басни?! Женек развел беспомощно руками.

– Замки надо поменять на складских помещениях!

Патроныч закрыл дверь директорского кабинета, шлепнул секретаршу по заднице и двинулся в сопровождении адъютанта на инструктаж ночной смены. – Ну и денек! – крехтел он по-стариковски, – Ну и денек!

КОНЕЦ

Влад Попов

8926 450 36 12

fladpopoff@yandex.ru